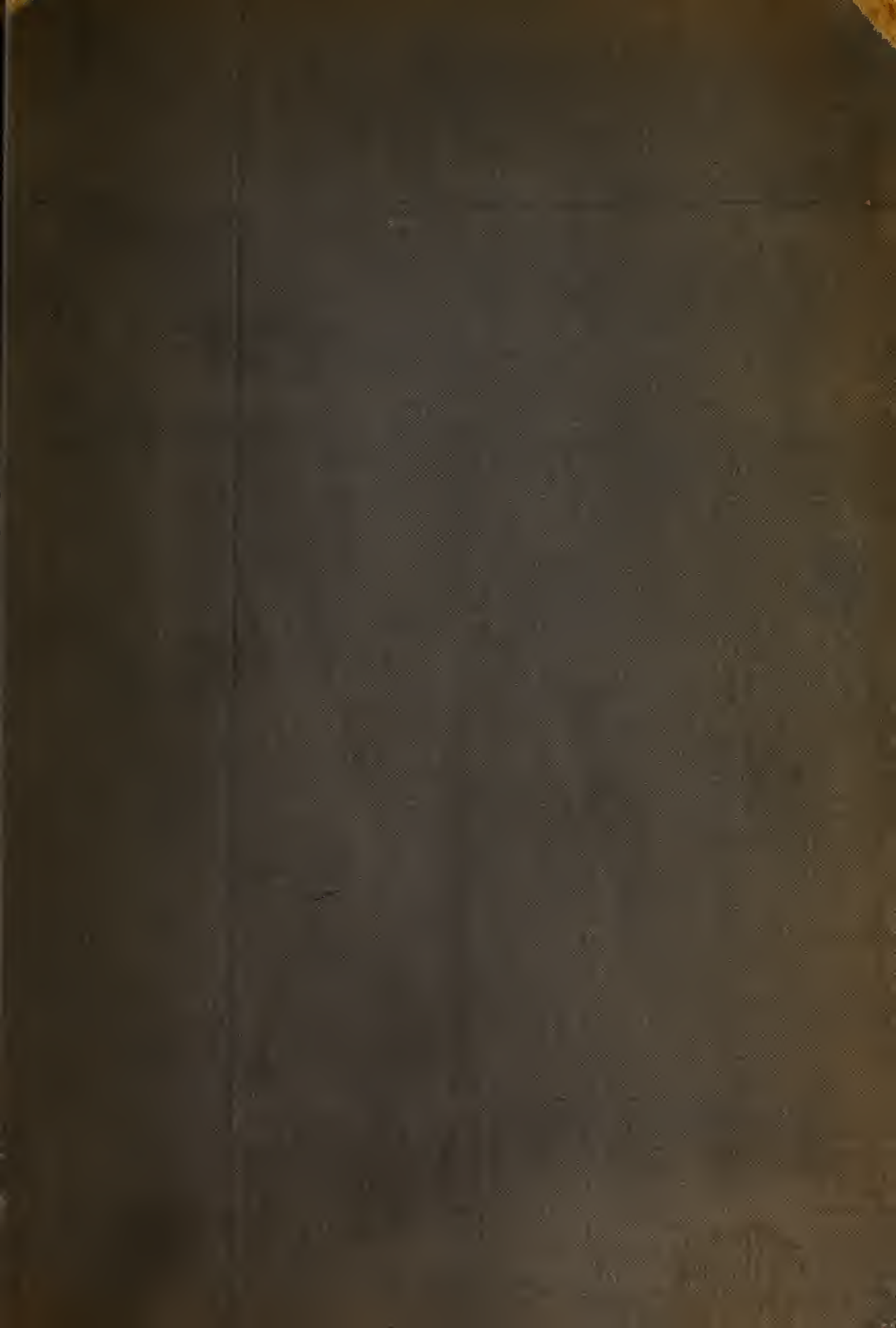

SEAL OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LET THERE BE LIGHT
1868

„Библіотека Дѣтскаго Чтенія“.

I.

О ЖИЗНИ
Николая Васильевича Гоголя
и
ЕГО БЕЗСМЕРТНЫХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ.

Съ портретомъ Н. В. Гоголя, факсимилэ и его рисункомъ.

Чтеніе для школъ и народа

СОСТАВИЛЪ

Д. И. Тихомировъ.

Цѣна 10 коп.

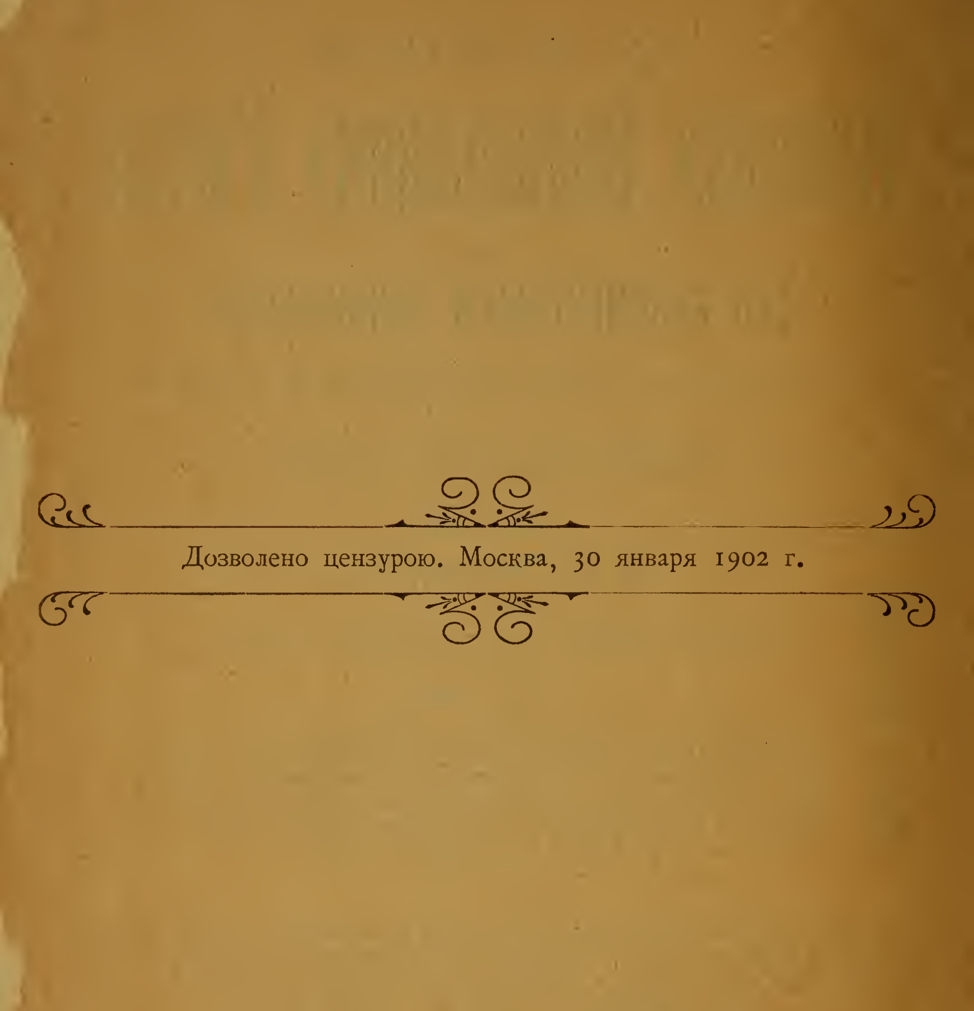
СЕДЬМОЕ ИЗДАНІЕ. Седьмой десятокъ тысячъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

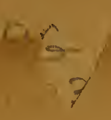
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга эта допущена въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ. (Журналъ М. Н. Пр. № 1, январь 1902 г.).
Главный складъ изданія: Москва, Б. Молчановка, д. 24, Редакція журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К, Москва, Петровка, д. Обидиной.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 30 января 1902 г.

Николай Гоголь

Родословная и дѣтство Гоголя.

Сто лѣтъ тому назадъ проживалъ въ Малороссіи (Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда), въ родовомъ своемъ имѣніи, зажиточный помѣщикъ Василій Аѳанасьевичъ Гоголь-Яновскій.

Исконный малороссійскій родъ Гоголей получилъ польскую прибавку къ своей фамиліи по имени дѣда Василія Аѳанасьевича—Яна (Ивана), который служилъ въ рядахъ польскихъ дворянъ. По имени дѣда и родовое помѣстье Гоголей стали было называть Яновщиной. Но и самые отдаленные родичи Гоголей, и всѣ потомки Яна почитали себя коренными малороссами; Василій Аѳанасьевичъ назвалъ свое помѣстье Васильевкой; откинута была потомъ и польская прибавка къ фамиліи.

Родъ Гоголей изстари всѣ знали и уважали: Гоголи были люди почтенные—даровитые и просвѣщенные. Отецъ Василія Аѳанасьевича служилъ въ запорожскомъ казацкомъ войскѣ и занималъ важную и почетную должность полкового писаря. Онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ кровавыхъ войнъ казацкихъ съ поляками и турками за вѣру и свободу родины. Любилъ сѣдой дѣдъ вспоминать старину и разсказывать въ семейномъ кругу про казацкую силу, про удалыхъ атамановъ, про кровавыя битвы и молодецкіе подвиги. И мастеръ онъ былъ на всякіе разсказы.

И Василій Аѳанасьевичъ выдавался изъ ряда вонъ среди своихъ сосѣдей и большимъ умомъ, и крупными дарованіями. Но время ужъ настало новое,—казачество было, да прошло

и быльемъ поросло, и Василій Аѳанасьевичъ жилъ домосѣдомъ-помѣщикомъ. И онъ любилъ свою родную Украйну и онъ мастерски разсказывалъ про старину; но жилось теперь совсѣмъ ужъ по-другому. Василій Аѳанасьевичъ любилъ и почитать, и пописать: онъ покупалъ книги на малороссійскомъ и русскомъ языкѣ,выписывалъ журналы, любилъ театральныя представленія, и самъ сочинялъ комедіи для домашней сцены. Къ сельскому хозяйству сердце у него не лежало, и не въ деревенской глуши ему бы жить. Но въ тѣ времена не въ обычаѣ было выбирать себѣ дорогу по душѣ, да и дорогъ-то этихъ было мало,—либо оставайся въ деревнѣ помѣщикомъ, либо иди на службу въ приказные или офицеры. Имѣнье у Василія Аѳанасьевича было хорошее, во всемъ былъ полный достатокъ; сосѣди любили его за доброе сердце, уважали за честность и умъ, и онъ не помышлялъ ни о службѣ, ни о какой другой дорогѣ, и былъ доволенъ своею скромною долею.

Счастливъ былъ Василій Аѳанасьевичъ и въ своей семейной жизни. У красавицы - жены его Марьи Ивановны было золотое сердце. Она отъ всей души любила своего мужа и неустанно заботилась, чтобы ему хорошо жилось; съ друзьями и знакомыми привѣтлива, ласкова, добродушна, а къ нищимъ и бѣднымъ жалостлива и милосерда. Марья Ивановна была заботливая хозяйка: съ утра ранняго и до вечера поздняго она въ хлопотахъ и заботахъ—о припасахъ на день, да о запасахъ впрокъ на годъ: вáренье да жаренье, соленье да печенье, разныя наливки да настойки поглощали все время хозяйки. И челяди всякой для услуги и домашней работы было много. Всѣмъ надо работу дать, за всѣми присмотрѣть, за всѣмъ въ домѣ приглядѣть, радушно гостей принять и на славу угостить.

Домъ у Гоголей былъ хоть и небольшой, но помѣстительный и уютный, съ флигелемъ для гостей и разными пристройками и службами. За домомъ большой тѣнистый садъ, въ которомъ по веснѣ распѣвали соловьи; а тамъ дальше большой прудъ, кругомъ хутора̀, а еще дальше— поля и поля.

Покойно и привольно жилось Гоголямъ. Домъ, какъ полная чаша, и все свое, некупленное, рѣдко зачѣмъ приходилось и въ городъ ѣздить,—и кушаньевъ, и напитковъ—всего много. Часто ѣздили по гостямъ, часто и у себя принимали гостей. А наѣдутъ гости, скоро ихъ не отпустятъ, начнется пированье, разсказы про старину да пѣсни, устраивается домашній театръ и всякія деревенскія забавы. Такъ вся жизнь и проходила, какъ сплошной праздникъ,—въ пирахъ, да въ забавахъ. Немного оставалось времени при такой жизни на чтеніе книгъ, да на писательство, хотя и были у Василія Аѳанасьевича большія къ тому способности. Такъ убаюкиваетъ и усыпляетъ привольная и праздная жизнь, и часто губитъ все лучшее, что есть въ человѣкѣ.

Одно только огорчало Марью Ивановну и Василія Аѳанасьевича: не было у нихъ дѣтей. И родились дѣти, да недолго всѣ они выживали. Съ грустнымъ раздумьемъ и робкой надеждой ожидала мать, будетъ ли суждено остаться въ живыхъ новому младенцу, котораго она носила подъ сердцемъ. 19 марта 1809 года родился мальчикъ, котораго назвали Николаемъ. Никто, конечно, тогда и не думалъ и не гадалъ, что этотъ слабый и хилый ребенокъ, за жизнь котораго трепетала мать, прославитъ и навѣки обезсмертитъ имя Гоголей, и что по немъ будутъ памятны и дороги всѣмъ имена и его родичей.

Воспитаніе ребенка и вся окружающая его въ дѣтствѣ жизнь кладетъ на него, какъ на мягкій воскъ, неизгладимую печать; въ дѣтствѣ же открываются въ ребенкѣ и зачатки его наклонностей и дарованій. Рѣдко только взрослые это знаютъ и примѣчаютъ. Такъ это было и съ Никошей.

Отецъ и мать души не чаяли въ ребенкѣ и съ колыбели окружили его самыми нѣжными заботами и берегли его, какъ зѣницу ока. Любили и баловали панычa и всѣ окружающіе. Растетъ мальчикъ на деревенскомъ просторѣ и привольѣ, въ любви и въ радости, и въ домѣ для всѣхъ онъ самое важное лицо,—первый человѣкъ.

Рано открываются въ Никошѣ дарованія: чутко ко всему прислушивается, острымъ взглядомъ ко всему присматри-

вается впечатлительный и воспріимчивый ребенокъ. По словамъ матери, трехъ лѣтъ онъ уже запомнилъ азбуку по игрушечнымъ буквамъ съ картинками, научился разбирать по-печатному и писать мѣломъ. Безъ конца радуютъ всѣхъ эти успѣхи, и мальчика со всѣхъ сторонъ осыпаютъ похвалами.

Пріѣзжаетъ какъ-то къ Василію Аѳанасьевичу въ гости его добрый знакомый—украинскій писатель (Капнистъ) и видитъ, что пятилѣтній Никоша сидитъ за столомъ съ перомъ въ рукѣ и крѣпко задумался. Гость проситъ мальчика показать, что онъ написалъ, а Никоша не даетъ; только просьбами да ласками и удалось уговорить его. Отвелъ гостя Никоша въ другую комнату, затворилъ за собою дверь и прочиталъ стихи. „Только ты объ этомъ никому не сказывай",—прибавилъ мальчикъ. Обнялъ старый писатель ребенка, поцѣловалъ его и сказалъ, что изъ него выйдетъ большой талантъ, если судьба пошлетъ ему хорошаго учителя.

Первыми учителями Никоши были отецъ и мать, дѣдушка и все, что окружало ребенка.

Поѣдетъ отецъ въ поле и задаетъ Никошѣ слова, чтобы онъ подыскивалъ къ нимъ складную риѳму. Разсказывалъ часто отецъ сыну и сказки, и были съ небылицами.

А набожная мать учитъ своего Никошу и Богу молиться дома и въ церкви, и свѣчку Богу ставить, и грошики нищей братіи подавать, и посты и всѣ обряды церковные строго исполнять.

— Если все это будешь соблюдать,—внушаетъ мать ребенку,—тогда и Богъ тебя наградитъ счастьемъ въ этой жизни—на землѣ, а на томъ свѣтѣ—раемъ небеснымъ; а не то грѣхъ тебѣ будетъ, и за грѣхи Богъ счастье отниметъ, и въ адъ пойдешь къ дьяволамъ—на вѣчную муку-мученскую.

— А что же будетъ въ раю, и какъ будутъ мучиться грѣшники въ аду?—спрашиваетъ Никоша.

И разсказываетъ мать, какъ сама она простодушно вѣритъ, про счастливую райскую жизнь и про страшныя муки грѣшниковъ.

— Святые на томъ свѣтѣ жить будутъ въ раю, въ прекрасномъ саду, и душа ихъ будетъ летать возлѣ Бога, и не будетъ у нихъ ни труда, ни заботъ, ни печалей, а однѣ вѣчныя радости да вѣчное счастье. А душа грѣшниковъ вмѣстѣ съ дьяволами въ аду горѣть будетъ въ вѣчномъ огнѣ, кипѣть въ горючей смолѣ, и никогда не угаснетъ тотъ огонь,— все сильнѣе и сильнѣе будетъ разгораться; ни капли росы на грѣшника того никто не уронитъ, ни вѣтеръ на него не пахнётъ.

И такъ страшно разсказываетъ мать про адскія муки, что жутко становится впечатлительному Никошѣ, и глубоко западаютъ эти разсказы въ его сердце, и не позабудетъ онъ ихъ во всю свою жизнь. Послѣ, уже въ зрѣломъ возрастѣ, Гоголь говорилъ матери, что напрасно она учила его однимъ только обрядамъ церковнымъ, и мало говорила о христіанской любви и милосердіи, не открыла ему во всей полнотѣ вѣры Христовой. А мать и сама-то знала только то, что разсказывала.

И домашніе люди разсказываютъ Никошѣ про все, во что сами вѣрятъ,—про всякую нечисть—про покойниковъ, что по ночамъ встаютъ изъ могилъ и бродятъ по землѣ, про колдуновъ и оборотней, про вѣдьмъ и русалокъ и про разную нечистую силу, какой дана отъ Бога власть на землѣ на бѣду и на погибель душѣ христіанской. По-дѣтски вѣритъ во всѣ эти страхи Никоша, какъ простодушно и по-дѣтски вѣрятъ въ нихъ и суевѣрные разсказчики.

Но лучше всѣхъ разсказываютъ отецъ и старый дѣдъ,— ихъ слушаютъ и заслушиваются и взрослые люди, свои и чужіе. Вотъ какъ разсказываетъ потомъ Гоголь про свои дѣтскія впечатлѣнія отъ этихъ разсказовъ:

Долгій зимній вечеръ. На дворѣ трещитъ морозъ и замуровываетъ окно нашей хаты. Мать сидитъ за работой, убаюкивая ребенка, тихо напѣвая пѣсню. „Каганецъ, дрожа и вспыхивая, какъ-будто пугаясь чего, свѣтитъ намъ въ хатѣ. А мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушаемъ разсказы дѣда про какое-нибудь старинное чудное дѣло, и отъ этихъ разсказовъ всегда дрожь проходила по тѣлу, и волосы ерошились

на головѣ. Иной разъ страхъ, бывало, такой заберетъ отъ нихъ, что съ вечера все показывается, Богъ знаетъ, какимъ чудовищемъ. Случится, ночью выйдешь за чѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели твоей улегся спать выходецъ съ того свѣта, и я часто принималъ издали свою собственную свитку, положенную въ головахъ, за свернувшагося дьявола. Но главное въ разсказахъ дѣда было то, что въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ, и что, бывало, ни скажетъ, то именно такъ и было“.

Такъ простодушно вѣрили дѣду и дѣти, и взрослые.

Но не однѣ только страшныя исторіи такъ чу́дно разсказывалъ дѣдъ. Его дивныя рѣчи лились и про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодецкія дѣла казацкихъ атамановъ. И потомъ, много-много лѣтъ спустя, въ душѣ Гоголя все еще живутъ, все еще волнуютъ его эти разсказы о родной украинской старинѣ, объ удальствѣ своихъ предковъ-казаковъ.

„Эхъ, старина, старина!—говоритъ уже взрослый Гоголь.—Что за радость, что за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь или дѣдъ или прадѣдъ, ну, тогда и рукой махни!“

Плавно и задушевно льются разсказы; притаивъ дыханіе, слушаетъ ихъ ребенокъ, а въ низенькую комнатку, озаренную свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, смотритъ усѣянное яркими звѣздами и озаренное мѣсяцемъ темно-голубое небо; а другой разъ за окномъ, на просторѣ, злится и бушуетъ вьюга, а весною глядитъ изъ сада сквозь растворенное окно майская темная ночь, и слышится чудная соловьиная пѣсня, которая обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами, а шорохъ древесныхъ вѣтвей и пугаетъ, и страшитъ. И все это стало близко чуткому сердцу ребенка, сжилось и срослось съ нимъ и навѣки стало роднымъ.

Породнился душою Никоша и съ деревенскимъ крестьянскимъ людомъ. Въ прежнее время по деревнямъ проще жили паны, и одни у нихъ съ народомъ были сказки и

пѣсни, преданія и вѣрованія, обряды и обычаи. Панычи росли на свободѣ, вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми гуляли и играли, заглядывали и на пасѣку (пчельникъ) къ пасѣчнику, и на вечерницы. На пасѣкѣ, лѣтомъ, наканунѣ праздника у стараго дѣда собираются на лугу охотники слушать разсказы и сказки, а зимой на вечерницахъ—и музыка, и пѣсни, и пляска, и сказки.

„У насъ, на хуторахъ, водится издавна,—разсказывалъ потомъ Гоголь,—какъ только окончатся работы въ полѣ, мужикъ залѣзетъ отдыхать на всю зиму на печь, а пасѣчникъ припрячетъ своихъ пчелъ въ темный погребъ; когда ни журавлей на небѣ, ни грушъ на деревѣ не увидишь болѣе; тогда,—только вечеръ,—уже навѣрно гдѣ-нибудь въ концѣ улицы брезжитъ огонекъ, смѣхъ и пѣсни слышатся издали, бренчитъ балалайка, а подчасъ и скрипка, говоръ, шумъ. Это у насъ *вечерницы!* Соберется въ одну хату толпа дѣвушекъ, съ веретенами, съ гребнями. сначала будто и дѣломъ займутся: веретена шумятъ, льются пѣсни, и каждая не подыметъ и глазъ въ сторону; но только нагрянутъ въ хату парубки (парни) съ скрипачомъ,—подымется крикъ, затѣется шаль, пойдутъ танцы. Но лучше всего, когда собьются всѣ въ тѣсную кучу и пустятся загадывать загадки или просто вести болтовню. Боже ты мой! чего только не разскажутъ! откуда старины не выкопаютъ! какихъ страховъ не нанесутъ!“

Сжился Никоша съ роднымъ народомъ, узналъ онъ вечерницы и коляды, и веселые майскіе хороводы, и милы его сердцу были пѣсни народныя, особенно веселыя и плясовыя; узналъ онъ народныя вѣрованія и преданія, полюбилъ крѣпко простую и добрую душу народную, заразился отъ народа безобиднымъ веселымъ смѣхомъ, шуткой-прибауткой, острымъ и мѣткимъ словцомъ.

Родная семья, родной народъ и родная природа и были первыми учителями будущаго великаго писателя: они дали ему богатый запасъ живыхъ и очаровательныхъ впечатлѣній, а его великій природный талантъ подсказалъ ему потомъ для чего и какъ воспользоваться всѣми этими богатствами.

Много прелести въ деревенской жизни среди природы и простыхъ людей; но не затѣйлива эта жизнь и однообразна,

не толкаетъ она мысли и чувства на широкій и вольный просторъ, не заманиваетъ и не ведетъ человѣка впередъ, а часто засасываетъ его въ себя и совсѣмъ усыпляетъ.

Судьба послала Никошѣ случай познакомиться съ другою, болѣе заманчивою, жизнію, которая широко раздвинула его дѣтскій кругозоръ.

У Гоголей былъ родственникъ Трощинскій, богатый и знатный придворный вельможа. Онъ покинулъ Петербургъ и придворную жизнь, пріѣхалъ на покой въ родную Украйну, въ свое имѣнье, неподалеку отъ имѣнья Гоголей, и привезъ съ собою въ эту глушь необычайную для деревни роскошь и новый, будто волшебный, міръ забавъ и удовольствій. Вельможа скучаетъ въ деревенской глуши, онъ привыкъ видѣть вокругъ себя подобострастную толпу просителей и подчиненныхъ, и онъ милостиво принимаетъ теперь у себя всѣхъ, кто только пожелаетъ къ нему пріѣхать. И всегда у него полонъ домъ гостей,—уѣзжаютъ одни, пріѣзжаютъ на смѣну имъ другіе: каждому интересно хоть глазомъ взглянуть на вельможнаго пана, который при царяхъ свою жизнь провелъ, поглядѣть да подивиться, какъ тамъ въ столицѣ такіе высокіе люди живутъ. Гоголи, какъ родственники, чаще другихъ у вельможи бываютъ и подолгу гостятъ. И Никоша съ ними. Наѣзжаетъ и вельможа въ гости къ Гоголямъ. И Никоша вмѣстѣ съ взрослыми волнуется и хлопочетъ, чтобъ съ почетомъ принять вельможнаго гостя, ѣздитъ за покупками въ городъ.

Обширный домъ вельможи Трощинскаго, со множествомъ флигелей, пристроекъ и службъ,—будто дворецъ какой. Подъѣзжаешь къ имѣнью, и ужъ издали слышишь какой-то шумный, веселый гулъ, и онъ становится все громче, явственнѣе, стройнѣе: это огромный оркестръ играетъ что-то хорошее, пріятное для слуха, но невѣдомое, никогда неслыханное,—что совсѣмъ не похоже на брянчанье балалайки и пискъ деревенской скрипки. Вотъ и парадный подъѣздъ, и на немъ рослый швейцаръ въ богатой ливреѣ и съ булавой,—будто важный генералъ какой. Роскошная лѣстница, уставленная цвѣтами, устланная коврами. При дверяхъ и въ ком-

натахъ прислуживаютъ не босыя и грязныя дѣвки, а парадные лакеи въ невиданныхъ нарядныхъ костюмахъ. Вездѣ роскошные ковры, огромныя зеркала, картины въ большихъ золотыхъ рамахъ, удивительныя статуи, вазы и разныя диковинки, которыхъ не знаешь какъ и назвать; все блеститъ и ослѣпляетъ очи, вездѣ чистота и порядокъ, свѣтло и просторно, богато, нарядно, красиво.—Такъ вотъ какъ живутъ богатые вельможи въ Петербургѣ!

Гостямъ отводятъ каждому особое помѣщеніе, и тутъ невиданныя удобства, порядокъ, чистота. Слуги приносятъ на серебряныхъ подносахъ чай, кофе, десертъ. А къ завтраку, обѣду и ужину, въ назначенное время, всѣ гости разомъ должны собираться по звонку въ огромную и роскошную столовую залу. Тихо и чинно стоятъ гости въ столовой и съ напряженнымъ волненіемъ смотрятъ на завѣтную дверь, откуда долженъ появиться вельможный хозяинъ. Дверь быстро и какъ-будто неожиданно распахнулась; важно и властно выходитъ хозяинъ,—онъ въ полномъ парадѣ, увѣшанъ крестами, звѣздами, на немъ черезъ плечо красивая широкая лента. Онъ задумчивъ и кажется строгимъ, суровымъ; на его старческомъ лицѣ утомленіе и скука. Гости наперерывъ другъ передъ другомъ подобострастно выражаютъ ему свое почтеніе, заискиваютъ милостиваго взгляда. Онъ среди нихъ будто царь посреди своихъ подданныхъ. Чинно садятся всѣ за столъ, чинно пьютъ и ѣдятъ невиданныя вина и кушанья, чинно ведутся разговоры. И все время, не умолкая, гремитъ веселая музыка.

Кончился обѣдъ, разошлись гости, но не надолго: вечеромъ вновь гремитъ музыка, устраивается домашній театръ, разыгрываютъ русскія и малороссійскія пьесы; играютъ по временамъ и комедіи, сочиненныя Василіемъ Аѳанасьевичемъ. А то иногда зажигаютъ вечеромъ роскошную иллюминацію, жгутъ ослѣпительные фейерверки.

Будто зачарованный сидитъ, смотритъ и слушаетъ Никоша; будто какимъ колдовствомъ перенесли его въ волшебные чертоги сказочнаго властелина. Но этотъ властелинъ-волшебникъ вотъ здѣсь, вмѣстѣ съ ними, это ихъ знатный род-

ственникъ. Чѣмъ же онъ пріобрѣлъ себѣ эту волшебную силу и власть?— *Службой въ Петербургѣ, при царскомъ дворѣ.*— И западаютъ въ душу ребенка новыя мысли и чувства, зарождаются въ немъ новыя, пока еще неясныя, но сладкія желанія; какая-то сила влечетъ его куда-то вдаль отъ родныхъ мѣстъ, отъ родныхъ и милыхъ лицъ.

Никошѣ ужъ десять лѣтъ. Умѣетъ онъ и любитъ и читать, и писать. Пора панычa въ городъ везти, въ настоящую науку отдать. Отслужили напутственный молебенъ, съ горькими слезами благословила мать милаго сына въ невѣдомый жизненный путь. Никошу опредѣлили въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ (въ Лицей), гдѣ онъ и оставался вплоть до окончанія курса (1821—1828 г.). Теперь уже Никоша хоть и будетъ пріѣзжать домой на лѣто, но онъ ужъ „отрѣзанный ломоть“.

Школьное ученье Гоголя.

Погрустилъ, потосковалъ Никоша по деревенской свободѣ и раздолью, но скоро примѣнился къ новой жизни, къ учителямъ и товарищамъ: и здѣсь не скучно, а даже весело, много новаго и интереснаго.

Въ гимназіи панычей не очень утруждали наукой: въ тѣ годы и вездѣ у насъ, какъ сказалъ Пушкинъ, „учились понемногу—чему-нибудь и какъ-нибудь“. По окончаніи ученья панычи возвращались въ свои родовыя помѣстья, на готовые хлѣба да на привольную жизнь, и въ крѣпостной деревнѣ испоконъ вѣковъ хорошо жилось и безъ науки. Иные поступали на штатскую или военную службу, гдѣ тоже никакой науки не требовалось. Только немногіе избранники и по окончаніи курса уѣзжали въ Москву или въ Петербургъ продолжать свое ученіе, либо искать болѣе видной службы.

Въ нѣжинской гимназіи жизнь была привольная, свободная. При гимназіи былъ большой, густолиственный садъ, и

въ немъ-то гимназисты, весною и осенью, и проводили все свободное время подъ чуднымъ небомъ благословенной Украйны. Въ саду, примостившись на деревѣ или забравшись въ густой кустъ, а то и просто разлегшись на травѣ, гимназисты и уроки готовили, и книги по своему выбору читали, и разныя игры устраивали. Жилось свободно, весело, беззаботно.

Николай Гоголь-Яновскій былъ мальчикъ болѣзненный, тщедушный, и прилежаніемъ онъ не отличался; но у него была быстрая смѣтка, острая память и развязная рѣчь: схватитъ налету верхушки со словъ учителя и бойко отвѣтитъ урокъ, а передъ экзаменами засядетъ вплотную и хоть въ послѣднихъ, а все же перейдетъ въ слѣдующій классъ. За-то въ играхъ и въ шалостяхъ, въ проказахъ и затѣяхъ Гоголь-Яновскій былъ первый зачинщикъ и коноводъ. Мастеръ онъ былъ подшутить и надъ товарищами и надъ учителями, — высмѣять, передразнить, навсегда наградить мѣткимъ прозвищемъ. Въ немъ была необыкновенная способность подмѣчать въ людяхъ смѣшныя стороны, ловко перенимать манеры, и онъ часто потѣшалъ этимъ весь классъ Въ другихъ онъ зорко проникалъ, а самъ другимъ не открывался, и за эту скрытность товарищи прозвали его—„таинственный карла“. Старшіе считали его шутомъ, лѣнтяемъ и неряхой. И правда, что онъ былъ такимъ; но въ немъ было много и другого, болѣе важнаго, чему старшіе особой цѣны не придавали.

Съ самаго дѣтства въ мальчикѣ проявлялась большая охота къ чтенію, писанію и къ рисованію. Дома у отца онъ перечиталъ всѣ разсказы, повѣсти, стихотворенія, какіе только нашлись тамъ. А въ гимназіи онъ зачитывался стихотвореніями Жуковскаго и Пушкина, читалъ журналы и разные сборники. Стихотворенія, какія ему нравились, особенно же Пушкина („Цыгане“, „Полтава“, „Братья разбойники“), онъ не только читалъ и перечитывалъ, но и заучивалъ наизусть, тщательно переписывалъ ихъ на самой лучшей бумагѣ и украшалъ собственными рисунками. Пушкинъ былъ любимымъ писателемъ юнаго Гоголя; передъ Пушки-

нымъ Гоголь благоговѣлъ, за него онъ спорилъ съ товарищами зло осмѣивалъ гимназическаго учителя, который не признавалъ въ Пушкинѣ большого дарованія.

Вмѣстѣ съ чтеніемъ въ Гоголѣ развивалась страсть и къ писательству. Онъ или подражалъ тому, что ему нравилось, или же пересмѣивалъ то, что казалось ему смѣшнымъ, или же сочинялъ свое собственное. Онъ затѣялъ въ гимназіи издавать свой собственный журналъ рукописный, на подобіе печатныхъ журналовъ, назвалъ свой журналъ „Звѣзда", самъ писалъ для него статьи, театральныя пьесы, стихотворенія, рисовалъ обложку журнала, и все это дѣлалъ секретно ото всѣхъ, просиживалъ ночи надъ своей работой, а потомъ неожиданно для всѣхъ торжественно приносилъ свой журналъ въ классъ и мастерски читалъ свои сочиненія, и всѣ товарищи, притаивъ дыханіе, слушали его чтеніе, восхищались, осыпали автора похвалами. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ осмѣялъ жителей Нѣжина; сочиненіе это называлось: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ". Своею страстью къ журналу и писательству Гоголь заразилъ и товарищей своихъ. Заразилъ онъ ихъ и страстью къ театральнымъ представленіямъ.

Вернувшись какъ-то изъ дома послѣ лѣтнихъ каникулъ, Гоголь подбилъ товарищей устроить въ гимназіи домашній театръ. Сначала вмѣсто кулисъ служили классныя доски а потомъ, когда дѣло пошло на ладъ, явились и настоящія кулисы, и костюмы. Разыгрывали и малороссійскія пьесы, и русскія, и французскія—извѣстныхъ тогдашнихъ писателей. Гоголь особенно хорошо представлялъ на сценѣ стариковъ и старухъ. Гимназическій театръ скоро вошелъ въ славу, и на представленія собирались и гимназическое начальство, и горожане.

Подъ конецъ курса Гоголь подговорилъ товарищей завести свою библіотеку: сдѣлали складчину, выписали журналы и сочиненія всѣхъ извѣстныхъ тогда писателей. Товарищи выбрали Гоголя библіотекаремъ, и онъ зорко слѣдилъ, чтобы дорогія его сердцу книги содержались въ сохранности и порядкѣ. Чтобы не пачкались книги, Гоголь обертывалъ ихъ

въ бумагу; обертывалъ бумагой во время чтенія большой и указательный палецъ читателей.

Такъ, еще въ юную пору своей жизни Гоголь обнаруживаетъ и свои дарованія, и особенности своего характера. Онъ любитъ больше всего литературу и театральныя представленія, много читаетъ, и самъ много пишетъ, и играетъ на сценѣ. Онъ считаетъ себя даровитѣе и умнѣе другихъ, и не только товарищей, но и взрослыхъ; онъ умѣетъ подмѣтить въ другихъ смѣшныя стороны, зорко заглянуть другимъ въ душу, любитъ и посмѣяться надъ каждымъ. А къ нему въ душу проникнуть трудно, онъ скрываетъ свое ото всѣхъ. Но самъ за собой, за своими мыслями и чувствами онъ внимательно наблюдаетъ, и умѣетъ управлять собой. Умѣетъ онъ и поразсказать про себя, когда это нужно.

Вотъ какъ онъ, шестнадцатилѣтній юноша, описываетъ нежданно постигшее его горе—смерть отца:

„Не безпокойтесь, дрожайшая маменька! я сей ударъ перенесъ съ твердостію христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ, однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего, и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывистую, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему“.

Такъ, съ юношескихъ лѣтъ Гоголь пріучился наблюдать и за окружающими, и за собою; рано онъ сталъ задумываться и надъ своею жизнію, надъ своимъ будущимъ. Неожиданная смерть отца и огорчила юношу, и заставила еще крѣпче призадуматься. Семья осиротѣла, и какъ старшій въ семьѣ онъ обязанъ устроить счастье и матери, и сестеръ; онъ замѣнитъ имъ отца, посвятитъ имъ всю свою жизнь: такъ думалъ юноша Гоголь.

Гоголю недолго ужъ оставаться въ гимназіи. Одинъ изъ его близкихъ друзей уже окончилъ курсъ и ѣдетъ въ Петербургъ, и Гоголь вмѣстѣ съ нимъ уносится въ своихъ

мечтахъ туда же: въ столицѣ живутъ не такъ, какъ въ деревенской глуши,—тамъ дворцы и театры, богатство и роскошь; и люди тамъ другіе—литераторы и ученые, важные сановники; тамъ совершаются великія дѣла. Тамъ, въ Петербургѣ, и онъ найдетъ для себя настоящее важное дѣло, и устроитъ благополучіе и свое, и своей семьи.

Но прежде всего нужно сдать послѣдніе экзамены, окончить курсъ, а учебныя дѣла у юнаго мечтателя не важны, и много въ нихъ недочетовъ. Въ письмахъ къ матери Гоголь осыпаетъ упреками и своихъ учителей, и школьные порядки, а самъ усердно присаживается за дѣло, всѣми силами старается наверстать потерянное время.

Наконецъ экзаменъ благополучно выдержанъ, курсъ оконченъ. На короткое время ѣдетъ Гоголь въ деревню къ матери, но не засиживается здѣсь и поскорѣй-поскорѣй въ Петербургъ, на службу. Гдѣ и какъ будетъ служить,—онъ и самъ еще не знаетъ, но твердо увѣренъ, что его тамъ ожидаетъ великая будущность. И юноша въ своихъ мечтахъ весь вспыхиваетъ огнемъ гордаго сознанія и своихъ силъ, и ожидающей его славы. Онъ будетъ большимъ дѣятелемъ, онъ сослужитъ великую службу своему отечеству—на благо себѣ подобнымъ, для счастія всѣхъ гражданъ; его ожидаютъ впереди почести и слава. Въ своихъ мечтахъ онъ уже живетъ въ этой блестящей столицѣ, у него прекрасная квартира въ лучшей части города, посреди дворцовъ, и съ окнами на царственную красавицу—Неву, у него обширный кругъ знакомыхъ. Скорѣй, скорѣй въ Петербургъ!

Неудачи и первые успѣхи въ Петербургѣ.

Напутствуемый благословеніями матери, съ рекомендательными письмами въ карманѣ и скромнымъ запасомъ денегъ, спѣшитъ Гоголь въ дорогу по первому санному пути. Чтобъ не терять дорогого времени, онъ ѣдетъ не на Москву, а выбираетъ самый кратчайшій, хоть и менѣе удобный путь. Съ большимъ нетерпѣніемъ и съ волненіемъ ждетъ Гоголь,

когда покажется завѣтный городъ. Вотъ наконецъ из... ужъ видны многочисленные огни столицы, и юношей ов... дѣлъ невыразимый восторгъ: позабывъ про морозъ, онъ то и дѣло высовывается изъ крытой повозки, приподнимается на ципочки, чтобъ поскорѣй насладиться давно ожидаемымъ зрѣлищемъ. Онъ готовъ выпрыгнуть изъ саней и бѣжать бѣгомъ.

Но безучастно и холодно принялъ Петербургъ безвѣстнаго юношу-провинціала. Жизнь въ столицѣ страшно дорога. Пришлось помѣститься не въ богатой квартирѣ съ окнами на Неву, а вдали отъ центра, въ двухъ крошечныхъ комнаткахъ, чуть не подъ крышей какого-то огромнаго и грязнаго дома, биткомъ набитаго бѣднымъ людомъ. Начались долгія и тяжелыя хлопоты о пріисканіи занятій, — и вездѣ отказъ, никакого дѣла не находится. Да и самъ Гоголь хорошо еще не знаетъ, какое именно дѣло ему нужно, какое въ немъ живетъ призваніе. А время идетъ. Пришлось узнать крайнюю нужду. Не на что купить и теплаго платья, и Гоголь всю зиму щеголяетъ въ лѣтней шинели. Объ удовольствіяхъ столичныхъ нечего и думать, даже билета въ театръ купить не на что. Но юноша пока еще не падаетъ духомъ.— „Если въ одномъ неудача,—пишетъ онъ матери,— можно прибѣгнуть къ другому, къ третьему“. Чтобъ осуществить свои туманныя мечты о великой службѣ отечеству, Гоголь готовъ вытерпѣть всякія лишенія, перенести всякую нужду. И онъ терпитъ.

Чтобъ добыть себѣ средства, Гоголь задумалъ напечатать небольшое сочиненіе въ стихахъ, написанное имъ еще въ гимназіи („Ганцъ Кюхельгартенъ“): книжку похвалятъ и быстро раскупятъ,—это дастъ и деньги, и славу, его наконецъ замѣтятъ и оцѣнятъ. Но книжку осмѣяли, и оскорбленный этимъ юный сочинитель поспѣшно собираетъ свое сочиненіе изъ книжныхъ лавокъ и безпощадно сжигаетъ. Пробуетъ Гоголь поступить въ актеры,—и тутъ неудача. Куда ни толкнется, вездѣ отказъ и отказъ.

Терпѣніе Гоголя начинаетъ истощаться; онъ уже недоволенъ Петербургомъ, который обманулъ его юношескія

ı. „Петербургъ мнѣ показался,—пишетъ Гоголь матери,— ›се не такимъ, какъ я думалъ. Я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе; и слухи, которые распустили о немъ, также лживы. Жить здѣсь не совсѣмъ по-свински, то есть имѣть разъ въ день щи да кашу,—несравненно дороже, нежели думаете“. „Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи, и что всего страннѣе, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я съ помощію своихъ покровителей не могъ достигнуть“.

И вотъ въ головѣ Гоголя внезапно является рѣшеніе уѣхать за границу,—какъ можно дальше отъ Россіи, хотя бы даже въ Америку: тамъ другіе люди, тамъ скорѣе поймутъ и оцѣнятъ его высокія стремленія, тамъ сейчасъ же дадутъ ему большое и важное дѣло. Но едва Гоголь очутился на морѣ, на чужомъ кораблѣ, среди чужихъ людей, какъ мечты его о счастливой жизни на чужбинѣ разлетѣлись прахомъ, и онъ такъ же быстро повернулъ назадъ въ Россію.

Не зналъ еще юноша, что люди вездѣ одинаковы, и мѣсто въ жизни каждый самъ себѣ долженъ найти, что успѣхъ надо завоевать себѣ долгимъ и упорнымъ трудомъ.

Отыскалось наконецъ хотя и не важное мѣстечко для Гоголя, поступаетъ онъ на службу въ департаментъ мелкимъ чиновникомъ, переписываетъ канцелярскія бумаги. Раньше юноша не допускалъ и мысли, чтобы „природа,—какъ самъ онъ говорилъ,—отвела ему черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ.“

Но истинный талантъ хоть и не скоро, а пробьетъ себѣ дорогу; истинное призваніе выведетъ человѣка на вѣрный путь. Первая неудача съ гимназическимъ сочиненіемъ только на время смутила Гоголя и научила его терпѣнію. Какая-то непонятная сила влечетъ его къ литературѣ, къ писательству. Онъ зорко присматривается къ тому, что̀ и какъ пишутъ другіе, чутко прислушивается, что̀ одобряютъ, что̀ охотнѣе читаютъ, что̀ имѣетъ успѣхъ. И задумалъ Гоголь описать жизнь и бытъ крестьянъ близкой и милой его

сердцу Украйны, поразсказать не то были, не то сказки, хорошо ему знакомыя съ дѣтства. Но теперь ужъ Гоголь спѣшитъ съ этимъ дѣломъ. Онъ пишетъ матери и знакомымъ, умоляя ихъ присылать ему разныя свѣдѣнія о Малороссіи, описывать жизнь крестьянскую, обычаи народные, игры, пѣсни, преданія, — все это очень нужно ему для задуманныхъ сочиненій. „Въ тиши уединенія“,—пишетъ онъ матери,—я готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши,—не пущу въ свѣтъ: *я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе заниматься поверхностно*“.

И вотъ, одинъ за другимъ являются въ журналахъ небольшіе разсказы изъ малороссійской жизни.

Гоголь хорошо знаетъ свою чудную Украйну и горячо любитъ ее; а изъ холоднаго Петербурга она кажется ему еще милѣе и краше. Будто волшебникъ какой переноситъ онъ читателя въ свою очаровательную Малороссію и заставляетъ наслаждаться то чудной украинской ночью, то знойнымъ лѣтнимъ днемъ, то морозной зимней ночью. Задушевно и увлекательно разсказываетъ онъ про украинскихъ дѣвушекъ красавицъ, про удалыхъ парубковъ, про казаковъ и казачекъ, про сварливую бабу и робкаго мужа, про дьячка и цыгана, про колдуна и вѣдьму и про всякую чертовщину, про свычаи и обычаи народные, про горести и радости простыхъ людей, про все, чѣмъ жизнь и печальна, и красна. И всѣ эти разсказы проникнуты у Гоголя горячею любовью къ природѣ и къ людямъ, приправлены острымъ словцомъ, молодымъ заразительнымъ смѣхомъ.—Свѣтло, радостно и весело смотритъ на Божій міръ молодой писатель; свѣтло, радостно и весело становится на душѣ читателя отъ его сочиненій.

Осторожный Гоголь не подписывается подъ разсказами своимъ настоящимъ именемъ; но всѣ ужъ въ Петербургѣ знаютъ его имя и приходятъ въ восторгъ отъ его сочиненій. Вотъ какъ отозвался тогда о первыхъ разсказахъ Гоголя знаменитый нашъ критикъ Бѣлинскій:

„Это поэтическіе очерки Малороссіи, очерки, полные жизни и очарованія. Все, что можетъ имѣть природа прекраснаго, сельская жизнь

простолюдиновъ обольстительнаго, все что имѣетъ народъ оригинальнаго, типическаго, все это радужными цвѣтами блеститъ въ этихъ первыхъ поэтическихъ грезахъ писателя. Это была поэзія юная, свѣжая, благоуханная, упоительная. Читайте вы его „Майскую ночь", читайте ее въ зимній вечеръ у пылающаго камелька, и вы забудете о зимѣ съ ея морозами и метелями: вамъ будетъ чудиться эта свѣтлая, прозрачная ночь благословеннаго юга, полная чудесъ и тайнъ; вамъ будетъ чудиться та юная блѣдная красавица, жертва ненависти мачехи, это оставленное жилище съ однимъ растворенньмъ окномъ, это пустое озеро, на тихихъ водахъ котораго играютъ лучи мѣсяца, на зеленыхъ берегахъ котораго пляшутъ вереницы безплотныхъ красавицъ (русалокъ). „Ночь предъ Рождествомъ" есть цѣлая полная картина домашней жизни народа, его маленькихъ радостей, его маленькихъ горестей,—словомъ, тутъ вся поэзія его жизни".

Гоголя теперь знаютъ, — онъ входитъ въ славу; у него ужъ есть и покровители. Познакомился Гоголь съ Жуковскимъ и съ извѣстнымъ писателемъ и ученымъ Плетневымъ. Представился Гоголю случай познакомиться и съ великимъ Пушкинымъ. Благоговѣя съ дѣтства передъ талантомъ геніальнаго писателя, Гоголь со страхомъ и съ трепетомъ, рано утромъ, является въ первый разъ къ великому поэту и съ волненіемъ ждетъ, когда онъ проснется. Пушкинъ встрѣтилъ Гоголя совсѣмъ попросту, обласкалъ его, принялъ въ немъ сердечное участіе, а потомъ и совсѣмъ сблизился съ нимъ. Провидѣлъ Пушкинъ въ юномъ писателѣ великій талантъ, и радъ былъ помогать ему и словомъ, и дѣломъ.

Успѣхъ окрыляетъ Гоголя, и онъ печатаетъ въ журналахъ разсказъ за разсказомъ, а по совѣту опытныхъ друзей печатаетъ ихъ и въ отдѣльномъ сборникѣ, подъ заглавіемъ „Вечера на хуторѣ", и опять-таки не выставляетъ на книжкѣ своего настоящаго имени.

Изданіе это имѣло небывалый успѣхъ, и книжки быстро раскупили. И въ обществѣ, и въ печати всѣ хвалятъ талантъ молодого писателя, пророчатъ ему славную будущность. У Гоголя есть уже теперь друзья и покровители,

читатели и почитатели; являются и денежныя средства, — онъ съ великою радостью помогаетъ матери и сестрамъ.

Успѣхъ сочиненій Гоголя, казалось бы, сразу долженъ былъ рѣшить его судьбу: только въ одномъ писательствѣ его настоящее призваніе; только своими сочиненіями онъ сослужитъ великую службу родной землѣ. Но Гоголь ужъ недоволенъ своими разсказами; онъ хотѣлъ бы сразу создать что-либо великое и славное, сразу сослужить высокую службу родинѣ: „Да обрекутся эти разсказы неизвѣстности, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, — покамѣстъ что-нибудь великое не изыдетъ отъ меня. Но я стою въ бездѣйствіи, — мелкаго не хочется, а великаго не выдумывается“.

И Гоголь вновь берется не за свое дѣло. Онъ задумываетъ писать ученыя сочиненія по исторіи, и у него ничего не выходитъ; онъ добился профессорскаго мѣста въ университетѣ, но студенты лекцій его не слушаютъ, потому что онъ и самъ мало науку знаетъ, и работать для науки не привыкъ и не умѣетъ. Всего только и осталось для потомства отъ этихъ профессорскихъ занятій Гоголя двѣ-три дѣйствительно блестящихъ лекціи.

Повѣсти о малороссійскихъ помѣщикахъ и петербургскихъ чиновникахъ. Тарасъ Бульба.

Жизненныя неудачи научили Гоголя многому, и онъ ужъ пріобрѣлъ житейскую опытность: своимъ зоркимъ отъ природы глазомъ онъ разсмотрѣлъ въ людяхъ ихъ безучастіе другъ къ другу, жестокость, себялюбіе, заботы лишь о самихъ себѣ.

Стосковался Гоголь по Украйнѣ, и потянуло его туда, хочется ему тамъ отвести свою душу хоть на короткое время. Но и здѣсь ожидаютъ его разочарованія: близкіе и знакомые люди все тѣ же, да не такими кажутся они теперь просвѣтленному житейскимъ опытомъ глазу. И прежде, еще

гимназіи, Гоголь видѣлъ вокругъ себя не мало „дураковъ, которымъ законъ не писанъ“, а теперь открылось передъ нимъ цѣлое море житейской глупости, душевной пустоты. Всѣ эти милые и добродушные помѣщики и помѣщицы — ничтожнѣйшіе и пустые люди, которые всю свою жизнь только о томъ и заботятся, какъ бы сытно и безпечально провести свою ни для кого другого ненужную жизнь. И удовольствія ихъ грубы и низменны, и заботы ихъ мелки и ничтожны, и нѣтъ въ нихъ никакихъ свѣтлыхъ мыслей и стремленій, и невѣжественны они, и суевѣрны, — это не настоящіе люди, а будто только призраки людей. Но и эти ничтожные люди по-своему радуются и страдаютъ, и вызываютъ къ себѣ состраданіе, и жалки они за свою пустую жизнь, и за то, что другой жизни они не знаютъ и знать не хотятъ. А такихъ людей много,—вездѣ много, въ деревнѣ и въ городѣ, въ Малороссіи и въ Петербургѣ.

И Гоголь талантливо описываетъ знакомую ему съ дѣтства жизнь малороссійскихъ помѣщиковъ и добродушно смѣется надъ ними, а въ глубинѣ своего сердца жалѣетъ ихъ. Вотъ прислушайтесь къ разсказу Гоголя.

„Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ „старосвѣтскими“, которые какъ дряхлые живописные домики хороши своею простотою. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ *ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ*, за плетень сада, наполненнаго яблоками и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся въ сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. На лицахъ этихъ владѣтелей скромныхъ уголковъ, старичковъ и старушекъ, всегда написана такая доброта, такое радушіе и добросердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную жизнь“.

И Гоголь, дѣйствительно, какъ-будто забываетъ всякія мысли и мечтанія о болѣе свѣтлой человѣческой жизни, переносится самъ и переноситъ съ собою и читателя въ эту тихую и пустую жизнь добрыхъ старичковъ и старушекъ.

„Я до сихъ поръ не могу позабыть,—продолжаетъ Гоголь,—двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ—увы!—теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости“.—Это были—„Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ“.

Въ чемъ же проходила жизнь этихъ старичковъ, и что было въ ней примѣчательнаго?

„Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу „*ты*“, но всегда—„вы“.—Вы, Аѳанасій Ивановичъ! Вы, Пульхерія Ивановна! — Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?—Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна. Это я.— Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ“.

Замѣтьте это, читатель, — *они любили только самихъ себя.* Если бы у нихъ были дѣти, они бы и дѣтей своихъ любили, но только ихъ однихъ;—другихъ людей, кого можно и нужно любить, какъ-будто и на свѣтѣ не было. Старички были добродушны со своими близкими и знакомыми, привѣтливы къ нимъ, гостепріимны, потому что это имъ и ничего не стоило, и доставляло удовольствіе; и отъ знакомыхъ своихъ они получали то же самое. Заботились же они лишь о самихъ себѣ, жалѣли только другъ друга и жили по привычкѣ другъ для друга. Они пожалѣютъ и нищаго; но эта жалость выразится только тѣмъ, что подадутъ нищему Христа ради, для спасенія души своей, кусочекъ хлѣба или копеечку, что̀ имъ самимъ ничего не стоитъ. А вокругъ ихъ запасливаго помѣстья живетъ непокрытая бѣднота въ пошатнувшихся на сторону избахъ, и сами эти старички живутъ на счетъ этой бѣдноты; и въ домѣ у нихъ много всякой челяди, которая даромъ работаетъ на нихъ, обезпечиваетъ ихъ праздную и пустую жизнь. Но Аѳанасію Ива-

новичу и Пульхеріи Ивановнѣ и въ голову не приходитъ *любитъ* и *жалѣть* этихъ своихъ крестьянъ.

Не знали старички и настоящаго труда, который былъ бы полезенъ и для нихъ самихъ, и для другихъ. Умѣли они собирать и копить только чужой трудъ, да и то дѣлали это лѣниво и безтолково.

„Аѳанасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя, впрочемъ, ѣздилъ иногда къ косарямъ и жницамъ и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу; все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ постоянномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. И всего этого наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вѣроятно, запасы потопили бы, наконецъ, весь дворъ, если бы большая половина ихъ не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои".

Староста и приказчикъ, кучера и многочисленная челядь тоже обкрадывали господъ и тащили, кто что могъ,—лѣсъ и хлѣбъ, полотна и пряжу,—дарили роднымъ и знакомымъ, продавали на базарѣ, пропивали въ кабакѣ.

„Добрые старички" сами ничего для себя и для другихъ не дѣлали, получали все даромъ и приносили собою въ жизнь одно только зло, портили и развращали людей.

Но чѣмъ же они наполняли свое время, что дѣлали они изо дня въ день, изъ года въ годъ?

„Оба старичка, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано),—они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись кофе, Аѳанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платокъ, говорилъ: „Кишъ, кишъ! пошли, гуси, съ крыльца!" На дворѣ ему обыкновенно попадался приказчикъ. Аѳанасій Ивановичъ, по обыкновенію, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, разспрашивалъ о работахъ съ величайшею подробностію, и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства... Но приказчикъ былъ обстрѣленная птица: онъ зналъ, какъ

нужно отвѣчать, а еще болѣе, какъ нужно хозяйничать"—т. е. обманывать и обкрадывать своего барина, который, какъ видите, хорошо понималъ и зналъ хозяйство, только дѣлать ничего не хотѣлъ: должно-быть, у него были дѣла поважнѣе хозяйственныхъ...

„Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: „А что, Пульхерія Ивановна, можетъ-быть, пора закусить что-нибудь?"

— Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? Развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ-быть, рыжиковъ соленыхъ?

— Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ,—и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками.

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду.

— Мнѣ кажется, какъ-будто эта каша,—говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ,—немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней.

— Пожалуй, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку,—попробуемъ, какъ оно будетъ.

Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часокъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила: „Вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ!"

— Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ срединѣ,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть:—бываетъ, что онъ красный, да нехорошій.—Но арбузъ немедленно исчезалъ.

Замѣтьте, читатель, какой тонкій хитрецъ этотъ простоватый, повидимому, Аѳанасій Ивановичъ: онъ не хочетъ по-

казать даже и передъ своей женой, что онъ любитъ поѣсть и какъ много онъ ѣстъ.

Досыта наѣлся всего Аѳанасій Ивановичъ; что же дальше онъ будетъ дѣлать? чѣмъ добрые старички наполнятъ вторую половину будничнаго—рабочаго для другихъ долгаго лѣтняго дня?

„Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивансвна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и открывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночевкахъ и въ прочихъ фруктохранилищахъ".

Видите ли, читатель,—десятки рукъ только тѣмъ и заняты, съ утра и до вечера, что приготовляютъ запасы для ѣды Аѳанасія Ивановича, а самъ онъ ничего не дѣлаетъ и только смотритъ на эту работу, и, вѣроятно, сладко соображаетъ, какъ все это вкусно будетъ ему ѣсть.

„Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной, или самъ отправлялся къ ней и говорилъ:

— Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?

— Чего же бы такого?—говорила Пульхерія Ивановна:—развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить".

— И то до̀бре,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Или, можетъ-быть, вы съѣли бы киселику?

— И то хорошо,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. Послѣ чего все это немедленно было приносимо, и, какъ водится, съѣдаемо.

Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-чего закушивалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ".

Можно думать, что хоть теперь, ночью, успокоится и забудется въ сладкомъ снѣ нашъ добрый старичокъ?—Но ему и ночью нѣтъ покоя, какъ и днемъ.

„Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ. Но Аѳанасій Ивановичъ еще сверхъ того, чтобы было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по комнатѣ, стоналъ.

Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала:—„Чего вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?

— Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна, какъ-будто немного животъ болитъ,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— А не лучше ли вамъ чего-нибудь съѣсть, Аѳанасій Ивановичъ?

— Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна? Впрочемъ, чего жъ бы такого съѣсть?

— Кисленькаго молочка или жиденькаго узвара съ сушеными грушами.

— Пожалуй, развѣ такъ только, попробовать,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку; послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: „Теперь какъ-будто сдѣлалось легче“.

Но неужели же кромѣ ѣды не было никакихъ заботъ и мыслей у Аѳанасія Ивановича?—Заботъ, дѣйствительно, не было, но мысли по временамъ являлись; но и онѣ были такъ же пусты и праздны, какъ праздна и пуста была и вся его жизнь.

„Иногда, если было ясное время и въ комнатѣ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, расшевелившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріей Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

— А что, Пульхерія Ивановна,—говорилъ онъ:—если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?

— Вотъ это Боже сохрани!—говорила Пульхерія Ивановна, крестясь.

— Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ.

— Ну, а если бы сгорѣлъ?

— Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнату, которую занимаетъ ключница.

— А если бы и кухня сгорѣла?

— Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли!—Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ.

— А если бы и кладовая сгорѣла?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! Я и слушать васъ не хочу. Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, улыбался, сидя на своемъ стулѣ".

Когда пріѣзжали гости, которыхъ всегда принимали радушно и угощали неотступно съ утра и до вечера всевозможными настойками и наливками, закусками, обѣдами и ужинами,—при гостяхъ, между ѣдой, заходила рѣчь и о другихъ, кромѣ ѣды, предметахъ:

„Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто, съ таинственнымъ видомъ и значительнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ-будто не глядя на Пульхерію Ивановну:

— Я самъ думаю пойти на войну; почему же я не могу идти на войну?

— Вотъ уже и пошелъ!—прерывала Пульхерія Ивановна.—Вы не вѣрьте ему, говорила она, обращаясь къ гостю: гдѣ ужъ ему, старому, идти на войну? Его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей Богу, застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ.

— Что же,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ:—и я его застрѣлю.

— Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!—подхватывала Пульхерія Ивановна.—Куда ему идти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ. Если бъ вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ, и лицо искалѣчитъ, и навѣки несчастнымъ останется!

— Что жъ,—говоритъ Аѳанасій Ивановичъ,—я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или казацкую пику.

— Это все выдумки! Такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову, и начнетъ разсказывать!—подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою.—Я и знаю, что онъ шутитъ, а все-таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда говоритъ, иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станётъ.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя, согнувшись, на своемъ стулѣ".

Такъ всю жизнь праздно и прожили эти два старика лишь для того, чтобы сытно ѣсть и пить. А когда Пульхеріи Ивановнѣ пришло время умирать, то и тогда она ни о чемъ другомъ не подумала, кромѣ того, чтобы Аѳанасію Ивановичу и безъ нея такъ же хорошо жилось, какъ и при ней; она думаетъ, что и послѣ смерти будетъ заботиться все о томъ же. Передъ смертью своей Пульхерія Ивановна призвала къ себѣ ключницу и говоритъ ей:

— „Смотри мнѣ, Явдоха, когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ гла́за своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему надѣвала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ недолго жить,—не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастія на свѣтѣ. Я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія Божія!"

Бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь, и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ".

Недолго прожилъ осиротѣвшій Аѳанасій Ивановичъ. Какъ-то во время прогулки по саду ему послышалось, будто кто назвалъ его по имени, и онъ суевѣрно рѣшилъ, что это зоветъ его къ себѣ Пульхерія Ивановна.

„Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его, онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сох-

жулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и наконецъ угасъ. „Положите меня возлѣ Пульхеріи Ивановны“,—вотъ все, что произнесъ онъ передъ своею кончиною“.

На похороны собрались гости. Много ѣли и пили. Приказчикъ, ключница и дворовая челядь растащили старинныя вещи и разную рухлядь. Скоро пріѣхалъ какой-то дальній родственникъ, наслѣдникъ имѣнія, и окончательно все промоталъ.

Такъ ничего и не осталось въ жизни отъ этихъ двухъ старичковъ, и имя ихъ всѣми позабыто, какъ-будто они и не жили на свѣтѣ.

Вамъ жалко ихъ, читатель, за ихъ праздную, пустую и безцѣльную жизнь, для однихъ себя, для грубыхъ удовольствій. Но въ нихъ еще было хоть что-нибудь похожее на человѣческое чувство,—они были привязаны другъ къ другу, были по-своему добродушны. А вотъ посмотрите на жизнь Ивана Ивановича и Ивана Никифорыча, — въ нихъ какъбудто ужъ и совсѣмъ нѣтъ никакой человѣческой мысли, никакого человѣческаго чувства, а между тѣмъ—это самые обыкновенные люди, и живутъ они такъ же, какъ и всѣ ихъ знакомые, друзья и пріятели; они даже пользуются уваженіемъ, и никто не замѣчаетъ ихъ нравственнаго убожества,—имъ даже завидуютъ многіе.

„Славная бекеша у Ивана Ивановича! Отличнѣйшая!.. Господи Боже мой! Николай чудотворецъ, угодникъ Божій! Отчего же у меня нѣтъ такой бекеши!“

„Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ!.. Иванъ Ивановичъ, когда сдѣлается слишкомъ жарко, скинетъ съ себя и бекешу, и исподнее, самъ останется въ одной рубашкѣ и отдыхаетъ подъ навѣсомъ, и глядитъ, что дѣлается во дворѣ и на улицѣ.

Итакъ, этотъ прекрасный человѣкъ прежде всего хорошъ тѣмъ, что у него славная бекеша и хорошій домъ. А занимается этотъ прекрасный человѣкъ тѣмъ, что безъ всякаго дѣла ходитъ по городу въ своей бекешѣ, а потомъ отдыхаетъ надъ навѣсомъ и глядитъ, что дѣлается во дворѣ и

на улицѣ. Да и зачѣмъ ему дѣлать что-нибудь? у него ес. для этого челядь, на него работаютъ крѣпостные.

„Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни; это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принести двѣ дыни, и уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начнетъ кушать. Потомъ велитъ Гапкѣ принести чернильницу, и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: „Сія дыня съѣдена такого-то числа“. Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то—„участвовалъ такой-то“.

Ѣда въ жизни прекраснаго человѣка Ивана Ивановича, какъ видите, очень важное дѣло, и такое событіе, какъ съѣденная дыня, онъ заботится навсегда увѣковѣчить, и даже записываетъ, съ кѣмъ дыня съѣдена, — вѣроятно, въ назиданіе потомству.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Его знаютъ не только уѣздные миргородскіе чиновники, но даже и губернскіе и заѣзжаютъ къ нему по дорогѣ въ гости. А протопопъ отецъ Петръ всегда говоритъ, что онъ никого не знаетъ ктȯ бы такъ исполнялъ долгъ христіанскій. Вотъ послушайте, какъ понимаетъ Иванъ Ивановичъ свой христіанскій долгъ.

„А какой богомольный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Каждый воскресный день надѣваетъ онъ бекешу и идетъ въ церковь. Взошедши въ нее Иванъ Ивановичъ, раскланявшись на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ. Когда же окончится служба, Иванъ Ивановичъ никакъ не утерпитъ, чтобъ не обойти всѣхъ нищихъ. Онъ бы, можетъ-быть, и не хотѣлъ заняться такимъ скучнымъ дѣломъ, если бы не побуждала его къ тому природная доброта. „Здорȯво, небого (бѣдная)!“ обыкновенно говорилъ онъ, отыскавши самую искалѣченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплатъ платьѣ. „Откуда ты, бѣдная?“—Я, паночку, изъ хутора пришла, третій день, какъ не пила, не ѣла; выгнали меня собственныя дѣти.—„Бѣдная головушка! Чего жъ ты пришла сюда?“—А такъ, паночку, милостыни просить, не дастъ-ли кто-нибудь хоть на хлѣбъ!—„Гмъ! Что-жъ, тебѣ развѣ хочется хлѣба?“—обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ.—

.ъ не хотѣть, голодна, какъ собака!—„Гмъ!“—отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ.—„Такъ тебѣ, можетъ быть, хочется и мяса? — Да все, что милость ваша дастъ, всѣмъ буду довольна!—„Гмъ! Развѣ мясо лучше хлѣба?“—Гдѣ ужъ голодному разбирать? Все, что пожалуете, все хорошо.—При этотъ старуха обыкновенно протягивала руку.—„Ну, ступай же съ Богомъ“,—говорилъ Иванъ Ивановичъ.—„Чего жъ ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью?“—И, обратившись съ такими разспросами къ другому, къ третьему, наконецъ возвращается домой или заходитъ выпить рюмку водки къ сосѣду—Ивану Никифоровичу, или къ судьѣ, или къ городничему“.

Такъ видите ли, читатель,—какой прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ, и какъ исполняетъ онъ долгъ христіанскій?

„Очень хорошій также человѣкъ Иванъ Никифоровичъ. Его дворъ возлѣ двора Ивана Ивановича. Они такіе между собою пріятели, какихъ свѣтъ не производилъ.—Куда одинъ, туда и другой.

Несмотря на большую пріязнь, эти рѣдкіе друзья не совсѣмъ были сходны между собою. Иванъ Ивановичъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Слушаешь, слушаешь, и голову повѣсишь. Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчитъ; но зато, если влѣпитъ словцо, то держись только: отбреетъ лучше всякой бритвы. Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; Иванъ Никифоровичъ немного ниже, но зато распространяется въ толщину. Голова Ивана Ивановича похожа на рѣдьку хвостомъ внизъ; голова Ивана Никифоровича—на рѣдьку хвостомъ вверхъ. Иванъ Ивановичъ только послѣ обѣда лежитъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсомъ, ввечеру же надѣваетъ бекешу и идетъ куда-нибудь,—или къ городовому магазину, куда онъ поставляетъ муку, или въ поле—ловить перепеловъ. Иванъ Никифоровичъ лежитъ весь день на крыльцѣ,—если не слишкомъ жаркій день, то обыкновенно выставивъ спину на солнце, и никуда не хочетъ идти. Если вздумается утромъ, то пройдетъ по двору, осмотритъ хозяйство и опять на покой. Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно тонкій въ обращеніи человѣкъ. Если онъ попотчуетъ васъ табакомъ, то, поднесши, скажетъ, если вы съ нимъ знакомы:—„Смѣю ли про-

сить, государь мой, объ одолженіи?“ Если же не знакомы, то—„Смѣю просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отчества, объ одолженіи?“ Иванъ же Никифоровичъ дастъ вамъ прямо въ руки рожокъ свой и прибавитъ только:—„Одолжайтесь!“

Вотъ почти и все, чѣмъ достопримѣчательны эти два „*прекрасные*“ человѣка: они болѣе всего цѣнятъ земныя блага и животныя наслажденія, они любятъ себя и живутъ только для себя, хотя кругомъ нихъ не мало нищеты и убожества; они считаютъ себя добрыми христіанами, но христіанство ихъ только въ однихъ обрядахъ, и они не знаютъ главнаго—состраданія и милости; у нихъ нѣтъ никакихъ духовныхъ стремленій, и никакихъ желаній, кромѣ животныхъ, и жизнь ихъ пуста, ничтожна, безсмысленна. Они люди только по имени.

Такъ бы безпечально и прошла эта пустая жизнь этихъ пустыхъ людей, если бы не вышло между ними ссоры. А ссора непремѣнно должна была случиться, потому что имъ обоимъ нечего дѣлать, и надо же чѣмъ-нибудь наполнить свою пустую жизнь. И ссора ихъ была такая же пустая, какъ и сами они; но, посмотрите, до чего она ихъ довела?

Ивану Ивановичу захотѣлось имѣть у себя ружье Ивана Никифоровича. Ружье это никуда не годилось, и совсѣмъ не нужно было ни тому, ни другому; но почему же захотѣлось Ивану Ивановичу имѣть это негодное и ненужное ему ружье? А вотъ послушайте.

„Утромъ Иванъ Ивановичъ лежалъ подъ навѣсомъ. Лежа, онъ долго оглядывалъ каморы, дворъ, сараи, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про себя: „Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строеніе, амбары, всякая прихоть; водка перегонная, настоенная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ... Чего жъ еще нѣтъ у меня?.. Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?“

Вы скажете, читатель, что у Ивана Ивановича нѣтъ самаго главнаго и важнаго,—образа и подобія Божія. Иванъ Ивановичъ сообразилъ не такъ: у него нѣтъ ружья, какое онъ увидалъ у своего сосѣда и пріятеля Ивана Никифоро-

а—на дворѣ, среди разнаго хлама, который вынесла баба провѣтривать и просушивать на солнышкѣ: — Вотъ именно ружья-то у Ивана Ивановича и нѣтъ, только этого и недостаетъ ему.

„Что жъ это значитъ?—подумалъ Иванъ Ивановичъ.—Я не видѣлъ никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что жъ это онъ? Стрѣлять не стрѣляетъ, а ружье держитъ! На что жъ оно ему? А вещица славная! Я давно себѣ хотѣлъ достать такое!“

Иванъ Ивановичъ надѣваетъ свою бекешъ и идетъ къ сосѣду, политично бесѣдуетъ съ нимъ о томъ и о другомъ и, наконецъ, издалека заводитъ рѣчь о ружьѣ и предлагаетъ промѣнять его на бурую свинью съ придачей къ ней двухъ мѣшковъ овса. Но Иванъ Никифоровичъ не согласенъ,—ему, видите ли, самому это ружье, будто бы, нужно. Иванъ Ивановичъ настаиваетъ. А Иванъ Никифоровичъ коротко ему отрѣзалъ: „Поцѣлуйтесь со своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чортомъ“.—Иванъ Ивановичъ разсердился и сказалъ: „Вы Иванъ Никифорычъ, разносились такъ съ своимъ ружьемъ, какъ дурень съ писаною торбой“. А Иванъ Никифоровичъ ему въ отвѣтъ: „А вы, Иванъ Иванычъ, настоящій гусакъ“.—Такъ вотъ и вышла между пріятелями ссора, а за нею и непримиримая до гроба вражда.

У пустыхъ людей и ссоры выходятъ изъ-за пустяковъ, и вражда бываетъ нелѣпая. Гдѣ нѣтъ разумной жизни, тамъ все безсмысленно и пусто,—забавы и удовольствія, горести и страданія.

Между Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ началась продолжительная тяжба, и прадѣдовскіе рубли полетѣли изъ желѣзныхъ сундуковъ въ глубокіе карманы жадныхъ взяточниковъ - подъячихъ. Десять лѣтъ прошло, а тяжбѣ нѣтъ конца; посѣдѣли друзья-враги, покой потеряли, имѣнье разорили, а все только о томъ и думаютъ, какъ бы отомстить другъ другу.

„Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ восклицаетъ Гоголь въ концѣ этой повѣсти.—„Да, грустно думать, что человѣкъ, этотъ благороднѣйшій сосудъ духа, можетъ жить и уме-

реть, даже и не подозрѣвая о возможности истинно человѣческой жизни. И сколько на свѣтѣ такихъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифорычей?!“

„Не думайте, чтобы эти два чудака были отъ природы созданы такими: нѣтъ, природа справедлива къ людямъ, она каждому даетъ въ мѣру, чего и сколько нужно; и имъ нашлась бы своя ступенька на безконечной лѣстницѣ человѣческой и гражданской дѣятельности: они могли бы быть хорошими мужьями, отцами, хозяевами, могли бы приносить пользу и себѣ и людямъ, живя по-человѣчески; но глупое воспитаніе, а потомъ животная лѣнь, праздность, невѣжество—вотъ что ихъ сдѣлало такими пустыми и ничтожными“. Да, такіе люди, по истинѣ, и смѣшны, и жалки. И Гоголь справедливо, безъ злобы и безъ ненависти, выводитъ на посмѣяніе этихъ ничтожныхъ людей и невольно заставляетъ каждаго изъ насъ подумать и надъ своею собственною жизнію. Такіе пустые и пошлые люди вносятъ всюду зло, нравственную смерть, и вполнѣ заслуживаютъ общаго позора.

Пустыхъ и безсердечныхъ людей вездѣ много — въ провинціи и въ столицѣ, и Гоголь мастерски описываетъ жизнь петербургскихъ чиновниковъ,—въ забавныхъ, будто сказочныхъ разсказахъ. Въ этихъ повѣстяхъ-сказкахъ много вымысла, но еще больше жизненной правды, много веселости и смѣху, но еще больше житейской печали, неизбытнаго горя, безысходныхъ страданій.

Прочитайте повѣсть „Шинель“, и вы узнаете, каково живется этимъ маленькимъ людямъ, *униженнымъ* и *обиженнымъ*.

Въ какомъ-то департаментѣ, разсказываетъ Гоголь, служилъ одинъ чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный:

„Низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется геморроидальнымъ. Фамилія чиновника была Башмачкинъ, а имя—Акакій Акакіевичъ“.

„Сколько ни перемѣнялось въ департаментѣ директоровъ и всякихъ начальниковъ, Акакія Акакіевича видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ,

въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ,—въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ".

„Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ-будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ холодно-деспотически. Молодые чиновники подсмѣивались и острили надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, разсказывали тутъ передъ нимъ разныя составленныя про него исторіи, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ-будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ:—„оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?" И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены; слышалось что-то преклоняющее на жалость".

Въ этихъ проникающихъ въ душу словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой!" Но отупѣвшіе и огрубѣвшіе люди слыша не слышали этихъ словъ, и не разумѣли страданій человѣка, и въ сердцѣ ихъ не зарождалось жалости къ этому притерпѣвшемуся, всѣми унижаемому и оскорбляемому „брату".—Такъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, такъ много скрыто въ немъ свирѣпой грубости!

Чѣмъ виноватъ былъ передъ всѣми этотъ забитый и тупой человѣкъ Акакій Акакіевичъ? Развѣ только тѣмъ, что былъ онъ передъ всѣми безотвѣтенъ. Не виноватъ онъ былъ, а жалокъ: убогая жизнь вытравила въ его душѣ все человѣческое, и онъ не зналъ ничего другого, кромѣ своей службы, т.-е. переписыванія бумагъ.

„Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были любимцы, до которыхъ если онъ добирался,

то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило его перо“.

Онъ не вникалъ даже въ смыслъ переписываемыхъ имъ бумагъ, его не интересовало содержаніе ихъ,—онъ любовно лишь списывалъ слово за словомъ, выводилъ букву за буквой. Умъ его навѣки заснулъ. И онъ не способенъ былъ ни къ какому другому дѣлу, онъ не умѣлъ не только самъ сочинить какой-нибудь бумаги, но и въ готовомъ дѣлѣ не могъ сдѣлать самой незначительной перемѣны: онъ зналъ и умѣлъ одно,—списывать и переписывать буква въ букву, слово въ слово.

Кромѣ такой переписки бумагъ, онъ ничего не зналъ, не видалъ, не замѣчалъ. Онъ не думалъ о своемъ платьѣ, которое было и ветхо, и грязно. Проходя по улицѣ — изъ департамента или въ департаментъ — онъ никого не видѣлъ, ничего не замѣчалъ. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ на́скоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ, что туда попадало. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, онъ вставалъ изъ-за стола вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. — Никакого другого дѣла, никакихъ развлеченій, никакихъ удовольствій и радостей онъ не зналъ.

„Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра? Такъ протекала мирная жизнь человѣка, который умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы, можетъ быть, до глубокой старости, если бы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ“.

Въ холодную зиму Акакій Акакіевичъ началъ чувствовать по дорогѣ въ департаментъ и обратно, что его какъ-то особенно сильно стало припекать въ спину и плечо, хоть онъ и старался перебѣжать, какъ можно скорѣе, законное пространство, и догадался наконецъ, что его шинель, или *ка-*

чотъ, какъ въ насмѣшку называли товарищи, никуда не годилась: на спинѣ и на плечахъ шинель сдѣлалась точно серпянка, сукно сквозило, и подкладка расползлась.

Акакій Акакіевичъ полагалъ, что шинель можно починить какъ-нибудь; но портной только посмѣялся надъ нимъ: ничего нельзя сдѣлать,—худой гардеробъ! придется новую дѣлать.

Легко сказать—новую дѣлать, а денегъ гдѣ взять? А денегъ нужно столько, что у Акакія Акакіевича и духъ захватило, и въ глазахъ потемнѣло. Неоткуда взять такихъ денегъ! Но вѣдь и въ дырявой шинели ходить нельзя.

„Думалъ-думалъ бѣдный Акакій Акакіевичъ, и рѣшилъ наконецъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ бѣлье, а чтобы не изнашивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самымъ временемъ“.

„Акакій Акакіевичъ даже совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ тѣхъ поръ какъ-будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ-будто бы онъ женился, какъ-будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась проходить съ нимъ вмѣстѣ жизненную дорогу, а подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ, безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль“.

Новая шинель стала завѣтною мечтою Акакія Акакіевича, объ ней онъ только сладко и тревожно и думалъ теперь. Размышленія о сукнѣ, подкладкѣ и воротникѣ для шинели чуть не довели его даже до разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, Акакій Акакіевичъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: „ухъ!“ и перекрестился.

И счастье неожиданно пришло къ нему на помощь: къ Рождеству ему дали награду на двадцать рублей больше обыкно-

веннаго.—Послѣ долгихъ-долгихъ лишеній, волненій, думъ и заботъ завѣтная мечта осуществилась: шинель построена, и Акакій Акакіевичъ торжественно, въ праздничномъ расположеніи всѣхъ своихъ чувствъ идетъ въ департаментъ въ новой шинели.

Чиновники какъ-то разомъ всѣ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель, побѣжали въ швейцарскую смотрѣть обновку, начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ что онъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Рѣшили, что надо спрыснуть обновку, и одинъ изъ чиновниковъ, имениникъ въ этотъ день, пригласилъ Акакія Акакіевича съ товарищами къ себѣ на вечеринку.

Поздно вечеромъ возвращался домой Акакій Акакіевичъ пустынными улицами уснувшаго города — въ своей новой шинели. Пришлось перейти большую площадь, и на него напала невольная робость, будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ, — точно море вокругъ него. „Нѣтъ, лучше и не глядѣть", подумалъ онъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ носомъ, какіе-то люди съ усами. У него затуманило въ глазахъ и забилось въ груди. „А вѣдь шинель-то моя!"—сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ, а другой приставилъ къ лицу несчастнаго Акакія Акакіевича огромный кулакъ. Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ, и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ, и ничего ужъ больше не чувствовалъ...

Не долго потомъ мучился и терзался въ напрасныхъ поискахъ бѣдный Акакій Акакіевичъ, и мало въ нихъ нашелъ онъ состраданія къ своему горю: нашлись изъ товарищей и такіе, что надъ нимъ же посмѣялись; обратился Акакій Акакіевичъ за покровительствомъ къ *значительному лицу*, но попалъ, видно, не въ добрый часъ, и *значительное лицо*, вмѣсто помощи, такъ накричалъ на него и такого нагналъ страху на убитаго горемъ и судьбой человѣка, что онъ будто обмеръ, затрясся всѣмъ тѣломъ, и никакъ не могъ стоять,

и если бы сторожа не поддержали его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу,—ничего ужъ этого не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Вьюга свистѣла въ улицахъ, а онъ шелъ въ своей старой шинели, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного слова; весь распухъ и слегъ въ постель. На другой день обнаружилась у него сильная горячка, и Акакія Акакіевича не стало.

„И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ-будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого неинтересное, существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно и на главы сильныхъ міра сего“.

Вамъ жалко этого маленькаго, пришибленнаго жизнію, униженнаго и оскорбленнаго человѣка! Жалкіе люди и всѣ другіе, описанные Гоголемъ, департаментскіе чиновники: корпятъ они до отупѣнія надъ своимъ дѣломъ, и сами обращаются въ безчувственную машину, и нѣтъ въ нихъ мѣста для свѣтлой мысли, для человѣческаго чувства; вся ихъ жизнь проходитъ въ мелкихъ заботахъ о хлѣбѣ насущномъ, и каждый лишь думаетъ только о себѣ, а другъ къ другу они безсердечны и часто жестоки, хоть сами и не замѣчаютъ, сколько горя и мученій совсѣмъ ненамѣренно причиняютъ они другъ другу. Жалки всѣ эти маленькіе люди и потому, что они безотвѣтны и беззащитны, и каждый-то можетъ ихъ безнаказанно унизить, обидѣть, оскорбить, а сами они даже и не сознаютъ своихъ, всѣми попираемыхъ, человѣческихъ правъ. Гоголь осмѣиваетъ пустую и глупую жизнь этихъ людей; но, пристально и глубоко заглянувъ имъ въ душу, онъ страдаетъ за ихъ жалкую жизнь: онъ и смѣется надъ ними, и плачетъ за нихъ.

И еще больше задумывается Гоголь надъ жизнію людскою, надъ ея радостями и горестями, надъ добромъ и зломъ. Почему люди бываютъ такъ пусты и ничтожны? Какъ растолковать это людямъ, и какъ сдѣлать ихъ жизнь болѣе разумною и счастливою? Отъ этой пустой жизни Гоголь будто отдыхаетъ душою на воспоминаніяхъ о прошлой жизни своей милой Украйны—удалого казачества. Въ своей знаменитой повѣсти—„Тарасъ Бульба", разсказываетъ онъ про Запорожскую Сѣчь, про то гнѣздо, откуда вылетали всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ орлы, люди, откуда разливалась воля и казачество. Повѣсть эта—яркая и могучая картина всей казацкой жизни, всей исторіи Запорожской Сѣчи: прочитайте, и еще разъ перечитайте эту захватывающую душу повѣсть, и вы узнаете вольную казацкую жизнь, вы поймете кровавую исторію Украйны, вволю посмѣетесь, временемъ слезу оброните, и многому научитесь.

Кто эти запорожцы-казаки? Это сбродное общество, которое составилось изъ пришельцевъ разныхъ странъ, изъ удалыхъ головъ, бѣжавшихъ со своей родины,—кто отъ нищенства и лѣни, кто отъ родительскаго проклятія, кто отъ меча закона за содѣянное преступленіе, кто отъ тяжкой кабальной жизни и всякаго панскаго произвола и непереносныхъ притѣсненій. И всѣ эти несчастные, но сильные по своей натурѣ люди, не хотѣвшіе мириться съ тяжелою жизнію, приходили въ Сѣчь, будто въ свой родной домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли, и находили здѣсь просторъ и волю, товарищество и братство.

Но что же такъ крѣпко и прочно сплотило и связало между собою этихъ пришлыхъ и чужихъ другъ другу людей?

Всѣ они были одной православной вѣры,—иновѣровъ въ Сѣчь не принимали. Но истинную вѣру Христову большинство изъ нихъ знало только по названію да по церковнымъ обрядамъ. И немногаго отъ пришельца требовалось, чтобы выдержать экзаменъ въ вѣрѣ православной.—„Здравствуй! Что, въ Бога вѣруешь?"—Вѣрую. „И въ святую Троицу вѣруешь?"—Вѣрую. „И въ церковь ходишь?"—Хожу. „А ну, перекрестись!" Пришедшій" крестился. Ну, хорошо,—ступай

же въ который самъ знаешь курень.—Этимъ и оканчивалось все испытаніе въ вѣрѣ. Да и вся жизнь запорожцевъ, безъ войны и на войнѣ, мало согласовалась во всемъ съ ученіемъ Христовымъ. Когда нѣтъ войны, казаки въ Сѣчи живутъ праздно, проводятъ время въ безшабашной бѣшеной гульбѣ; а на войнѣ—лютая ненависть къ иновѣрцамъ-иноплеменникамъ, безпощадная кровавая месть, звѣрская жестокость. И на войну запорожцы ходили нерѣдко единственно лишь для грабежа.

Не вѣра только и любовь къ матери-Сѣчи, и не племенная ненависть къ туркамъ, полякамъ и евреямъ связывали воедино это разнохарактерное общество; связывали и воодушевляли казаковъ и другія могучія силы: это—жажда воли и простора, неутолимая жажда полудикихъ богатырскихъ натуръ чѣмъ-нибудь отважнымъ наполнить свою жизнь, томимую бездѣйствіемъ; это—безшабашное удальство, для котораго жизнь — копейка, голова—наживное дѣло. А что же могло удовлетворить этотъ могучій духъ полудикаря и наполнить его праздное время, какъ не кровавая сѣча и отчаянное удальство, какъ не бѣшеная гульба во время мира? Потому-то эта полудикая жизнь и не возмущаетъ васъ, не оскорбляетъ вашего чувства: кромѣ грубости и жестокости, вы видите здѣсь широкій разметъ богатырской души.

Тарасъ Бульба—яркій образчикъ казака. Онъ хоть и живетъ у себя дома, въ семьѣ, но онъ не любитъ этой тихой и покойной жизни: настоящая жизнь для него — только въ Сѣчи, среди казаковъ, и на войнѣ. Онъ съ презрѣньемъ смотритъ на всякую женщину, какъ на существо слабое, и грубъ съ своей женой, и не можетъ понять ея материнскихъ чувствъ къ дѣтямъ. У него два взрослыхъ сына, и онъ ихъ любитъ, но только потому, что изъ нихъ должны выйти отважные рыцари-казаки. Онъ христіанинъ по рожденію и горячо вѣровалъ, что онъ православный; но жилъ онъ не по ученію Христа, такъ какъ совсѣмъ и не зналъ этого высокаго ученія о любви и мирѣ межъ всѣми людьми, а поступалъ во всемъ по своимъ буйнымъ страстямъ и по вѣковымъ казацкимъ обычаямъ; онъ отъ всей своей души ненавидѣлъ всѣхъ,

кто не православный, и, не задумываясь, зарѣзалъ бы родного сына за одно его слово противъ православной вѣры.

Бульба беззавѣтно любилъ свою родную Украйну и ничего на свѣтѣ не зналъ выше и прекраснѣе удалого казачества: за Украйну и казачество онъ съ радостію и восторгомъ всегда готовъ былъ претерпѣть пытки и муки, сложить свою буйную голову. Онъ былъ кровный сынъ Украйны и казачества,—плоть отъ плоти и кость отъ кости ихъ, и думалъ и чувствовалъ, какъ всѣ, какъ весь народъ: какъ всѣ, онъ презиралъ и ненавидѣлъ поляковъ и евреевъ, считалъ ихъ погаными, готовъ былъ всю свою жизнь воевать съ ними. А война представлялась ему не иначе, какъ въ потокахъ дымящейся крови, въ предсмертныхъ мукахъ, въ заревѣ пылающихъ городовъ и селъ, католическихъ монастырей и церквей.

Вамъ становится страшно отъ всѣхъ этихъ кровавыхъ ужасовъ; но васъ примиряетъ съ ними мысль, что Бульба не жалѣетъ и своей собственной жизни, дѣлаетъ все это не ради своей личной пользы, а въ защиту дорогой ему родины и удалого братства-казачества. Васъ охватитъ ужасъ, когда отецъ спокойно, своею рукою, убиваетъ родного сына за его измѣну родинѣ, но вслѣдъ за этимъ вы видите и собственное горе сыноубійцы, и страдаете вмѣстѣ съ нимъ.—„Долго глядѣлъ Тарасъ на бездыханный трупъ своего сына и грустно думалъ: чѣмъ бы не казакъ былъ? и станомъ высокій, и чернобровый, и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ, пропалъ безславно!“ И горюетъ отецъ, что потерялъ родного сына, а всего больше о томъ, что общая всѣмъ мать Украйна потеряла въ его сынѣ добраго казака.

Лютою кровавою местію платитъ полякамъ Тарасъ и за сына, и за мать-Украйну. Но вотъ и второй сынъ Остапъ вполнѣ достойный своего отца, послѣ отчаянной схватки попадается въ плѣнъ. Попадается въ руки враговъ и самъ Тарасъ. Получивъ жестокія раны, перенеся нечеловѣческія страданія, только какимъ-то чудомъ спасается Тарасъ отъ смерти и тайкомъ присутствуетъ при страшной казни Остапа. Тарасъ одобряетъ могучее терпѣніе сына, гордо и молчаливо

переносившаго адскія мученія; онъ забываетъ о своей собственной опасности и вслухъ всей толпы ободряетъ и утѣшаетъ сына въ послѣдній мигъ его жизни.

Теперь вся жизнь одинокаго старика, до послѣдней минуты, до послѣдней капли крови, цѣликомъ и безъ остатка будетъ отдана кровавой мести за погубленныхъ дѣтей, за страданія родины.

„Тарасъ справлялъ поминки. Онъ гулялъ по всей Польшѣ со своимъ полкомъ, выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, болѣе сорока костеловъ. Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе зáмки; распечатали и поразливали по землѣ казаки вѣковые меда и вина, сохранно сберегавшіеся въ польскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ.—Ничего не жалѣйте!—повторялъ только Тарасъ. Не уважили казаки чернобровыхъ панянокъ, свѣтлоликихъ дѣвицъ,—у самыхъ алтарей не могли спастись онѣ: сожигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ алтарями. Не однѣ бѣлоснѣжныя руки поднимались изъ огненнаго пламени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ которыхъ подвигнулась бы самая сырая земля, и степовая трава поникла бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе казаки...—Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!—приговаривалъ Тарасъ“.

Адскія жестокости совершали казаки надъ поляками; точно такими же жестокостями платили и поляки казакамъ. Таковъ былъ тогдашній грубый и свирѣпый вѣкъ кровавыхъ воинскихъ подвиговъ, въ которыхъ закалялся человѣкъ душою, не чуя человѣчества.

И самъ Тарасъ Бульба—этотъ страшный мститель, погибъ лютою смертію отъ руки враговъ: его высоко привязали къ дереву, а подъ нимъ зажгли огромный костеръ... Но и въ послѣднія мгновенія своей жизни Тарасъ думалъ не о себѣ, а о братьяхъ-казакахъ, спасавшихся отъ погони, — онъ зычнымъ голосомъ кричалъ имъ съ дерева:

„Къ берегу, къ берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво! У берега стоятъ челны,—всѣ забирайте, чтобъ не было погони!—Но за такой совѣтъ достался Тарасу тутъ же ударъ обухомъ по

головѣ, который переворотилъ все въ его глазахъ.—Когда очнулся Тарасъ отъ удара и глянулъ на рѣку, уже казаки были въ челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у атамана: Прощайте, товарищи! — кричалъ онъ имъ сверху:—вспоминайте меня, и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте!—Что взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ?"

Такъ вотъ какой былъ Тарасъ Бульба! Родина и казачество для него дороже всего на свѣтѣ, — дороже богатства, дороже семьи, дороже самой жизни. Умирая самъ въ страшныхъ мукахъ, онъ спасаетъ жизнь своихъ товарищей и горячо вѣритъ въ несокрушимую русскую силу. Грубъ и жестокъ Тарасъ Бульба, грубы и жестоки и всѣ казаки; но въ нихъ живутъ высокія человѣческія чувства, и вы забываете жестокость этихъ людей, вы увлекаетесь ихъ удалыми подвигами, ихъ самоотверженіемъ, вы ихъ любите, потому что и сами они горячо любили, и геройски переносили страданія, и мужественно умирали за другихъ; а больше этой любви ничего нѣтъ на свѣтѣ, какъ жить для другихъ и умирать за другихъ.

Сравните теперь, читатель, жизнь Тараса Бульбы и казаковъ съ жизнію Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, и вы тогда ясно увидите, какіе пустые и ничтожные люди эти и подобные имъ низкіе себялюбцы: живутъ они грубою животною жизнію,—пьютъ, ѣдятъ, спятъ, и никому они не нужны, хотя сами и нуждаются въ другихъ, и живутъ на счетъ другихъ; и желанія у нихъ ничтожны, и страсти мелки, грубы, глупы, и нѣтъ въ нихъ ни одного плодотворнаго зерна жизни чисто человѣческой. Живутъ эти люди, и только небо коптятъ.

Безсмертная комедія Гоголя—„Ревизоръ".

Вспоминая и описывая геройское прошлое родной Украйны, Гоголь все больше и больше всматривается въ окружающую его жизнь и открываетъ въ людяхъ все больше и больше

пошлости и зла, достойныхъ осмѣянія. Онъ давно ужъ недоволенъ своими первыми разсказами изъ народной жизни („Вечера на хуторѣ“), гдѣ онъ весело и задушевно смѣялся и смѣшилъ, не спрашивая себя, для чего это онъ придумываетъ смѣшное, и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Мало доволенъ теперь онъ и повѣстями изъ жизни малороссійскихъ помѣщиковъ и петербургскихъ чиновниковъ, хотя онъ и видитъ, что этого смѣха люди боятся. А если сила смѣха такъ велика, что люди его боятся,—стало-быть, не слѣдуетъ и тратить эту силу попустому. И онъ ищетъ болѣе важной работы, достойной его могучаго таланта, чтобы своимъ горькимъ смѣхомъ сквозь невидимыя свѣту слезы пробудить всѣхъ дремлющихъ и спящихъ, заставить праздныхъ и вредныхъ для общества существователей содрогнуться отъ своей пустой и гадкой жизни, отъ всего того неисчислимаго зла, которое люди вносятъ и въ свою и въ чужую жизнь. Гоголь теперь хорошо уже знаетъ, что онъ призванъ сослужить великую службу Россіи своими сочиненіями. Въ рѣшеніи этой важной задачи помогаетъ Гоголю Пушкинъ.

Пушкинъ сразу оцѣнилъ мощный талантъ Гоголя и понялъ, что̀ можетъ Гоголь сдѣлать при такомъ талантѣ. Пушкинъ сближается съ Гоголемъ, часто у него бываетъ въ его маленькой квартиркѣ, навѣщаетъ его и въ дождь, и въ метель, просиживаетъ съ нимъ цѣлыя ночи напролетъ и становится его безкорыстнѣйшимъ другомъ. Оба они читаютъ другъ другу свои сочиненія. Пушкинъ болѣе образованъ и прозорливъ, чѣмъ Гоголь; онъ лучше Гоголя понимаетъ жизнь и литературу, и смотритъ впередъ шире, и онъ даетъ Гоголю свои совѣты, надъ чѣмъ ему стоитъ поработать. Гоголь благоговѣетъ передъ Пушкинымъ, почитаетъ его своимъ наставникомъ. „Ничего я не предпринималъ безъ его совѣта,—говоритъ про Пушкина самъ Гоголь.—Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое,—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы“. „Пушкинъ

заставилъ меня,—разсказываетъ Гоголь,—взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе. Разъ я прочелъ ему одну небольшую сцену; Пушкинъ былъ пораженъ и сказалъ мнѣ: какъ съ этою способностію угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого, какъ съ этою способностію не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ! Послѣ этого онъ началъ представлять слабоэ мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ рано прекратить мою жизнь, и въ заключеніе всего отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ для сочиненія, котораго онъ никому бы другому не отдалъ. (Это былъ сюжетъ „Мертвыхъ душъ“. Сюжетъ „Ревизора“ внушенъ Гоголю то же Пушкинымъ.)—И вотъ я задумался серьезно. Если смѣяться, то ужъ лучше смѣяться сильно, и надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго“.

Пушкинъ внушаетъ Гоголю мысль охватить своимъ проницательнымъ взоромъ всю тогдашнюю русскую жизнь, осмѣять ничтожныхъ и вредныхъ для общества людей, беззаконно и съ корыстными цѣлями пользующихся своимъ положеніемъ и властію. Такихъ людей было много тогда въ крѣпостной Россіи, встрѣчались они и между помѣщиками, и между чиновниками, малыми и большими.

И вотъ Гоголь задумалъ вывести на показъ и осмѣять передъ всѣми такихъ чиновниковъ, которые передъ своимъ высшимъ начальствомъ выставляютъ себя угодливыми и исправными, на самомъ же дѣлѣ самоуправствуютъ, притѣсняютъ слабыхъ, берутъ взятки, обкрадываютъ казну, попираютъ для своей выгоды божескіе и человѣческіе законы, обманываютъ Государя, которому, будто бы, усердно служатъ. Все это Гоголь и изобразилъ въ живыхъ и яркихъ краскахъ въ своей безсмертной комедіи „Ревизоръ“. Гоголь сниметъ лицемѣрную маску съ этихъ дурныхъ и вредныхъ для общества людей, и пусть всѣ посмотрятъ на нихъ безъ маски, посмѣются надъ ними, пусть всѣ увидятъ, что и надъ ними есть законная гроза. Посмотрятъ и беззаконники на самихъ себя, и постыдятся, и устрашатся позора.

Не сразу и не вдругъ написалъ Гоголь свою безсмертную комедію. Онъ былъ очень строгъ къ своимъ трудамъ. Онъ и прежде нерѣдко бросалъ начатое сочиненіе, когда имъ былъ недоволенъ, а иногда и совсѣмъ уничтожалъ свою работу; теперь же, когда вошелъ въ славу, онъ сдѣлался еще осторожнѣе и разборчивѣе. Онъ долго и заботливо обдумывалъ въ головѣ планъ своего сочиненія, молчаливо и вдумчиво обсуждалъ всѣ подробности, писалъ сначала черновые наброски, а потомъ не одинъ разъ исправлялъ написанное сочиненіе, взвѣшивалъ каждую свою мысль, каждое слово. На литературные труды свои Гоголь смотрѣлъ, какъ на дѣло святое,—это то же, что проповѣдь въ храмѣ: здѣсь должна быть одна святая правда, честная мысль, облагораживающая и просвѣщающая человѣка.

Большихъ трудовъ стоила Гоголю обработка до полнаго совершенства безсмертной комедіи „Ревизоръ". Большихъ заботъ, хлопотъ и непріятностей стоила ему и постановка комедіи на сцену въ театрѣ. Люди обидчивы, и не любятъ слушать правды въ глаза. И комедію Гоголя долго не разрѣшали представлять на сценѣ. Дѣло дошло даже до Государя. Императоръ Николай Павловичъ и самъ хорошо зналъ про злоупотребленія въ тогдашнихъ безгласныхъ судахъ и канцеляріяхъ: онъ понималъ, что публичное осмѣяніе этихъ губительныхъ для общества и государства злоупотребленій принесетъ всѣмъ пользу, поможетъ исправленію зла. Потому-то Государь и разрѣшилъ представить „Ревизора" на сценѣ, и самъ пріѣхалъ въ театръ на первое представленіе.

Что же зрители увидѣли въ театрѣ на сценѣ? Они увидѣли тамъ настоящую неприкрытую правду и живыхъ людей со всѣми ихъ смѣшными недостатками и вредными для общества и государства пороками. Увидѣли то, что хорошо всѣ знали, но что было до сихъ поръ шито и крыто; посмѣялись надъ тѣмъ, надъ чѣмъ открыто и публично смѣяться до этого не смѣли.

Зрители увидѣли самоуправца и притѣснителя городничаго Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго, большого искусника нагрѣвать руки взятками на казенныхъ под-

Послѣдняя сцена комедіи „Ревизоръ“

Собственноручный рисунокъ Н. В. Гоголя.

рядахъ и искусно хоронить концы въ воду. Увидѣли невѣжественнаго судью Амоса Ѳедоровича Тяпкина-Ляпкина, который не столько занимался своимъ дѣломъ, сколько псовой охотой. Увидѣли попечителя богоугодныхъ заведеній, который заботился только о томъ, чтобы въ казенной больницѣ не было больныхъ, а казенныя деньги, какія отпускались на больныхъ, клалъ себѣ въ карманъ. Всѣ эти и другіе чиновные люди, безъ совѣсти и безъ чести, живутъ въ полное свое удовольствіе, богатѣютъ на чужой счетъ, обманываютъ Царя и правительство, донося на бумагѣ, что все у нихъ обстоитъ благополучно, и народъ благоденствуетъ.

Сами себя всѣ они считаютъ не хуже и не грѣшнѣе другихъ и крѣпко вѣрятъ, что все такъ точно ведется изстари, и такъ и быть должно, и Самимъ Богомъ такъ установлено Они уважаютъ самихъ себя, требуютъ себѣ почета отъ другихъ а маленькіе люди молчатъ и терпятъ и исполняютъ беззаконныя ихъ требованія,—потому что до Бога высоко, а до Царя далеко. И вотъ эти-то плуты глупо и смѣшно сами попались впросакъ: они приняли за грознаго ревизора какого-то проѣзжаго пустомелю, ничтожнѣйшаго чиновничка изъ Петербурга, воздавали ему большія почести, надавали ему много денегъ, а городничій со страхомъ и радостью готовъ былъ отдать ему въ жены и свою дочь. Торжествуетъ городничій, что все такъ хорошо ему сошло съ рукъ, величается своимъ будущимъ знатнымъ зятемъ и самъ мечтаетъ выйти черезъ него въ знатные люди; но тутъ-то и открывается, что мнимый ревизоръ былъ пустышка, что они сами себя одурачили, сами себя высѣкли. Является жандармъ и объявляетъ всѣмъ имъ грозную для нихъ вѣсть, что въ городъ пріѣхалъ по Высочайшему повелѣнію настоящій ревизоръ. Теперь ужъ, конечно, всѣ плутни ихъ откроются, а всѣ эти взяточники и казнокрады получатъ законное возмездіе.

Со страхомъ затаеннымъ и съ трепетомъ сердечнымъ ожидалъ Гоголь, какъ приметъ публика его излюбленное созданіе, въ которое онъ вложилъ всю свою душу, свои благороднѣйшія стремленія. Общество должно быть благодарно

ему за то, что онъ осмѣялъ зло и неправду, обличилъ беззаконіе предалъ порокъ бичеванію, и тѣмъ самымъ сослужилъ родинѣ великую службу, какъ человѣкъ и гражданинъ.

Комедія „Ревизоръ“ произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Но немногіе, и только лучшіе просвѣщенные люди такъ поняли и такъ приняли великое твореніе Гоголя, какъ того желалъ самъ писатель; немногіе по достоинству оцѣнили его и воздали ему великую славу. Императоръ Николай Павловичъ по окончаніи представленія высказалъ знаменательныя слова: „Ну, и пьеса! всѣмъ досталось, а больше всѣхъ мнѣ!“

Этими словами Государь сказалъ, что самоуправцы, взяточники и казнокрады, подъ маской благонамѣренности, живутъ и беззаконничаютъ, и что всѣ они достойны наказанія; и если законная власть не всегда можетъ ихъ открыть и покарать, то есть еще другой грозный судъ, — это публичное осмѣяніе и позоръ общественный.

Съ соизволенія Государя комедію „Ревизоръ“ поставили и во второй, и въ третій разъ, и представляли на сценѣ много разъ, и всегда театръ былъ переполненъ, такъ что всѣ желающіе не могли найти себѣ мѣста въ немъ. Всѣ съ величайшимъ интересомъ смотрѣли комедію, и почти всѣ злобно бранили и Гоголя и его сочиненіе, взводили на великаго писателя жестокія и грозныя обвиненія.

„Общественныя язвы нужно скрывать, а не выставлять напоказъ“,—говорили одни.

„Нѣтъ,—говорили другіе,—это не осмѣяніе пороковъ, это оскорбительная для всѣхъ выдумка, отвратительная насмѣшка надъ Россіею, насмѣшка надъ правительствомъ. Не слѣдуетъ вовсе и дозволять такихъ представленій“.

А третьи обвиняли Гоголя прямо въ безбожіи: „для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго: сегодня онъ опозоритъ чиновника, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ“.

„Надо запретить и писать и печатать такія вещи. Книгъ ужъ довольно написано. Просвѣщеніемъ пользуйся, читай, а не пиши. За такія вещи въ Сибирь посылаютъ. Если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его

въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божія не взвидѣлъ“.

Очевидно, комедія задѣла всѣхъ за живое, взволновала весь спокойный до этого муравейникъ благонамѣренныхъ лицемѣровъ и взяточниковъ, и Гоголь долженъ былъ бы радоваться, что комедія попала прямо въ цѣль, что за него самъ Государь и всѣ лучшіе просвѣщенные люди. Но Гоголя страшно обидѣли эти всеобщія осужденія и обвиненія вмѣсто благодарности и похвалъ ото всѣхъ. Онъ былъ пораженъ, что его считаютъ и безбожникомъ, и врагомъ закона и властей. Онъ хотѣлъ сослужить службу правительству, а его объявили врагомъ правительства. Онъ осмѣялъ зло, чтобъ научить людей добру, а глупые и злые люди его самого объявили безбожникомъ.

Измучили Гоголя всѣ эти разговоры и толки; упалъ онъ духомъ. „Я усталъ душою и тѣломъ,—говорилъ онъ.—Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми! Мнѣ противна моя пьеса. Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Пророку нѣтъ славы въ своей отчизнѣ“.

И Гоголь, измученный и потрясенный всѣми этими невзгодами, поспѣшно уѣзжаетъ въ Италію и поселяется въ Римѣ, чтобъ забыться и отдохнуть и душою, и тѣломъ.

Безсмертная поэма Гоголя—„Мертвыя души“.

Гоголь поселился въ Римѣ. Здѣсь и солнце ярко и ласково свѣтитъ, и природа цвѣтетъ. Вѣчный городъ наполненъ безсмертными произведеніями великихъ художниковъ, и есть надъ чѣмъ отдохнуть душою. Пустые и несправедливые люди далеко; злые толки сюда не доходятъ. И Гоголь скоро успокоился и воспрянулъ духомъ. Онъ опять бодро и съ вѣрою смотритъ на жизнь, опять воодушевляется новыми планами новыхъ работъ и вновь радостно принимается

за литературный трудъ на пользу дорогой сердцу родины, въ свѣтлое будущее которой онъ крѣпко и неизмѣнно вѣритъ.

Вѣритъ крѣпко Гоголь, что въ русскомъ человѣкѣ есть много отъ природы прекраснаго и добраго, и не мало на Руси истинно хорошихъ людей; но суета и пошлость житейская, какъ сѣть, опутываютъ людей и мѣшаютъ имъ быть честными и благородными, истинно полезными для себя и для другихъ. Надо растолковать это людямъ, показать всѣмъ имъ, какъ въ зеркалѣ, ихъ недостатки и пороки. Зло живетъ не въ однихъ только корыстныхъ чиновникахъ, оно вездѣ и во всѣхъ, и глубоко лежитъ въ душѣ каждаго. Такъ нужно со всей Россіи, со всѣхъ русскихъ людей собрать воедино всю глупость, невѣжество и пустоту людскую, изобразить это въ живой и яркой картинѣ, въ живыхъ и яркихъ образахъ, чтобы каждый нашелъ бы здѣсь и узналъ и своихъ знакомыхъ, и самого себя, чтобы узнали люди про себя настоящую жизненную правду, и содрогнулись бы, и ужаснулись самихъ себя, и исправили бы свою жизнь.

И Гоголь пишетъ второе безсмертное свое произведеніе, давно имъ задуманное,—„*Мертвыя души*“.

Замыселъ этого сочиненія очень простъ. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ-чиновникъ, хозяинъ-пріобрѣтатель и плутъ большой руки, задумалъ обогатить себя замысловатымъ темнымъ дѣломъ.

Въ крѣпостное время крестьянъ продавали и покупали, и въ казну закладывали. Отъ времени до времени казна переписывала поименно всѣхъ крестьянъ, и такъ составлялись ревизскіе списки. За каждую „ревизскую душу“ помѣщикъ платилъ въ казну „подушную“ подать; приходилось помѣщикамъ платить и за умершихъ крестьянъ, *за мертвыя души*, пока не придетъ новая ревизія, пока мертвыхъ не вычеркнутъ изъ ревизскихъ списковъ. Платить подать за мертвыхъ помѣщикамъ не любо, да нельзя отъ этого избавиться до новой ревизіи,—потому что въ спискѣ мертвые значатся живыми.

Вотъ Чичиковъ и задумалъ скупить у помѣщиковъ эти

„мертвыя души“: помѣщики будутъ рады избавиться отъ нихъ, а ловкій плутъ наживетъ отъ этого большія деньги. Каждая крестьянская душа цѣнилась въ казнѣ рублей по двѣсти: Чичиковъ скупитъ тысячу мертвыхъ душъ и заложитъ ихъ, какъ живыхъ, въ казну,—выручитъ двѣсти тысячъ рублей и станетъ большимъ богачомъ. Что казна потерпитъ отъ обмана большой убытокъ, — до этого никому нѣтъ никакого горя: всѣ смотрѣли тогда на казну, какъ на дойную корову.

Ѣздитъ Чичиковъ по Россіи, знакомится съ разными помѣщиками и съ губернскими властями, и Гоголь описываетъ всѣ похожденія своего героя, всѣ эти встрѣчи, всѣхъ этихъ лицъ, и въ яркихъ образахъ и картинахъ изображаетъ всю жизнь тогдашней Россіи, все то зло, которое живетъ въ людяхъ.

А зло въ крѣпостной Россіи, до царя-Освободителя Александра II, разрослось широко и залегло глубоко. Зло было въ безправномъ и жестокомъ рабствѣ крестьянъ; въ безгласномъ судѣ жило взяточничество и кумовство, и не было тамъ ни милости, ни правды; плодилось зло и отъ всяческихъ злоупотребленій чиновниковъ, отъ невѣжества и тьмы не только крестьянъ, но и помѣщиковъ. Въ крѣпостныхъ порядкахъ все доброе гасло и умирало.

И много тогда было въ русской жизни живыхъ мертвецовъ, *мертвыхъ душъ* въ живыхъ людяхъ, ихъ-то Гоголь и изобразилъ въ своей безсмертной поэмѣ. Вотъ отвратительный скряга Плюшкинъ, заглушившій въ себѣ всякое человѣческое чувство, потерявшій образъ и подобіе Божіе; вотъ грубый и неотесанный Собакевичъ—кулакъ, плутъ и обжора; вотъ скопидомка помѣщица Коробочка, объ одномъ только и думающая, какъ бы собрать всего съ крестьянъ побольше да продать подороже; вотъ Ноздревъ, вѣчно навеселѣ или пьяный, собачникъ и картежникъ, глупый и пустой враль и самохвалъ; вотъ наконецъ и самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ,—этотъ всѣми уважаемый и любимый темный стяжатель и хитрецъ,—всѣ они и подобные имъ,—заживо умерли душою, все это мертвыя души въ живомъ об-

разѣ, и нѣтъ въ нихъ ни единаго добраго и живого зерна человѣческаго.

Сочиненія Гоголя „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“ и вскрыли всѣ эти общественные недуги и язвы, открыли мертвую душу въ живомъ тѣлѣ и заставили всѣхъ призадуматься и надъ общественными порядками, и надъ личною жизнію.

Вскрылъ Гоголь эти русскіе недуги потому, что онъ жалѣлъ людей и въ паденіи ихъ, и любилъ ихъ, какъ разумное созданіе Божіе, и вѣрилъ, что они могли бы жить по-человѣчески. Описавъ въ „Мертвыхъ душахъ“ отвратительнаго скрягу Плюшкина, въ которомъ губительная страсть вытравила къ старости всякую другую мысль, кромѣ скряжничества, всякое человѣческое чувство, и сдѣлала его гнуснымъ позорищемъ въ глазахъ всѣхъ, Гоголь восклицаетъ:

„И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? Могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду?—Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. — Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея,—на могилѣ напишется: „*здѣсь погребенъ человѣкъ*“; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“.

Любитъ Гоголь человѣка въ человѣкѣ и вѣритъ въ него; страстно онъ любитъ и свою родину Россію и тоскуетъ по ней на чужбинѣ, среди чудесъ природы и искусства, въ своей невольной разлукѣ. Вотъ послушайте эту тоску по родинѣ горячо любящаго сына:

„Русь! Русь! вижу тебя; изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросано и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства,—города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ

утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..“

Горячо любитъ Гоголь Россію и беззавѣтно вѣритъ въ ея свѣтлое будущее, въ богатырскія силы русскаго народа: придетъ время, и всѣ признаютъ эти могучія наши силы, и посторонятся передъ Русью, и дадутъ ей дорогу другіе народы и государства; она и теперь рвется впередъ и впередъ, какъ наша лихая русская тройка.—Вотъ послушайте, какъ говоритъ объ этомъ Гоголь:

„И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ побери все!“ его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на

крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка, птица-тройка! Кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться,—въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ на чемъ, а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню,—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ,—и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади! Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони,—что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо говоритъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню—дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“.

По горячей любви своей къ русскимъ людямъ и къ Россіи, по великой вѣрѣ своей въ торжество добра и правды,

Гоголь такъ открыто, и смѣло, и ярко изображалъ и недостатки русскаго человѣка, и выводилъ на показъ общественное зло. Въ немъ жила не та неразумная любовь, которая все дурное замалчиваетъ и прикрываетъ,—и отъ которой люди не сдѣлаются ни умнѣе, ни добрѣе. Гоголь любилъ Россію тою любовію, которая открываетъ недостатки во всей ихъ наготѣ, чтобы люди постыдились и устрашились, и дали бы полный просторъ всему разумному и доброму въ своей и въ чужой жизни. Описывая жизнь безъ утайки и прикрасы съ горечью осмѣивая зло людское, Гоголь плакалъ въ душѣ за человѣка и горячо желалъ исправить общество.

Поняли это лучшіе русскіе люди и достойно оцѣнили и великій талантъ Гоголя, и его безсмертныя творенія, и ту великую службу, какую онъ сослужилъ Россіи; но поняли и оцѣнили Гоголя при его жизни немногіе. Когда напечатаны были „Мертвыя души", опять посыпались на творца ихъ глупыя обвиненія и злая брань ядовитая невѣжественныхъ и пустыхъ людей И опять смутился духомъ великій писатель, и заскорбѣлъ, и омрачился душою, и потерялъ вѣру въ дѣло рукъ своихъ: и не находитъ онъ теперь для души своей покоя ни дома, въ Россіи, ни за границей, ни въ отдыхѣ отъ трудовъ, ни въ трудахъ, за которые его такъ бранятъ и осуждаютъ.

Смерть и безсмертіе Гоголя.

Печальны и мучительны были послѣднія десять лѣтъ жизни великаго писателя. Всѣ эти годы были для него медленнымъ предсмертнымъ угасаніемъ—и тѣла, и духа.

Пошатнулось и безъ того некрѣпкое здоровье, вконецъ изнуренное порывистой и страстной работой и душевными скорбями и страданіями. Мучительные припадки окончательно разрушали и тѣло и душу и обратили человѣка въ блѣдную, изможденную тѣнь. Исчезла навсегда прежняя веселость и шутливость. Больной и одинокій, Гоголь сталъ мраченъ, угрюмъ, раздражителенъ.

И въ своемъ излюбленномъ трудѣ онъ не могъ найти себѣ утѣшенія и успокоенія. Вмѣстѣ съ тѣломъ угасалъ и талантъ. А не писать для Гоголя—все равно, что не жить: не могъ онъ, какъ прежде, все забывая, воодушевляться мыслію, загораться чувствомъ и весь уходить въ творческую работу писательства. Изрѣдка только возвращалась прежняя бодрость, воскресало вдохновеніе, и Гоголь минутами оживлялся. Онъ хотѣлъ писать и писалъ вторую часть „Мертвыхъ душъ"; — онъ выведетъ здѣсь ужъ не злыхъ и дурныхъ, а добрыхъ и хорошихъ людей, и тѣмъ покажетъ всѣмъ и научитъ всѣхъ, какъ надо жить по-доброму, по-хорошему; онъ будетъ пророкомъ-учителемъ для своей родины и тѣмъ сослужитъ ей настоящую великую службу: такъ думалось Гоголю. Но проходили эти свѣтлыя минуты, упадали силы, и Гоголь впадалъ въ мрачное раздумье. Онъ терзался мыслію, что сдѣлалъ въ своей жизни мало; онъ недоволенъ своими настоящими работами, и въ болѣзненномъ раздумьи, собственными руками, онъ сжегъ въ рукописи вторую часть „Мертвыхъ душъ". Онъ не доволенъ и всѣми прежними своими сочиненіями; онъ отрекается отъ нихъ, желалъ бы предать ихъ всеобщему забвенію,—а это отреченіе огорчаетъ его лучшихъ друзей и почитателей, отталкиваетъ ихъ, и Гоголь остается теперь уже совершенно одинокимъ.

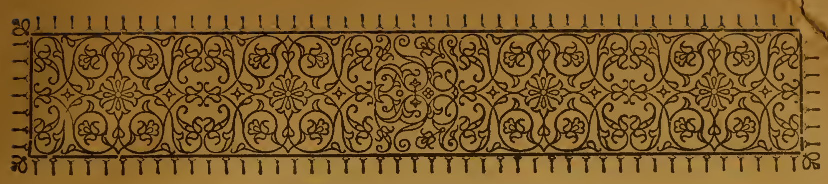
Страшила Гоголя и мысль о неизбѣжной преждевременной смерти; воскресли въ душѣ его съ новою силою впечатлѣнія дѣтства отъ разсказовъ матери о страшныхъ адскихъ мученіяхъ. А ему хочется еще жить, чтобы по-новому творить, чтобъ научить людей доброй христіанской жизни, смиренію, покорности, примиренію со всѣми. И рѣшилъ Гоголь совершить путешествіе въ Іерусалимъ, чтобъ обновиться душою и приготовить себя къ новому великому труду. Но и это путешествіе не принесло никакого успокоенія для истерзанной души и угасающаго духа: святой городъ представился Гоголю не такимъ, какимъ онъ благоговѣйно воображалъ его себѣ въ своихъ мечтахъ, — и здѣсь повсюду живетъ все та же суета и грѣховность людская.

Незадолго до смерти Гоголь вернулся въ Россію, и здѣсь

нашелъ онъ себѣ вѣчное успокоеніе — въ преждевременной могилѣ. Скончался Гоголь въ Москвѣ 21 февраля 1852 года, 43 лѣтъ отъ роду, и похороненъ въ Даниловскомъ монастырѣ.

Дошла скоро вѣсть о кончинѣ Гоголя и до его родной Яновщины: и не повѣрили тамъ простые люди, что добрый баринъ, который имъ часто помогалъ въ нуждѣ, такъ преждевременно умеръ.—„То не правда, что толкуютъ, будто онъ умеръ: похороненъ не онъ, а одинъ убогій человѣкъ; самъ онъ, слышно, поѣхалъ въ святой Іерусалимъ, чтобъ молиться за насъ. Уѣхалъ, и скоро опять вернется“.—Хуторяне даже гадали по немъ: они ставили на ночь пустой поливянный горшокъ съ выпуклыми скользкими стѣнками и сажали въ него паука. Если паукъ вылѣзетъ ночью изъ горшка, то, значитъ, человѣкъ живъ и невредимъ, и скоро вернется. Такъ и случилось. Паукъ ночью соткалъ паутину и къ утру выбрался на волю. Живъ, значитъ, Гоголь, вѣрятъ простые люди, и скоро на родину вернется!

И не обманула ихъ эта простодушная вѣра: схоронили изстрадавшагося душою и тѣломъ человѣка, а настоящій Гоголь живъ, и не умретъ во-вѣки, и скоро на Руси *всѣ* его увидятъ и узнаютъ. Увидятъ Гоголя внуки и правнуки тѣхъ хуторянъ, что о добромъ баринѣ гадали; увидятъ его и всѣ русскіе люди—въ его безсмертныхъ произведеніяхъ, узнаютъ о немъ въ школѣ, прочитаютъ о немъ въ книгахъ, Воскреснетъ Гоголь и въ своихъ послѣдователяхъ-ученикахъ, въ великихъ русскихъ писателяхъ, — въ Гончаровѣ, Тургеневѣ, Островскомъ, Некрасовѣ, Достоевскомъ, Л. Н. Толстомъ: всѣ они пойдутъ по его стопамъ, будутъ, по его примѣру, правдиво и безъ прикрасъ описывать жизнь такъ какъ она есть, описывать и доброе и злое, открывать душу людскую, и всѣмъ этимъ учить людей добру, правдѣ и справедливости. Чтобы воздать славу великому Гоголю и увѣковѣчить его образъ, поставятъ ему люди памятникъ въ Москвѣ. И будетъ онъ, нашъ великій и безсмертный Гоголь, вѣчно жить, пока живъ великій русскій народъ

Старосвѣтскіе помѣщики.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ „старосвѣтскими“, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не выказываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злого духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревьевъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ, для отдыха, ко-

веръ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду, съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него,—все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ-быть, оттого, что я уже не вижу ихъ, и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ-будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ — старички, старушки, заботливо выходившіе навстрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ — и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ,

были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или, просто, слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную,—жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіанамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копейку со своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ, наконецъ, капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на эти презрѣнныя и жалкія творенія, такъ же какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи.

Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу *ты*, но всегда *вы*: вы, Аѳанасій Ивановичъ! вы, Пульхерія Ивановна. „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?“—„Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я“. Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ. Когда-то, въ молодости, Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ, но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аѳанасій Ивановичъ почти никогда не вспоминалъ объ этомъ. Аѳанасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за

него; но и объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ, по крайней мѣрѣ, никогда не говорилъ.

Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія замѣнились спокойною и уединенною жизнью, тѣми дремлющими и вмѣстѣ гармоническими грёзами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тѣмъ радуга крадется изъ-за деревьевъ и, въ видѣ полуразрушеннаго свода, свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ,—или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ, и душистая трава, вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами, лѣзетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу.

Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему; иногда и самъ говорилъ, но больше разспрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени или порицаніями новаго: онъ, напротивъ, разспрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики, хотя оно нѣсколько похоже на любопытство ребенка, который въ то время, когда говоритъ съ вами, разсматриваетъ печатку вашихъ часовъ. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою.

Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Топки ихъ были всѣ проведены въ сѣни, всегда почти до самаго потолка наполненныя соломою, которую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ этой горящей соломы и освѣщеніе дѣлаютъ сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ, когда пылкая молодежь, прозябнувши отъ преслѣдованія за какой-нибудь

смуглянкой, вбѣгаетъ въ нихъ, похлопывая въ ладоши. Стѣны комнаты убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами хозяева давно позабыли ихъ содержаніе, и если бы нѣкоторыя изъ нихъ были унесены, то они бы, вѣрно, этого не замѣтили. Два портрета было большихъ, писаныхъ масляными красками: одинъ представлялъ какого-то архіерея, другой — Петра III; изъ узенькихъ рамъ глядѣла герцогиня Лавальеръ, запачканная мухами. Вокругъ оконъ и надъ дверями находилось множество небольшихъ картинокъ, которыя какъ-то привыкаешь почитать за пятна на стѣнѣ и потому ихъ вовсе не разсматриваешь. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою опрятностью, съ какою, вѣрно, не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ.

Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами, цвѣточными, огородными, арбузными, висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится.

Но самое замѣчательное въ домѣ — были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно, наконецъ, слышалось: „Батюшки, я зябну!“ Я знаю, что многимъ очень не нравится этотъ звукъ; но я его очень люблю,

и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ; майскою темною ночью, глядящею изъ сада, сквозь растворенное окно, на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже! какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!

Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Трехугольные столики по угламъ, четырехугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, которыя мухи усѣяли черными точками; передъ диваномъ коверъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ: вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Дѣвичья была набита молодыми и немолодыми дѣвушками въ полосатыхъ исподницахъ, которымъ иногда Пульхерія Ивановна давала шить какія-нибудь бездѣлушки и заставляла чистить ягоды, но которыя большею частью бѣгали на кухню и спали. На стеклахъ оконъ звенѣло страшное множество мухъ, которыхъ всѣхъ покрывалъ толстый басъ шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаніями осъ; но, какъ только подавали свѣчи, вся эта ватага отправлялась на ночлегъ и покрывала черною тучею весь потолокъ.

Аѳанасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя впрочемъ ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ, и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу; все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разложенъ

огонь, и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желе, пастилою, дѣланными на меду, на сахарѣ и не помню еще на чемъ. Подъ другимъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лембикѣ водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки, и къ концу этого процесса совершенно не былъ въ состояніи поворотить языкомъ, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вѣроятно, она потопила бы, наконецъ, весь дворъ (потому что Пульхерія Ивановна всегда, сверхъ расчисленнаго на потребленіе, любила приготовлять еще на запасъ), если бы большая половина этого не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои.

Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Приказчикъ, соединившись съ войтомъ, обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновеніе входить въ господскія лѣса, какъ въ свои собственные, надѣлывали множество саней и продавали ихъ на ближней ярмаркѣ; кромѣ того, всѣ толстые дубы они продавали на срубъ для мельницъ сосѣднимъ казакамъ. Одинъ только разъ Пульхерія Ивановна пожелала обревизовать свои лѣса. Для этого были запряжены дрожки, съ огромными кожаными фартуками, отъ которыхъ, какъ только кучеръ встряхивалъ возжами и лошади, служившія еще въ милиціи, трогались съ своего мѣста, воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейты, и бубны, и барабанъ; каждый гвоздикъ и желѣзная скобка звенѣли до того, что возлѣ самыхъ мельницъ было слышно, какъ пани выѣзжала со двора, хотя это разстояніе было не менѣе двухъ верстъ. Пульхерія Ивановна не могла не замѣтить страшнаго опустошенія въ лѣсу и потери тѣхъ дубовъ, которые она еще въ дѣтствѣ знавала столѣтними.

— „Отчего это у тебя, Ничипоръ“,—сказала она, обратясь къ своему приказчику, тутъ же находившемуся:—„дубки сдѣлались

такими рѣдкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на головѣ не стали рѣдки“.

— „Отчего рѣдки?“ говаривалъ обыкновенно приказчикъ: „пропали! Такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили,—пропали, пани, пропали“.

Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ и, пріѣхавши домой, давала повелѣніе удвоить только стражу въ саду около шпанскихъ вишенъ и большихъ зимнихъ дуль.

Эти достойные правители, приказчикъ и войтъ, нашли вовсе излишнимъ привозить всю муку въ барскіе амбары, а что съ баръ будетъ довольно и половины; наконецъ, и эту половину привозили они заплѣснѣвшую или подмоченную, которая была обракована на ярмаркѣ. Но сколько ни обкрадывали приказчикъ и войтъ; какъ ни ужасно жрали всѣ на дворѣ, начиная отъ ключницы до свиней, которыя истребляли страшное множество сливъ и яблокъ, и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ; сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны; сколько вся дворня ни носила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ амбаровъ старыя полотна и пряжу, что все обращалось къ всемірному источнику, т.-е. шинку; сколько ни крали гости, флегматическіе кучера и лакеи; но благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ такъ мало было нужно, что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ.

Оба старичка, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано) и какъ только двери заводили свой разноголосный концертъ, они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись кофе, Аѳанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платокъ, говорилъ: „Кишъ, кишъ! пошли, гуси, съ крыльца!“ На дворѣ ему обыкновенно попадался приказчикъ. Онъ, по обыкновенію, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, разспрашивалъ о работахъ съ величайшею подробностью и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія,

которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства, и какой-нибудь новичокъ не осмѣлился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркаго хозяина. Но приказчикъ его былъ обстрѣлянная птица: онъ зналъ, какъ нужно отвѣчать, а еще болѣе, какъ нужно хозяйничать.

Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: „А что, Пульхерія Ивановна, можетъ быть, пора закусить чего-нибудь?“

— „Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ?“

— „Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ“, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ, — и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками.

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду.

— „Мнѣ кажется, какъ-будто эта каша“, говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ, „немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?“

— „Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней“.

— „Пожалуй“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку: „попробуемъ, какъ оно будетъ“.

Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говаривала: — „Вотъ, попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ“.

— „Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ срединѣ“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть: „бываетъ, что и красный, да нехорошій“.

Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночевкахъ и прочихъ фруктохранилищахъ. Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной или самъ отправлялся къ ней и говорилъ: „Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?“

— „Чего же бы такого?“ говорила Пульхерія Ивановна: „развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли varениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?“

— „И то дóбре“, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ.

— „Или, можетъ быть, вы съѣли бы киселику?“

— „И то хорошо“, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. Послѣ чего все это немедленно было приносимо, и, какъ водится, съѣдаемо.

Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-что закусывалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ.

Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ; но Аѳанасій Ивановичъ еще сверхъ того, чтобы было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по комнатѣ, стоналъ.

Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала: „Чего вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?“

— „Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна: какъ-будто немного животъ болитъ“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— „А не лучше ли вамъ чего-нибудь съѣсть, Аѳанасій Ивановичъ?“

— „Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна! Впрочемъ, чего жъ бы такого съѣсть?“

— „Кислаго молочка или жиденькаго узвара съ сушеными грушами“.

— „Пожалуй, развѣ такъ только попробовать“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку; послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: „Теперь такъ какъ-будто сдѣлалось легче“.

Иногда, если было ясное время, и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

— „А что, Пульхерія Ивановна“, говорилъ онъ: „если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?“

— „Вотъ это, Боже сохрани!“ говорила Пульхерія Ивановна, крестясь.

— „Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?“

— „Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ“.

— „Ну, а если бы сгорѣлъ?“

— „Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимаетъ ключница“.

— „А если бы и кухня сгорѣла?“

— „Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ“.

— „А если бы и кладовая сгорѣла?“

— „Богъ знаетъ, что вы говорите! Я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи“.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это

выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливос и не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать.

— „Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!“ всегда говорила Пульхерія Ивановна. (Гость обыкновенно жилъ въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ нихъ).

— „Конечно“, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: „неравно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ“.

— „Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!“ говорила Пульхерія Ивановна. „И къ чему разсказывать этакое на ночь? Разбойники, не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ... я знаю вашего кучера: онъ такой тендинтный *), да маленькій; его всякая кобыла побьетъ; да притомъ теперь онъ уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь“.

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски изготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкою и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто, съ зна-

*) Тендинтный—слабосильный, нѣжный.

чительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ-будто не глядя на Пульхерію Ивановну:

— „Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу идти на войну?“

— „Вотъ уже и пошелъ!“ прерывала Пульхерія Ивановна.— „Вы не вѣрьте ему“, говорила она, обращаясь къ гостю: „гдѣ уже ему, старому, идти на войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей-Богу, застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ“.

— „Что жъ?“ говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: „и я его застрѣлю“.

— „Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!“ подхватывала Пульхерія Ивановна: „куда ему идти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ каморѣ. Если бъ вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ, и лицо искалѣчитъ, и навѣки несчастнымъ останется!“

— „Что жъ?“ говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: „я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или казацкую пику“.

— „Это все выдумки. Такъ вотъ вдругъ прійдетъ въ голову, и начнетъ разсказывать!“ подхватила Пульхерія Ивановна съ досадою. „Я и знаю, что онъ шутитъ, а все-таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ“.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя, на своемъ стулѣ.

Пульхерія Ивановна для меня была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ. „Вотъ это“, говорила она, снимая пробку съ графина: „водка, настоенная на деревій и шалфей: если у кого болятъ лопатки или поясница, то очень помогаетъ; вотъ это—на золототысячникъ: если въ ушахъ звенитъ и по лицу лишаи дѣлаются, то очень по-

могаетъ; а вотъ это перегонная на персиковыя косточки; вотъ возьмите рюмку, какой прекрасный запахъ! Если какъ-нибудь, вставая съ кровати, ударится кто объ уголъ шкапа или стола, и набѣжитъ на лбу гугля, то стóитъ только одну рюмочку выпить передъ обѣдомъ—и все какъ рукой сниметъ; въ ту же минуту все пройдетъ, какъ будто вовсе не бывало“.—Послѣ этого, такой перечетъ слѣдовалъ и другимъ графинамъ, всегда почти имѣвшимъ какія-нибудь цѣлебныя свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявшихъ тарелокъ. „Вотъ это грибки съ щебрецомъ! Это — съ гвоздиками и волошскими орѣхами. Солить ихъ выучила меня туркеня *), въ то время, когда еще турки были у насъ въ плѣну. Такая была добрая туркеня, и не замѣтно совсѣмъ, чтобы турецкую вѣру исповѣдывала; такъ совсѣмъ и ходитъ почти, какъ у насъ; только свинины не ѣла: говоритъ, что у нихъ какъ-то тамъ въ законѣ запрещено. Вотъ это грибки съ смородиннымъ листомъ и мушкатнымъ орѣхомъ! А вотъ это большія травянки: я ихъ еще въ первый разъ отваривала въ уксусѣ; не знаю, каковы-то онѣ. Я узнала секретъ отъ отца Ивана: въ маленькой кадушкѣ прежде всего нужно разостлать дубовые листья, и потомъ посыпать перцемъ и селитрою, и положить еще, что бываетъ на нечуй-витерѣ цвѣтъ, такъ этотъ цвѣтъ взять и хвостиками разостлать вверхъ. А вотъ это пирожки! это пирожки съ сыромъ! это съ урдою! А вотъ это тѣ, которые Аѳанасій Ивановичъ очень любитъ, съ капустою и гречневою кашею“.

— „Да“, прибавлялъ Аѳанасій Ивановичъ: „я ихъ очень люблю: они мягкіе и немножко кисленькіе“.

Вообще Пульхерія Ивановна была чрезвычайно въ духѣ, когда бывали у нихъ гости. Добрая старушка! она вся принадлежала гостямъ. Я любилъ бывать у нихъ, и хотя объѣдался страшнымъ образомъ, какъ и всѣ, гостившіе у нихъ, хотя мнѣ это было очень вредно; однакожъ, я всегда бывалъ радъ къ нимъ ѣхать. Впрочемъ, я думаю, что не имѣетъ ли самый воздухъ въ Малороссіи какого-то особеннаго свойства,

---

*) Туркеня—турчанка.

помогающаго пищеваренію, потому что если бы здѣсь вздумалъ кто-нибудь такимъ образомъ накушаться, то, безъ сомнѣнія, вмѣсто постели, очутился бы лежащимъ на столѣ.

Добрые старички! Но повѣствованіе мое приближается къ весьма печальному событію, измѣнившему навсегда жизнь этого мирнаго уголка. Событіе это покажется тѣмъ болѣе разительнымъ, что произошло отъ самаго маловажнаго случая. Но, по странному устройству вещей, всегда ничтожныя причины родили великія событія и, наоборотъ, великія предпріятія оканчивались ничтожными слѣдствіями. Какой-нибудь завоеватель собираетъ всѣ силы своего государства, воюетъ нѣсколько лѣтъ, полководцы его прославляются, и, наконецъ, все это оканчивается пріобрѣтеніемъ клочка земли, на которомъ негдѣ посѣять картофеля; а иногда, напротивъ, два какіе-нибудь колбасника двухъ городовъ подерутся между собою за вздоръ, и ссора объемлетъ, наконецъ, города, потомъ села и деревни, а тамъ и цѣлое государство. Но оставимъ эти разсужденія: они не идутъ сюда; притомъ я не люблю разсужденій, когда они остаются только разсужденіями.

У Пульхеріи Ивановны была сѣренькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубкомъ, у ея ногъ. Пульхерія Ивановна иногда ее гладила и щекотала пальцемъ по ея шейкѣ, которую балованная кошечка вытягивала, какъ можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерія Ивановна слишкомъ любила ее, но, просто, привязалась къ ней, привыкши ее всегда видѣть. Аѳанасій Ивановичъ часто подшучивалъ надъ такою привязанностью.

— „Я не знаю, Пульхерія Ивановна, что̀ вы только находите въ кошкѣ; на что она? Если бы вы имѣли собаку, тогда бы другое дѣло: собаку можно взять на охоту, а кошка на что?“

— „Ужъ молчите, Аѳанасій Ивановичъ“,—говорила Пульхерія Ивановна: „вы любите только говорить, и больше ничего. Собака не чистоплотна, собака перебьетъ все, а кошка— тихое твореніе, она никому не сдѣлаетъ зла“.

Впрочемъ, Аѳанасію Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки; онъ для того только говорилъ такъ, чтобы немножко подшутить надъ Пульхеріей Ивановной.

За садомъ находился у нихъ большой лѣсъ, который былъ совершенно пощаженъ предпріимчивымъ приказчикомъ, можетъ быть, оттого, что стукъ топора доходилъ бы до самыхъ ушей Пульхеріи Ивановны. Онъ былъ глухъ, запущенъ, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнатыя лапы голубей. Въ этомъ лѣсу обитали дикіе коты. Лѣсныхъ дикихъ котовъ не должно смѣшивать съ тѣми удальцами, которые бѣгаютъ по крышамъ домовъ; находясь въ городахъ, они, несмотря на крутой нравъ свой, гораздо болѣе цивилизованы, нежели обитатели лѣсовъ. Это, напротивъ того, большею частью народъ мрачный и дикій; они всегда ходятъ тощіе, худые, мяукаютъ грубымъ, необработаннымъ голосомъ. Они подрываются иногда подземнымъ ходомъ подъ самые амбары и крадутъ сало; являются даже въ самой кухнѣ, прыгнувши внезапно въ растворенное окно, когда замѣтятъ, что поваръ пошелъ въ бурьянъ. Вообще, никакія благородныя чувства имъ неизвѣстны; они живутъ хищничествомъ и душатъ маленькихъ воробьевъ въ самыхъ ихъ гнѣздахъ. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру подъ амбаромъ съ кроткою кошечкою Пульхеріи Ивановны и, наконецъ, подманили ее. Пульхерія Ивановна замѣтила пропажу кошки, послала искать ее; но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерія Ивановна пожалѣла, наконецъ вовсе о ней позабыла. Въ одинъ день, когда она ревизовала свой огородъ и возвращалась съ нарванными своею рукою зелеными свѣжими огурцами для Аѳанасія Ивановича, слухъ ея былъ пораженъ самымъ жалкимъ мяуканьемъ. Она, какъ-будто по инстинкту, произнесла: „кисъ, кисъ!“, и вдругъ изъ бурьяна вышла ея сѣренькая кошка, худая, тощая; замѣтно было, что она нѣсколько уже дней не брала въ ротъ никакой пищи. Пульхерія Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла передъ нею, мяукала и не смѣла подойти близко; видно было, что она очень одичала съ того времени. Пульхерія Ивановна пошла впередъ, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самаго забора. Наконецъ, увидѣвши прежнія знакомыя мѣста, вошла и въ комнату. Пульхерія Ивановна тотчасъ приказала подать ей молока и мяса, и, сидя передъ нею, на-

слаждалась жадностью бѣдной своей фаворитки, съ какою она глотала кусокъ за кускомъ и хлебала молоко. Сѣренькая бѣглянка, почти въ глазахъ ея, растолстѣла и ѣла уже не такъ жадно. Пульхерія Ивановна протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная прыгнула въ окошко, и никто изъ дворовыхъ не могъ поймать ее.

Задумалась старушка. „Это смерть моя приходила за мною!" сказала она сама себѣ, и ничто не могло ее разсѣять. Весь день она была скучна. Напрасно Аѳанасій Ивановичъ шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего она такъ вдругъ загрустила: Пульхерія Ивановна была безотвѣтна, или отвѣчала совершенно не такъ, чтобы можно было удовлетворить Аѳанасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

— „Что̀ это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?"

— „Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ! Я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе: я знаю, что я этимъ лѣтомъ умру: смерть моя уже приходила за мною!"

— „Уста Аѳанасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились. Онъ хотѣлъ, однакожъ, побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ: — „Богъ знаетъ, что̀ вы говорите, Пульхерія Ивановна! Вы, вѣрно, вмѣсто декохта, что̀ часто пьете, выпили персиковой".

— „Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я не пила персиковой", — сказала Пульхерія Ивановна.

И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.

— „Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю", — сказала Пульхерія Ивановна. — „Когда я умру, то похороните меня возлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣренькое, то, что̀ съ небольшими цвѣточками по коричневому полю. Атласнаго платья, что̀ съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня: мертвой уже не нужно платье, — на что оно ей? А вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ на случай, когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ".

— „Богъ знаетъ, что говорите, Пульхерія Ивановна!“— говорилъ Аѳанасій Ивановичъ;—„когда-то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами“.

„Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я уже знаю, когда моя смерть. Вы, однакожъ, не горюйте за мною: я уже старуха и довольно пожила, да и вы уже стары; мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ“,

Но Аѳанасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

— „Грѣхъ плакать, Аѳанасій Ивановичъ! Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю; объ одномъ только жалѣю я (тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея): я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру. Вы— какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любилъ васъ тотъ, кто будетъ ухаживать за вами“.—При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто-нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

— „Смотри мнѣ, Явдоха“,—говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать:—„когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично; а то, пожалуй, онъ иногда выйдетъ въ старомъ халатѣ, потому что и теперь часто позабываетъ онъ, когда праздничный день, а когда будничный. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ не долго жить,—не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастія на свѣтѣ. Я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія Божія“.

Бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни

о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ. Она съ необыкновенною расторопностью распорядила все такимъ образомъ, чтобы послѣ нея Аѳанасій Ивановичъ не замѣтилъ ея отсутствія. Увѣренность ея въ близкой своей кончинѣ такъ была сильна и состояніе души ея такъ было къ этому настроено, что дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней она слегла въ постелю и не могла уже принимать никакой пищи. Аѳанасій Ивановичъ весь превратился во внимательность и не отходилъ отъ ея постели. „Можетъ-быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерія Ивановна?“ — говорилъ онъ, съ безпокойствомъ смотря въ глаза ей. Но Пульхерія Ивановна ничего не говорила. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, какъ-будто хотѣла она что-то сказать, пошевелила губами,—и дыханіе ея улетѣло.

Аѳанасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ. Это такъ казалось ему дико, что онъ даже не заплакалъ; мутными глазами глядѣлъ онъ на нее, какъ бы не понимая значенія трупа.

Покойницу положили на столъ, одѣли въ то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестомъ, дали въ руки восковую свѣчу,—онъ на все это глядѣлъ безчувственно. Множество народа всякаго званія наполнило дворъ; множество гостей пріѣхало на похороны; длинные столы разставлены были по двору; кутья, наливки, пироги покрывали ихъ кучами. Гости говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разсуждали о ея качествахъ, смотрѣли на него; но онъ самъ на все это глядѣлъ странно. Покойницу понесли наконецъ, народъ повалилъ слѣдомъ, и онъ пошелъ за нею. Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашенкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ. Наконецъ, гробъ поставили надъ ямой; ему велѣли подойти и поцѣловать въ послѣдній разъ покойницу. Онъ подошелъ; поцѣловалъ; на глазахъ его показались слезы, но какія-то безчувственныя слезы. Гробъ опустили, священникъ взялъ заступъ и первый бросилъ горсть земли; густой протяжный хоръ дьячка и двухъ

понамарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ, безоблачнымъ небомъ; работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму. Въ это время онъ пробрался впередъ; всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его намѣреніе. Онъ поднялъ глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ: „Такъ вотъ это вы уже и погребли ее! зачѣмъ?!...“ Онъ остановился и не докончилъ своей рѣчи.

Но когда возвратился онъ домой, когда увидѣлъ, что пусто въ его комнатѣ, что даже стулъ, на которомъ сидѣла Пульхерія Ивановна, былъ вынесенъ,—онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно, и слезы, какъ рѣка, лились изъ его тусклыхъ очей.

Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время? Какая страсть уцѣлѣетъ въ неравной битвѣ съ нимъ?

По истеченіи сказанныхъ пяти лѣтъ послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, я, будучи въ тѣхъ мѣстахъ, заѣхалъ въ хуторокъ Аѳанасія Ивановича навѣстить моего стариннаго сосѣда, у котораго когда-то пріятно проводилъ день и всегда объѣдался лучшими издѣліями радушной хозяйки. Когда я подъѣхалъ ко двору, домъ мнѣ показался вдвое старѣе; крестьянскія избы совсѣмъ легли на-бокъ, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и владѣльцы ихъ; частоколъ и плетень во дворѣ были совсѣмъ разрушены, и я видѣлъ самъ, какъ кухарка выдергивала изъ него палки для затопки печи, тогда какъ ей нужно было сдѣлать только два шага лишнихъ, чтобы достать тутъ же наваленнаго хворосту. Я съ грустью подъѣхалъ къ крыльцу; тѣ же самые барбосы и бровки, уже слѣпые, или съ перебитыми ногами, залаяли, поднявши вверхъ свои волнистые, обвѣшанные репейниками, хвосты. Навстрѣчу вышелъ старикъ. Такъ это онъ! я тотчасъ узналъ его; но онъ согнулся уже вдвое противъ прежняго. Онъ узналъ меня и привѣтствовалъ съ тою же знакомою мнѣ улыбкою. Я вошелъ за нимъ въ комнаты. Казалось, все было въ нихъ попрежнему; но я замѣтилъ во всемъ какой-то странный безпорядокъ, какое-то ощутительное отсутствіе чего-то; словомъ, я ощутилъ въ себѣ тѣ странныя чувства, которыя овладѣваютъ нами, когда мы

вступаемъ въ первый разъ въ жилище вдовца, котораго прежде знали нераздѣльнымъ съ подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бываютъ похожи на то, когда видимъ передъ собою безъ ноги человѣка, котораго всегда знали здоровымъ. Во всемъ видно было отсутствіе заботливой Пульхеріи Ивановны: за столомъ подали одинъ ножъ безъ черенка; блюда уже не были приготовлены съ такимъ искусствомъ. О хозяйствѣ я не хотѣлъ и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственныя заведенія.

Когда мы сѣли за столъ, дѣвка завязала Аѳанасія Ивановича салфеткою, и очень хорошо сдѣлала, потому что безъ того онъ бы весь халатъ свой запачкалъ соусомъ. Я старался его чѣмъ-нибудь занять и разсказывалъ ему разныя новости; онъ слушалъ съ тою же улыбкою, но повременамъ взглядъ его былъ совершенно безчувственъ, и мысли въ немъ не бродили, но исчезали. Часто поднималъ онъ ложку съ кашею и, вмѣсто того, чтобы подносить ко рту, подносилъ къ носу; вилку свою, вмѣсто того, чтобы воткнуть въ кусокъ цыпленка, онъ тыкалъ въ графинъ, и тогда дѣвка, взявши его за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по нѣскольку минутъ слѣдующаго блюда. Аѳанасій Ивановичъ уже самъ замѣчалъ это и говорилъ: „Что это долго не несутъ кушанья?“ Но я видѣлъ сквозь щель въ дверяхъ, что мальчикъ, разносившій намъ блюда, вовсе не думалъ о томъ и спалъ, свѣсивши голову на скамью.

„Вотъ это то кушанье“,—сказалъ Аѳанасій Ивановичъ, когда подали намъ *мнишки* со сметаною:—„это кушанье“,—продолжалъ онъ, и я замѣтилъ, что голосъ его началъ дрожать и слеза готовилась выглянуть изъ его свинцовыхъ глазъ; но онъ собиралъ всѣ усилія, желая удержать ее:—„это кушанье, которое по... по... покой... покойни...“—и вдругъ брызнулъ слезами; рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетѣла и разбилась; соусъ залилъ его всего. Онъ сидѣлъ безчувственно, безчувственно держалъ ложку, и слезы какъ ручей, какъ немолчно текущій фонтанъ, лились, лились ливмя на застилавшую его салфетку.

— „Боже!“ думалъ я, глядя на него: „пять лѣтъ всеистреб-

ляющаго времени—старикъ уже безчувственный, старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе души, котораго вся жизнь, казалось, состояла только изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ ядѣнія сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ,—и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнѣе надъ нами: страсть или привычка! Или всѣ сильные порывы, весь вихорь нашихъ желаній и кипящихъ страстей есть только слѣдствіе нашего яркаго возраста, и только по тому одному кажутся глубоки и сокрушительны?“ Что бы ни было, но въ это время мнѣ казались дѣтскими всѣ наши страсти противъ этой долгой, медленной, почти безчувственной привычки. Нѣсколько разъ силился онъ выговорить имя покойницы, но на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плачъ дитяти поражалъ меня въ самое сердце. Нѣтъ, это не тѣ слезы, на которыя обыкновенно такъ щедры старички, представляющіе вамъ жалкое свое положеніе и несчастія; это были также не тѣ слезы, которыя они роняютъ за стаканомъ пуншу: нѣтъ! это были слезы, которыя текли, не спрашиваясь, сами собою накопляясь отъ ѣдкости боли уже охладѣвшаго сердца.

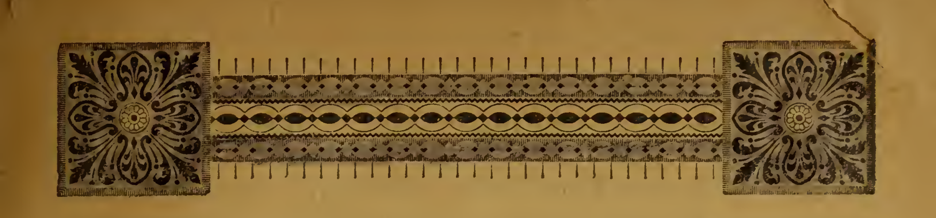
Онъ не долго послѣ того жилъ. Я недавно услышалъ объ его смерти. Странно, однакоже, то, что обстоятельства кончины его имѣли какое-то сходство съ кончиною Пульхеріи Ивановны. Въ одинъ день Аѳанасій Ивановичъ рѣшился немного пройтись по саду. Когда онъ медленно шелъ по дорожкѣ съ обыкновенною своею безпечностію, вовсе не имѣя никакой мысли, съ нимъ случилось странное происшествіе. Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто-то довольно явственнымъ голосомъ: „Аѳанасій Ивановичъ!“ Онъ оборотился, но никого совершенно не было; посмотрѣлъ во всѣ стороны, заглянулъ въ кусты,—нигдѣ никого. День былъ тихъ, и солнце сіяло. Онъ на минуту задумался; лицо его какъ-то оживилось, и онъ, наконецъ, произнесъ: „это Пульхерія Ивановна зоветъ меня!“ Вамъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стоско-

валась за человѣкомъ и призываетъ его, и послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ я часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая; даже кузнечикъ въ это время переставалъ кричать; ни души въ саду. Но, признаюсь, если бы ночь самая бѣшеная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно такъ бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ саду, и тогда только успокоивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню.

Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его; онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и наконецъ угасъ такъ, какъ она, когда уже ничего не осталось, что̀ бы могло поддержать бѣдное ея пламя. „Положите меня возлѣ Пульхеріи Ивановны", — вотъ все, что произнесъ онъ передъ своею кончиною.

Желаніе его исполнили и похоронили возлѣ церкви, близъ могилы Пульхеріи Ивановны. Гостей было меньше на похоронахъ, но простого народа и нищихъ было такое же множество. Домикъ барскій уже сдѣлался вовсе пустъ. Предмріимчивый приказчикъ вмѣстѣ съ войтомъ перетащили въ свои избы всѣ оставшіяся старинныя вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница. Скоро пріѣхалъ, неизвѣстно откуда, какой-то дальній родственникъ, наслѣдникъ имѣнія, служившій прежде поручикомъ, не помню, въ какомъ полку, страшный реформаторъ. Онъ увидѣлъ тотчасъ величайшее разстройство и упущеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ; все это рѣшился онъ непремѣнно искоренить, исправить и ввести во всемъ порядокъ. Накупилъ шесть прекрасныхъ англійскихъ серповъ, приколотилъ къ каждой избѣ особенный номеръ, и

наконецъ такъ хорошо распорядился, что имѣніе черезъ шесть мѣсяцевъ взято было въ опеку. Мудрая опека (изъ одного бывшаго засѣдателя и какого-то штабсъ-капитана въ полинялом мундирѣ) перевела въ непродолжительное время всѣхъ куръ и всѣ яйца. Избы, почти совсѣмъ лежавшія на землѣ, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частію числиться въ бѣгахъ. Самъ же настоящій владѣтель, который, впрочемъ, жилъ довольно мирно съ своею опекою и пилъ вмѣстѣ съ нею пуншъ, пріѣзжалъ очень рѣдко въ свою деревню и проживалъ не долго. Онъ до сихъ поръ ѣздитъ по всѣмъ ярмаркамъ въ Малороссіи, тщательно освѣдомляется о цѣнахъ на разныя большія произведенія, продающіяся оптомъ, какъ-то: муку, пеньку, медъ и прочее; но покупаетъ только небольшія бездѣлушки, какъ-то: кремешки, гвоздь прочищать трубку и вообще все то, что не превышаетъ всѣмъ оптомъ своимъ цѣны одного рубля.

ПОВѢСТЬ

о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.

ГЛАВА I.

Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ.

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнѣйшая! А какія смушки! Фу, ты пропасть, какія смушки! *) сизыя съ морозомъ! Я ставлю, Богъ знаетъ что, если у кого-либо найдутся такія! Взгляните, ради Бога, на нихъ,—особенно, если онъ станетъ съ кѣмъ-нибудь говорить,—взгляните сбоку: что это за объѣденіе! Описать нельзя: бархатъ! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворецъ, угодникъ Божій! отчего же это у меня нѣтъ такой бекеши! Онъ сшилъ ее тогда еще, когда Агаѳія Ѳедосѣевна не ѣздила въ Кіевъ. Вы знаете Агаѳію Ѳедосѣевну? Та самая, что откусила ухо у засѣдателя.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ! Вокругъ него, со всѣхъ сторонъ, навѣсъ на дубовыхъ столбахъ, подъ навѣсомъ вездѣ скамейки. Иванъ Ивановичъ, когда сдѣлается слишкомъ жарко, скинетъ съ себя и бекешу, и исподнее, самъ останется въ одной рубашкѣ и отдыхаетъ подъ навѣсомъ, и глядитъ, что дѣлается во дворѣ и на улицѣ. Какія у него яблони и груши подъ са-

---

*) Смушки—мерлушки.

мыми окнами! Отворите только окно,—такъ вѣтви сами и врываются въ комнату. Это все передъ домомъ; а посмотрѣли бы, что у него въ саду! Чего тамъ нѣтъ? Сливы, вишни, черешни, огородина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни; это любимое его кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принести двѣ дыни, и уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начнетъ кушать. Потомъ велитъ Гапкѣ принести чернильницу и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: „Сія дыня съѣдена такого-то числа“. Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то: „участвовалъ такой-то“.

Покойный судья миргородскій всегда любовался, глядя на домъ Ивана Ивановича. Да, домишко очень недуренъ. Мнѣ нравится, что къ нему со всѣхъ сторонъ пристроены сѣни и сѣнички, такъ что если взглянуть ва него издали, то видны однѣ только крыши, посаженныя одна на другую, что весьма походитъ на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше, на губки, нарастающія на деревѣ. Впрочемъ, крыши всѣ крыты очеретомъ; ива, дубъ и двѣ яблони облокотились на нихъ своими раскидистыми вѣтвями. Промежъ деревъ мелькаютъ и выбѣгаютъ даже на улицу небольшія окошки съ рѣзными выбѣленными ставнями.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Его знаетъ и комиссаръ полтавскій! Дорошъ Тарасовичъ Пухивочка, когда ѣдетъ изъ Хорола, то всегда заѣзжаетъ къ нему. А протопопъ отецъ Петръ, что живетъ въ Колибердѣ, когда соберется у него человѣкъ пятокъ гостей, всегда говоритъ, что онъ никого не знаетъ, кто бы такъ исполнялъ долгъ христіанскій и умѣлъ жить, какъ Иванъ Ивановичъ.

Боже, какъ летитъ время! Уже тогда прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ овдовѣлъ. Дѣтей у него не было. У Гапки есть дѣти и бѣгаютъ часто по двору. Иванъ Ивановичъ всегда даетъ каждому изъ нихъ или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носитъ ключи отъ

коморъ и погребовъ; отъ большого же сундука, что стоитъ въ его спальнѣ, и отъ средней коморы ключъ Иванъ Ивановичъ держитъ у себя и не любитъ никого туда пускать. Гапка—здоровая, ходитъ въ запаскѣ, съ свѣжими икрами и щеками.

А какой богомольный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Каждый воскресный день надѣваетъ онъ бекешу и идетъ въ церковь. Взошедши въ нее, Иванъ Ивановичъ, раскланявшись на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ. Когда же окончится служба, Иванъ Ивановичъ никакъ не утерпитъ, чтобъ не обойти всѣхъ нищихъ. Онъ бы, можетъ быть, и не хотѣлъ заняться такимъ скучнымъ дѣломъ, если бы не побуждала его къ тому природная доброта. „Здорово, небого!“ *) обыкновенно говорилъ онъ, отыскавши самую искалѣченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплатъ платьѣ. „Откуда ты, бѣдная?“

— „Я паночку, изъ хутора пришла: третій день, какъ не пила, не ѣла; выгнали меня собственныя дѣти“.

— „Бѣдная головушка! чего-жъ ты пришла сюда?“

— „А такъ, паночку, милостыни просить, не дастъ ли кто-нибудь хоть на хлѣбъ“.

— „Гм! что-жъ, тебѣ развѣ хочется хлѣба?“—обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ.

„Какъ не хотѣть! голодна, какъ собака“.

— „Гм!“—отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ.— „Такъ тебѣ, можетъ, и мяса хочется?“.

— „Да все, что милость ваша дастъ, всѣмъ буду довольна“.

— „Гм! развѣ мясо лучше хлѣба?“

— „Гдѣ ужъ голодному разбирать? Все, что пожалуете, все хорошо“.—При этомъ старуха обыкновенно протягивала руку.

— „Ну, ступай же съ Богомъ“,—говорилъ Иванъ Ивановичъ.—„Чего-жъ ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью?“

И, обратившись съ такими разспросами къ другому, къ третьему, наконецъ, возвращается домой или заходитъ выпить

*) Бѣдная.

рюмку водки къ сосѣду Ивану Никифоровичу, или къ судьѣ, или къ городничему.

Иванъ Ивановичъ очень любитъ, если ему кто-нибудь сдѣлаетъ подарокъ, или гостинецъ. Это ему очень нравится.

Очень хорошій также человѣкъ Иванъ Никифоровичъ. Его дворъ возлѣ двора Ивана Ивановича. Они такіе между собою пріятели, какихъ свѣтъ не производилъ. Антонъ Прокофьевичъ Пупопузъ, который до сихъ поръ еще ходитъ въ коричневомъ сюртукѣ съ голубыми рукавами и обѣдаетъ по воскреснымъ днямъ у судьи, обыкновенно говорилъ, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича самъ чортъ связалъ веревочкой: куда одинъ, туда и другой плетется.

Иванъ Никифоровичъ никогда не былъ женатъ. Хотя приговаривали, что онъ женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича и могу сказать, что онъ даже не имѣлъ намѣренія жениться. Откуда выходятъ всѣ эти сплетни? Такъ, какъ пронесли было, что Иванъ Никифоровичъ родился съ хвостомъ назади. Но эта выдумка такъ нелѣпа и вмѣстѣ гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужнымъ опровергать ее предъ просвѣщенными читателями, которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что у однѣхъ только вѣдьмъ, и то у весьма немногихъ, есть назади хвостъ. Вѣдьмы, впрочемъ, принадлежатъ болѣе къ женскому полу, нежели къ мужескому.

Несмотря на большую пріязнь, эти рѣдкіе друзья не совсѣмъ были сходны между собою. Лучше всего можно узнать характеры ихъ изъ сравненія! Иванъ Ивановичъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! Это ощущеніе можно сравнить только съ тѣмъ, когда у васъ ищутъ въ головѣ или потихоньку проводятъ пальцемъ по вашей пяткѣ. Слушаешь, слушаешь—и голову повѣсишь. Пріятно! чрезвычайно пріятно! какъ сонъ послѣ купанья. Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчитъ; но зато, если влѣпитъ словцо, то держись только: отбрѣетъ лучше всякой бритвы. Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; Иванъ Никифоровичъ немного ниже, но зато распространяется въ толщину. Голова у Ивана Ивановича

похожа на рѣдьку хвостомъ внизъ; голова Ивана Никифоровича—на рѣдьку хвостомъ вверхъ. Иванъ Ивановичъ только послѣ обѣда лежитъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсомъ, ввечеру же надѣваетъ бекешу и идетъ куда-нибудь, или къ городовому магазину, куда онъ поставляетъ муку, или въ поле—ловить перепеловъ. Иванъ Никифоровичъ лежитъ весь день на крыльцѣ,—если не слишкомъ жаркій день, то обыкновенно выставивъ спину на солнце,—и никуда не хочетъ идти. Если вздумается утромъ, то пройдетъ по двору, осмотритъ хозяйство и опять на покой. Въ прежнія времена зайдетъ, бывало, къ Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно тонкій человѣкъ и въ порядочномъ разговорѣ никогда не скажетъ неприличнаго слова, и тотчасъ обидится, если услышитъ его. Иванъ Никифоровичъ иногда не обережется. Тогда обыкновенно Иванъ Ивановичъ встаетъ съ мѣста и говоритъ: „Довольно, довольно, Иванъ Никифоровичъ; лучше скорѣе на солнце, чѣмъ говорить такія богопротивныя слова“. Иванъ Ивановичъ очень сердится, если ему попадется въ борщъ муха; онъ тогда выходитъ изъ себя—и тарелку кинетъ, и хозяину достанется. Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Иванъ Ивановичъ брѣетъ бороду въ недѣлю два раза; Иванъ Никифоровичъ одинъ разъ. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно любопытенъ: Боже сохрани, если что-нибудь начнешь ему разсказывать, да не доскажешь! Если-жъ чѣмъ бываетъ недоволенъ, то тотчасъ даетъ замѣтить это. По виду Ивана Никифоровича чрезвычайно трудно узнать, доволенъ ли онъ, или сердитъ; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажетъ. Иванъ Ивановичъ нѣсколько боязливаго характера. У Ивана Никифоровича, напротивъ того, шаровары въ такихъ широкихъ складкахъ, что если бы раздуть ихъ, то въ нихъ можно бы помѣстить весь дворъ съ амбарами и строеніемъ. У Ивана Ивановича большіе выразительные глаза табачнаго цвѣту, и ротъ нѣсколько похожъ на букву *ижицу*; у Ивана Никифоровича глаза маленькіе, желтоватые, совершенно пропадающіе между густыхъ бровей и

пухлыхъ щекъ, и носъ въ видѣ спѣлой сливы. Иванъ Ивановичъ, если попотчиваетъ васъ табакомъ, то всегда напередъ лизнетъ языкомъ крышку табакерки, потомъ щелкнетъ по ней пальцемъ и, поднесши, скажетъ, если вы съ нимъ знакомы: „Смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?“ если вы незнакомы, то: „Смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отечества, объ одолженіи?“ Иванъ же Никифоровичъ даетъ вамъ прямо въ руки рожокъ свой и прибавитъ только: „Одолжайтесь“. Какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ очень не любятъ блохъ, и оттого ни Иванъ Ивановичъ, ни Иванъ Никифоровичъ никакъ не пропустятъ жида съ товарами, чтобы не купить у него элексира въ разныхъ баночкахъ противъ этихъ насѣкомыхъ, выбранивъ напередъ его хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру.

Впрочемъ, несмотря на нѣкоторыя несходства, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ прекрасные люди.

ГЛАВА II,

изъ которой можно узнать, чего захотѣлось Ивану Ивановичу, о чемъ происходилъ разговоръ между Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ и чѣмъ онъ окончился.

Утромъ,—это было въ іюлѣ мѣсяцѣ,—Иванъ Ивановичъ лежалъ подъ навѣсомъ. День былъ жарокъ, воздухъ сухъ и переливался струями. Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже побывать за городомъ у косарей и на хуторѣ, успѣлъ разспросить встрѣтившихся мужиковъ и бабъ, откуда, куда, какъ и почему; уходился страхъ, и прилегъ отдохнуть. Лежа, онъ долго оглядывалъ коморы, дворъ, сараи, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про себя: „Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строеніе, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоянная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ... Чего-жъ еще нѣтъ у меня?.. Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?“

Задавши себѣ такой глубокомысленный вопросъ, Иванъ Ивановичъ задумался; а между тѣмъ глаза его отыскали новые предметы, перешагнули черезъ заборъ въ дворъ Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытнымъ зрѣлищемъ. Тощая баба выносила по порядку залежалое платье и развѣшивала его на протянутой веревкѣ вывѣтривать. Скоро старый мундиръ, съ изношенными обшлагами, протянулъ на воздухъ рукава и обнималъ парчевую кофту; за нимъ высунулся дворянскій съ гербовыми пуговицами, съ отъѣденнымъ воротникомъ; бѣлыя казимировыя панталоны съ пятнами, которыя когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которыя можно теперь натянуть развѣ на его пальцы. За ними скоро повисли другія, въ видѣ буквы Л., потомъ синій казацкій бешметъ, который шилъ себѣ Иванъ Никифоровичъ назадъ тому лѣтъ двадцать, когда готовился было вступить въ милицію и отпустилъ было уже усы. Наконецъ, одно къ одному, выставилась шпага, походившая на шпицъ, торчавшій въ воздухѣ. Потомъ завертѣлись фалды чего-то похожаго на кафтанъ травяно-зеленаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами, величиною въ пятакъ. Изъ-за фалдъ выглянулъ жилетъ, обложенный золотымъ позументомъ, съ большимъ вырѣзомъ напереди. Жилетъ скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, съ карманами, въ которые можно было положить по арбузу. Все, мѣшаясь вмѣстѣ, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрѣлище, между тѣмъ какъ лучи солнца, охватывая мѣстами синій или зеленый рукавъ, красный обшлагъ, или часть золотой парчи, или играя на шпажномъ шпицѣ, дѣлали его чѣмъ-то необыкновеннымъ, похожимъ на тотъ вертепъ, который развозятъ по хуторамъ кочующіе пройдохи,— особливо, когда толпа народа, тѣсно сдвинувшись, глядитъ на царя Ирода въ золотой коронѣ, или на Антона, ведущаго козу; за вертепомъ визжитъ скрипка; цыганъ брянчитъ руками по губамъ своимъ вмѣсто барабана, а солнце заходитъ, и свѣжій холодъ южной ночи незамѣтно прижимается сильнѣе къ свѣжимъ плечамъ полныхъ хуторянокъ.

Скоро старуха вылѣзла изъ кладовой, кряхтя и таща на себѣ старинное сѣдло съ оборванными стременами, съ истер-

тыми кожаными чехлами для пистолетовъ, съ чепракомъ когда-то алаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ и мѣдными бляхами.

— „Вотъ глупая баба!“ подумалъ Иванъ Ивановичъ: „она еще вытащитъ и самого Ивана Никифоровича провѣтривать!“

И точно: Иванъ Ивановичъ не совсѣмъ ошибся въ своей догадкѣ. Минутъ черезъ пять воздвигнулись нанковыя шаровары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. Послѣ этого она вынесла еще шапку и ружье.

— „Что-жъ это значитъ?“ подумалъ Иванъ Ивановичъ: „я не видѣлъ никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что-жъ это онъ? Стрѣлять не стрѣляетъ, а ружье держитъ! На что-жъ оно ему? А вещица славная! Я давно себѣ хотѣлъ достать такое. Мнѣ очень хочется имѣть это ружьецо; я люблю позабавиться ружьецомъ.—„Эй, баба, баба!“ закричалъ Иванъ Ивановичъ, кивая пальцемъ.

Старуха подошла къ забору.

— „Что это у тебя, бабуся, такое?“

— „Видите сами—ружье“.

— „Какое ружье?“

— „Кто его знаетъ, какое! Если-бъ оно было мое, то я, можетъ-быть, и знала бы, изъ чего оно сдѣлано; но оно панское“.

Иванъ Ивановичъ всталъ и началъ разсматривать ружье со всѣхъ сторонъ и позабылъ дать выговоръ старухѣ за то, что повѣсила его вмѣстѣ со шпагою провѣтривать.

— „Оно, должно думать, желѣзное“, продолжала старуха.

— „Гм! желѣзное. Отчего-жъ оно желѣзное?“ говорилъ про себя Иванъ Ивановичъ.—„А давно оно у пана?“

— „Можетъ-быть и давно“.

— „Хорошая вещица!“ продолжалъ Иванъ Ивановичъ.—„Я выпрошу его. Что ему дѣлать съ нимъ? Или promѣняюсь на что-нибудь. Что, бабуся, дома панъ?“

— „Дома“.

— „Что онъ, лежитъ?“

— „Лежитъ“.

— „Ну, хорошо; я приду къ нему“.

Иванъ Ивановичъ одѣлся, взялъ въ руки суковатую палку отъ сабакъ, потому что въ Миргородѣ гораздо болѣе ихъ попадается на улицѣ, нежели людей, и пошелъ.

Дворъ Ивана Никифоровича хотя былъ возлѣ двора Ивана Ивановича и можно было перелѣзть изъ одного въ другой черезъ плетень, однакожъ Иванъ Ивановичъ пошелъ улицею. Съ этой улицы нужно было перейти въ переулокъ, который былъ такъ узокъ, что если случалось встрѣтиться въ немъ двумъ повозкамъ въ одну лошадь, то онѣ уже не могли разъѣхаться и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покамѣстъ, схвативши за заднія колеса, не вытаскивали ихъ каждую въ противную сторону на улицу; пѣшеходъ же убирался, какъ цвѣтами, репейниками, росшими съ обѣихъ сторонъ возлѣ забора. На этотъ переулокъ выходили съ одной стороны сарай Ивана Ивановича, съ другой амбаръ, ворота и голубятня Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ воротамъ, загремѣлъ щеколдой: извнутри поднялся собачій лай; но разношерстная стая скоро побѣжала, помахивая хвостами, назадъ, увидѣвши, что это было знакомое лицо. Иванъ Ивановичъ перешелъ дворъ, на которомъ пестрѣли индѣйскіе голуби, кормимые собственноручно Иваномъ Никифоровичемъ, корки арбузовъ и дынь, мѣстами зелень, мѣстами изломанное колесо, или обручъ отъ бочки, или валявшійся мальчишка въ запачканной рубашкѣ: картина, которую любятъ живописцы! Тѣнь отъ развѣшанныхъ платьевъ покрывала почти весь дворъ и сообщала ему нѣкоторую прохладу. Баба встрѣтила его поклономъ и, зазѣвавшись, стала на одномъ мѣстѣ. Передъ домомъ охорашивалось крылечко съ навѣсомъ на двухъ дубовыхъ столбахъ,—ненадежная защита отъ солнца, которое въ это время въ Малороссіи не любитъ шутить и обливаетъ пѣшехода съ ногъ до головы жаркимъ потомъ. Изъ этого можно было видѣть, какъ сильно было желаніе у Ивана Ивановича пріобрѣсть необходимую вещь, когда онъ рѣшился выйти въ такую пору, измѣнивъ даже своему всегдашнему обыкновенію прогуливаться только вечеромъ!

Комната, въ которую вступилъ Иванъ Ивановичъ, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты, и солнечный лучъ, проходя въ дыру, сдѣланную въ ставнѣ, принялъ радужный цвѣтъ и, ударяясь въ противостоящую стѣну, рисовалъ на ней пестрый ландшафтъ изъ очеретяныхъ крышъ, деревъ и развѣшаннаго на дворѣ платья, все только въ обращенномъ видѣ. Отъ этого всей комнатѣ сообщался какой-то чудный полусвѣтъ.

— „Помоги Богъ!" сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— „А, здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!" отвѣчалъ голосъ изъ угла комнаты. Тогда только Иванъ Ивановичъ замѣтилъ Ивана Никифоровича, лежащаго на разостланномъ на полу коврѣ. „Извините, что я передъ вами въ натурѣ". Иванъ Никифоровичъ лежалъ безо всего, даже безъ рубашки.

— „Ничего. Почивали ли вы сегодня, Иванъ Никифоровичъ?"

— „Почивалъ. А вы почивали, Иванъ Ивановичъ?"

— „Почивалъ".

— „Такъ вы теперь и встали?"

— „Я теперь всталъ? Христосъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ! Какъ можно спать до сихъ поръ! Я только-что пріѣхалъ изъ хутора. Прекрасныя жита по дорогѣ! восхительныя! И сѣно такое рослое, мягкое, злачное!"

— „Горпина!" закричалъ Иванъ Никифоровичъ: „принеси Ивану Ивановичу водки, да пироговъ съ сметаною".

— „Хорошее время сегодня".

— „Не хвалите, Иванъ Ивановичъ. Чтобъ его чортъ взялъ! Некуда дѣваться отъ жару!"

— „Вотъ таки нужно помянуть чорта. Эй, Иванъ Никифоровичъ! вы вспомните мое слово, да уже будетъ поздно: достанется вамъ на томъ свѣтѣ за богопротивныя слова".

— „Чѣмъ же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не тронулъ ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чѣмъ я васъ обидѣлъ".

— „Полно уже, полно, Иванъ Никифоровичъ!"

— „Ей Богу, я не обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ!"

— „Странно, что перепела до сихъ поръ нейдутъ подъ дудочку".

— „Какъ вы себѣ хотите, думайте, что вамъ угодно, только я васъ не обидѣлъ ничѣмъ“.

— „Не знаю, отчего они нейдутъ“, говорилъ Иванъ Ивановичъ, какъ бы не слушая Ивана Никифоровича: „время ли не приспѣло еще... только время, кажется, такое, какое нужно“.

— „Вы говорите, что жита хорошія?“

— „Восхитительныя жита, восхитительныя!“

За симъ послѣдовало молчаніе.

— „Что это вы, Иванъ Никифоровичъ, платье развѣшиваете?“ наконецъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— „Да, прекрасное, почти новое платье загноила проклятая баба: теперь провѣтриваю; сукно тонкое, превосходное, только выворoти,—и можно снова носить“.

— „Мнѣ тамъ понравилось одна вещица, Иванъ Никифоровичъ“.

— „Какая?“

— „Скажите, пожалуйста, на что вамъ это ружье, что выставлено вывѣтривать вмѣстѣ съ платьемъ?“ Тутъ Иванъ Ивановичъ поднесъ табаку.—„Смѣю ли просить объ одолженіи?“

— „Ничего, одолжайтесь; я понюхаю своего“. При этомъ Иванъ Никифоровичъ пощупалъ вокругъ себя и досталъ рожокъ. —„Вотъ глупая баба! Такъ она и ружье туда же повѣсила? Хорошій табакъ жидъ дѣлаетъ въ Сорочинцахъ. Я не знаю, что онъ кладетъ туда, а такое душистое! На канунеръ немножко похоже. Вотъ возьмите, разжуйте немножко во рту: не правда ли, похоже на канунеръ? Возьмите, одолжайтесь!“

— „Скажите, пожалуйста, Иванъ Никифоровичъ, я все насчетъ ружья: что вы будете съ нимъ дѣлать? Вѣдь оно вамъ не нужно“.

— „Какъ не нужно? А случится стрѣлять?“

— „Господь съ вами, Иванъ Никифоровичъ, когда же вы будете стрѣлять? Развѣ по второмъ пришествіи? Вы, сколько я знаю и другіе запомнятъ, ни одной еще качки *) не убили, да и ваша натура не такъ уже Господомъ Богомъ устроена, чтобъ стрѣлять. Вы имѣете осанку и фигуру важную. Какъ

---

*) Т.-е. утки.

же вамъ таскаться по̀ болотамъ, когда ваше платье, которое не во всякой рѣчи прилично назвать по имени, провѣтривается и теперь еще? что же тогда? Нѣтъ, вамъ нужно имѣть покой, отдохновеніе". (Иванъ Ивановичъ, какъ упомянуто выше, обыкновенно живописно говорилъ, когда нужно было убѣждать кого. Какъ онъ говорилъ! Боже, какъ онъ говорилъ!)—„Да, такъ вамъ нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мнѣ!"

— „Какъ можно! Это ружье дорогое; такихъ ружьевъ теперь не сыщете нигдѣ. Я еще, какъ собирался въ милицію, купилъ его у турчанина; а теперь бы то такъ вдругъ и отдать его! Какъ можно! Это вещь необходимая!"

— „На что жъ она необходимая?"

— „Какъ на что? А какъ нападутъ на домъ разбойники... Еще бы не необходимая! Слава тебѣ, Господи! Теперь я спокоенъ и не боюсь никого. А отчего? — оттого, что я знаю, что у меня стоитъ въ коморѣ ружье".

— „Хорошее ружье! Да у него, Иванъ Никифоровичъ, замокъ испорченъ".

— „Что жъ, что испорченъ? Можно починить; нужно только смазать коноплянымъ масломъ, чтобъ не ржавѣлъ".

— „Изъ вашихъ словъ, Иванъ Никифоровичъ, я никакъ не вижу дружественнаго ко мнѣ расположенія. Вы ничего не хотите сдѣлать для меня въ знакъ пріязни".

— „Какъ же это вы говорите, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ не оказываю никакой пріязни? Какъ вамъ не совѣстно? Ваши волы пасутся на моей степи, и я ни разу не занималъ ихъ. Когда ѣдете въ Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что жъ? развѣ я отказалъ когда? Ребятишки ваши перелѣзаютъ чрезъ плетень въ мой дворъ и играютъ съ моими собаками, — я ничего не говорю: пусть себѣ играютъ, лишь бы ничего не трогали! пусть себѣ играютъ!"

— „Когда не хотите подарить, такъ, пожалуй, промѣняемся".

— „Что жъ вы дадите мнѣ за него?" При этомъ Иванъ Никифоровичъ облокотился на руку и поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

— „Я вамъ дамъ за него бурую свинью, ту самую, что я

откормилъ въ сажу. Славная свинья! Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ“.

— „Я не знаю, какъ вы, Иванъ Ивановичъ, можете это говорить. На что мнѣ свинья ваша? Развѣ чорту поминки дѣлать“.

— „Опять! Безъ чорта таки нельзя обойтись! Грѣхъ вамъ; ей-Богу, грѣхъ, Иванъ Никифоровичъ!“

— „Какъ же вы, въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ, даете за ружье, чортъ знаетъ, что такое: свинью!“

— „Отчего же она—чортъ знаетъ что такое, Иванъ Никифоровичъ?“

— „Какъ же? Вы бы сами посудили хорошенько. Это таки ружье, вещь извѣстная; а то—чортъ знаетъ что такое: свинья! Если бы не вы говорили, я бы могъ это принять въ обидную для себя сторону“.

— „Что жъ нехорошаго замѣтили вы въ свиньѣ?“

— „За кого же въ самомъ дѣлѣ вы принимаете меня? Чтобъ я свинью...“

— „Садитесь, садитесь! Не буду уже... Пусть вамъ остается ваше ружье, пускай себѣ сгніетъ и перержавѣетъ, стоя въ углу въ коморѣ,—не хочу больше говорить о немъ“.

Послѣ этого послѣдовало молчаніе.

— „Говорятъ“, началъ Иванъ Ивановичъ: „что три короля объявили войну царю нашему“.

— „Да, говорилъ мнѣ Петръ Ѳедоровичъ. Что жъ это за война? и отчего она?“

— „Навѣрное не можно сказать, Иванъ Никифоровичъ, за что она. Я полагаю, что короли хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру“.

— „Вишь, дурни, чего захотѣли!“ произнесъ Иванъ Никифоровичъ, приподнявши голову.

— „Вотъ видите, а царь нашъ и объявилъ имъ за то войну. „Нѣтъ,—говоритъ,—примите вы сами вѣру Христову!“

— „Что жъ? Вѣдь наши побьютъ ихъ, Иванъ Ивановичъ!“

— „Побьютъ. Такъ не хотите, Иванъ Никифоровичъ, мѣнять ружьеца?“

— „Мнѣ странно, Иванъ Ивановичъ: вы, кажется, человѣкъ

извѣстный ученостью, а говорите, какъ недоросль. Что бы я за дуракъ такой...“

— „Садитесь, садитесь. Богъ съ нимъ! Пусть оно себѣ околѣетъ; не буду больше говорить“.

Въ это время принесли закуску.

Иванъ Ивановичъ выпилъ рюмку и закусилъ пирогомъ съ сметаною.—„Слушайте, Иванъ Никифоровичъ: я вамъ дамъ, кромѣ свиньи, еще два мѣшка овса; вѣдь овса вы не сѣяли. Этотъ годъ, все равно, вамъ нужно будетъ покупать овесъ“.

— „Ей-Богу, Иванъ Ивановичъ, съ вами говорить нужно, гороху наѣвшись“. (Это еще ничего: Иванъ Никифоровичъ и не такія фразы отпускаетъ.)—„Гдѣ видано, чтобы кто ружье промѣнялъ на два мѣшка овса? Небось, бекеши своей не поставите“.

— „Но вы позабыли, Иванъ Никифоровичъ, что я свинью еще даю вамъ“.

— „Какъ! два мѣшка овса и свинью за ружье?“

— „Да что жъ? развѣ мало?“

— „За ружье?“

— „Конечно, за ружье?“

— „Два мѣшка за ружье?“

— „Два мѣшка не пустыхъ, а съ овсомъ; а свинью позабыли?“

— „Поцѣлуйтесь со своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чортомъ!“

— „О, васъ зацѣпи только! Увидите: нашпигуютъ вамъ на томъ свѣтѣ языкъ горячими иголками за такія богомерзкія слова. Послѣ разговора съ вами нужно и лицо, и руки умыть, и самому окуриться“.

— „Позвольте, Иванъ Ивановичъ: ружье—вещь благородная, самая любопытная забава, притомъ и украшеніе въ комнатѣ пріятное...“

— „Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ съ своимъ ружьемъ, *какъ дурень съ писаною торбою*“, сказалъ Иванъ Ивановичъ съ досадою, потому что дѣйствительно начиналъ уже сердиться.

— „А вы, Иванъ Ивановичъ, настоящій *гусакъ*“ *).

Если бы Иванъ Никифоровичъ не сказалъ этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, какъ всегда, пріятелями; но теперь произошло совсѣмъ другое. Иванъ Ивановичъ весь вспыхнулъ.

— „Что вы такое сказали, Иванъ Никифоровичъ?“ спросилъ онъ, возвысивъ голосъ.

— „Я сказалъ, что вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ!“

— „Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе, и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?“

— „Что жъ тутъ поноснаго? Да чего вы въ самомъ дѣлѣ такъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ?“

— „Я повторяю, какъ вы осмѣлились, въ противность всѣхъ приличій, назвать меня гусакомъ?“

— „Начхать я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Что вы такъ раскудахтались?“

Иванъ Ивановичъ не могъ болѣе владѣть собою: губы его дрожали; ротъ измѣнилъ обыкновенное положеніе *ижицы* и сдѣлался похожимъ на 0; глазами онъ такъ мигалъ, что сдѣлалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно рѣдко; нужно было для этого его сильно разсердить.—„Такъ я жъ вамъ объявляю“, произнесъ Иванъ Ивановичъ: „что я знать васъ не хочу“.

— „Большая бѣда! Ей-Богу, не заплачу отъ этого!“ отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ. — Лгалъ, лгалъ, ей-Богу, лгалъ! Ему очень было досадно это.

— „Нога моя не будетъ у васъ въ домѣ“.

— „Эге, ге!“ сказалъ Иванъ Никифоровичъ, съ досады не зная самъ, что дѣлать, и, противъ обыкновенія, вставъ на ноги.—„Эй, баба, хлопче!“ При семъ показалась изъ за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчикъ, запутанный въ длинный и широкій сюртукъ.—„Возьмите Ивана Ивановича за руки, да выведите его за двери!“

— „Какъ! дворянина?“ закричалъ съ чувствомъ достоинства и

---

*) Т.-е. гусь-самецъ.

негодованія Иванъ Ивановичъ. „Осмѣльтесь только! подступите! Я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ паномъ! Воронъ не найдетъ мѣста вашего!“ (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его бывала потрясена).

Вся группа представляла сильную картину: Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты въ полной красотѣ своей, безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую безсмысленную, исполненную страха мину! Иванъ Ивановичъ, съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались римскіе трибуны! Это была необыкновенная минута, спектакль великолѣпный! И между тѣмъ только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ.

Наконецъ, Иванъ Ивановичъ взялъ шапку свою.—„Очень хорошо поступаете вы, Иванъ Никифоровичъ! прекрасно! Я это припомню вамъ“.

— „Ступайте, Иванъ Ивановичъ, ступайте! да глядите, не попадайтесь мнѣ: а не то—я вамъ, Иванъ Ивановичъ, всю морду побью!“

— „Вотъ вамъ за это, Иванъ Никифоровичъ“, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, выставивъ ему кукишъ и хлопнувъ за собою дверью, которая съ визгомъ захрипѣла и отворилась снова.

Иванъ Никифоровичъ показался въ дверяхъ и что-то хотѣлъ присовокупить, но Иванъ Ивановичъ уже не оглядывался и летѣлъ со двора.

ГЛАВА III.

Что произошло послѣ ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ?

Итакъ, два почтенные мужа, честь и украшеніе Миргорода, поссорились между собою! и за что? за вздоръ, за гусака. Не захотѣли видѣть другъ друга, прервали всѣ связи, между тѣмъ, какъ прежде были извѣстны за самыхъ неразлучныхъ

друзей! Каждый день, бывало, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ посылаютъ другъ къ другу узнать о здоровьѣ, и часто переговариваются другъ съ другомъ съ своихъ балконовъ, и говорятъ другъ другу такія пріятныя рѣчи, что сердцу любо слушать было. По воскреснымъ днямъ, бывало, Иванъ Ивановичъ въ штаметовой бекешѣ, Иванъ Никифоровичъ въ нанковомъ желто-коричневомъ казакинѣ, отправляются почти объ руку другъ съ другомъ въ церковь. И если Иванъ Ивановичъ, который имѣлъ глаза чрезвычайно зоркіе, первый замѣчалъ лужу или какую-нибудь нечистоту посреди улицы, что бываетъ иногда въ Миргородѣ, то всегда говорилъ Ивану Никифоровичу: „Берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здѣсь нехорошо". Иванъ Никифоровичъ, съ своей стороны, показывалъ тоже самые трогательные знаки дружбы, и гдѣ бы ни стоялъ далеко, всегда протянетъ къ Ивану Ивановичу руку съ рожкомъ, промолвивши: „одолжайтесь!" А какое прекрасное хозяйство у обоихъ! . И эти два друга... Когда я услышалъ объ этомъ, то меня какъ громомъ поразило! Я долго не хотѣлъ вѣрить. Боже праведный! Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ! Такіе достойные люди! Что жъ теперь прочно на этомъ свѣтѣ?

Когда Иванъ Ивановичъ пришелъ къ себѣ домой, то долго былъ въ сильномъ волненіи. Онъ, бывало, прежде всего зайдетъ въ конюшню посмотрѣть, ѣстъ ли кобылка сѣно (у Ивана Ивановича кобылка саврасая, съ лысиной на лбу; хорошая очень лошадка); потомъ покормитъ индѣекъ и поросятъ изъ своихъ рукъ и тогда уже идетъ въ покои, гдѣ или дѣлаетъ деревянную посуду (онъ очень искусно, не хуже токаря, умѣетъ выдѣлывать разныя вещи изъ дерева), или читаетъ книжку, печатанную у Любія, Гарія и Попова (названія ея Иванъ Ивановичъ не помнитъ, потому что дѣвка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавнаго листка, забавляя дитя), или же отдыхаетъ подъ навѣсомъ. Теперь онъ не взялся ни за одно изъ всегдашнихъ своихъ занятій. Но вмѣсто того, встрѣтивши Гапку, началъ бранить, зачѣмъ она шатается безъ дѣла, между тѣмъ какъ она тащила крупу въ кухню; кинулъ палкой въ пѣтуха, который пришелъ къ крыльцу за обыкно-

венной подачей, и, когда подбѣжалъ къ нему запачканный мальчишка въ изодранной рубашонкѣ и закричалъ: „Тятя, тятя! дай пряника!“ то онъ ему такъ страшно пригрозилъ и затопалъ ногами, что испуганный мальчишка забѣжалъ Богъ знаетъ куда.

Наконецъ, однакожъ, онъ одумался и началъ заниматься всегдашними дѣлами. Поздно сталъ онъ обѣдать и уже ввечеру почти легъ отдыхать подъ навѣсомъ. Хорошій борщъ съ голубями, который сварила Гапка, выгналъ совершенно утреннее происшествіе. Иванъ Ивановичъ опять началъ съ удовольствіемъ разсматривать свое хозяйство. Наконецъ, остановилъ глаза на сосѣднемъ дворѣ и сказалъ самъ себѣ: „Сегодня я не былъ у Ивана Никифоровича; пойду-ка къ нему“. Сказавши это, Иванъ Ивановичъ взялъ палку и шапку, и отправился на улицу; но едва только вышелъ за ворота, какъ вспомнилъ ссору, плюнулъ и возвратился назадъ. Почти такое же движеніе случилось и на дворѣ Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ видѣлъ, какъ баба уже поставила ногу на плетень съ намѣреніемъ перелѣзть на его дворъ, какъ вдругъ послышался голосъ Ивана Никифоровича: „Назадъ, назадъ! не нужно!“ Однакожъ Ивану Ивановичу сдѣлалось очень скучно. Весьма могло быть, что сіи достойные люди на другой же бы день помирились, если бы особенное происшествіе въ домѣ Ивана Никифоровича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла въ готовый погаснуть огонь вражды.

Къ Ивану Никифоровичу ввечеру того же дня пріѣхала Агаѳія Ѳедосѣевна. Агаѳія Ѳедосѣевна не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ивану Никифоровичу. Казалось бы, совершенно ей не зачѣмъ было къ нему ѣздить, и онъ самъ былъ не слишкомъ ей радъ; однакожъ она ѣздила и проживала у него по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и болѣе. Тогда она отбирала ключи и весь домъ брала на свои руки. Это было очень непріятно Ивану Никифоровичу, однакожъ онъ, къ удивленію, слушалъ ее, какъ ребенокъ, и хотя иногда и пытался спорить, но всегда Агаѳія Ѳедосѣевна брала верхъ.

Я, признаюсь, не понимаю, для чего это такъ устроено, что женщины хватаютъ насъ за носъ такъ же ловко, какъ

будто за ручку чайника: или руки ихъ такъ созданы, или носы наши ни на что болѣе не годятся. И, несмотря на то, что носъ Ивана Никифоровича былъ нѣсколько похожъ на сливу, однакожъ она схватила его за этотъ носъ и водила за собою, какъ собачку. Агаѳія Ѳедосѣевна носила на головѣ чепецъ, три бородавки на носу и кофейный капотъ съ желтенькими цвѣтами. Весь станъ ея похожъ былъ на кадушку, и оттого отыскать ея талію было такъ же трудно, какъ увидѣть безъ зеркала свой носъ. Ножки ея были коротенькія, сформированныя на образецъ двухъ подушекъ. Она сплетничала и ѣла вареные бураки по утрамъ, и отлично хорошо ругалась; и при всѣхъ этихъ разнообразныхъ занятіяхъ, лицо ея ни на минуту не измѣняло своего выраженія, что обыкновенно могутъ показывать однѣ только женщины.

Какъ только она пріѣхала, все пошло навыворотъ:—„Ты, Иванъ Никифоровичъ, не мирись съ нимъ и не проси прощенія; онъ тебя погубить хочетъ; это таковскій человѣкъ! Ты его еще не знаешь“. Шушукала, шушукала проклятая баба и сдѣлала то, что Иванъ Никифоровичъ и слышать не хотѣлъ объ Иванѣ Ивановичѣ.

Все приняло другой видъ. Если сосѣдняя собака забѣгала когда на дворъ, то ее колотили чѣмъ ни попало; ребятишки, перелѣзавшіе черезъ заборъ, возвращались съ воплемъ, съ поднятыми вверхъ рубашенками и съ знаками розогъ на спинѣ. Даже самая баба, когда Иванъ Ивановичъ хотѣлъ было ее спросить о чемъ-то, сдѣлала такую непристойность, что Иванъ Ивановичъ, какъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, плюнулъ и промолвилъ только:—„Экая скверная баба! хуже своего пана“.

Наконецъ, къ довершенію всѣхъ оскорбленій, ненавистный сосѣдъ выстроилъ прямо противъ него, гдѣ обыкновенно былъ перелазъ черезъ плетень, гусиный хлѣвъ, какъ-будто съ особеннымъ намѣреніемъ усугубить оскорбленіе. Этотъ отвратительный для Ивана Ивановича хлѣвъ выстроенъ былъ съ дьявольскою скоростью—въ одинъ день.

Это возбудило въ Иванѣ Ивановичѣ злость и желаніе отомстить. Онъ не показалъ, однакожъ, никакого вида огорченія, несмотря на то, что хлѣвъ даже захватилъ часть его земли;

но сердце у него такъ билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствіе.

Такъ провелъ онъ день. Настала ночь... О, если бъ я былъ живописецъ, я бы чудно изобразилъ всю прелесть ночи! Я бы изобразилъ, какъ спитъ весь Миргородъ; какъ неподвижно глядятъ на него безчисленныя звѣзды; какъ видимая тишина оглашается близкимъ и далекимъ лаемъ собакъ; какъ мимо ихъ несется влюбленный понамарь и перелѣзаетъ чрезъ плетень съ рыцарскою безстрашностью; какъ бѣлыя стѣны домовъ, охваченныя луннымъ свѣтомъ, становятся бѣлѣе, осѣняющія ихъ деревья темнѣе, тѣнь отъ деревъ ложится чернѣе, цвѣты и умолкнувшая трава душистѣе, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно изо всѣхъ угловъ заводятъ свои трескучія пѣсни. Я бы изобразилъ, какъ въ одномъ изъ этихъ низенькихъ глиняныхъ домиковъ разметавшейся на одинокой постели чернобровой горожанкѣ снится гусарскій усъ и шпоры, а свѣтъ луны смѣется на ея щекахъ. Я бы изобразилъ, какъ по бѣлой дорогѣ мелкаетъ черная тѣнь летучей мыши, садящейся на бѣлыя трубы домовъ... Но врядъ ли бы я могъ изобразить Ивана Ивановича, вышедшаго въ эту ночь съ пилою въ рукѣ: столько на лицѣ у него было написано разныхъ чувствъ! Тихо-тихо подкрался онъ и подлѣзъ подъ гусиный хлѣвъ. Собаки Ивана Никифоровича еще ничего не знали о ссорѣ между ними, и потому позволили ему, какъ старому пріятелю, подойти къ хлѣву, который весь держался на четырехъ дубовыхъ столбахъ. Подлѣзши къ ближнему столбу, приставилъ онъ къ нему пилу и началъ пилить. Шумъ, производимый пилою, заставлялъ его поминутно оглядываться, но мысль объ обидѣ возвращала бодрость. Первый столбъ былъ подпиленъ; Иванъ Ивановичъ принялся за другой. Глаза его горѣли и ничего не видали отъ страха. Вдругъ Иванъ Ивановичъ крикнулъ и обомлѣлъ: ему показался мертвецъ; но скоро онъ пришелъ въ себя, увидѣвши, что это былъ гусь, просунувшій къ нему свою шею. Иванъ Ивановичъ плюнулъ отъ негодованія и началъ продолжать работу. И второй столбъ подпиленъ; зданіе пошатнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало такъ страшно биться, когда онъ принялся за третій,

что онъ нѣсколько разъ прекращалъ работу. Уже болѣе половины столба было подпилено, какъ вдругъ шаткое зданіе сильно покачнулось... Иванъ Ивановичъ едва успѣлъ отскочить, какъ оно рухнуло съ трескомъ. Схвативши пилу, въ страшномъ испугѣ прибѣжалъ онъ домой и бросился на кровать, не имѣя даже духу поглядѣть въ окно на слѣдствія своего страшнаго дѣла. Ему казалось, что весь дворъ Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иванъ Никифоровичъ, мальчикъ въ безконечномъ сюртукѣ, всѣ съ дрекольями, предводительствуемые Агаѳіей Ѳедосѣевной, шли разорять и ломать его домъ.

Весь слѣдующій день провелъ Иванъ Ивановичъ, какъ въ лихорадкѣ. Ему все чудилось, что ненавистный сосѣдъ въ отмщеніе за это, по крайней мѣрѣ, подожжетъ домъ его; и потому онъ далъ повелѣніе Гапкѣ поминутно осматривать вездѣ, не подложено ли гдѣ-нибудь сухой соломы. Наконецъ, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, онъ рѣшился забѣжать зайцемъ впередъ и подать на него прошеніе въ миргородскій повѣтовый судъ. Въ чемъ оно состояло, объ этомъ можно узнать изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА IV.

О томъ, что произошло въ присутствіи миргородскаго повѣтоваго суда.

Чудный городъ Миргородъ! Какихъ въ немъ нѣтъ строеній! И подъ соломенною, и подъ очеретяною, даже подъ деревянною крышею. Направо улица, налѣво улица, вездѣ прекрасный плетень; по немъ вьется хмель, на немъ висятъ горшки, изъ-за него подсолнечникъ выказываетъ свою солнцеобразную голову, краснѣетъ макъ, мелькаютъ толстыя тыквы... Роскошь! Плетень всегда убранъ предметами, которые дѣлаютъ его еще болѣе живописнымъ: или напяленною плахтою, или сорочкою, или шароварами. Въ Миргородѣ нѣтъ ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вѣшаетъ на плетень, что ему

вздумается. Если будете подходить къ площади, то, вѣрно, на время остановитесь полюбоваться видомъ: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вамъ удавалось когда видѣть! Она занимаетъ почти всю площадь. Прекрасная лужа! Домы и домики, которые издали можно принять за копны сѣна, обступивши вокругъ, дивятся красотѣ ея.

Но я тѣхъ мыслей, что нѣтъ лучше дома, какъ повѣтовый судъ *). Дубовый ли онъ, или березовый — мнѣ нѣтъ дѣла, но въ немъ, милостивые государи, восемь окошекъ! восемь окошекъ въ рядъ, прямо на площадь и на то водное пространство, о которомъ я уже говорилъ, и которое городничій называетъ озеромъ! Одинъ только онъ окрашенъ цвѣтомъ гранита; всѣ прочіе дома въ Миргородѣ просто выбѣлены. Крыша на немъ вся деревянная, и была бы даже выкрашена красною краскою, если бы приготовленное для того масло канцелярскіе, приправивши лукомъ, не съѣли, что было, какъ нарочно во время поста, и крыша осталась некрашеною. На площадь выступаетъ крыльцо, на которомъ часто бѣгаютъ куры оттого, что на крыльцѣ всегда почти разсыпаны крупы или что-нибудь съѣстное, что, впрочемъ, дѣлается не нарочно, но единственно отъ неосторожности просителей. Домъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной *присутствіе*, въ другой *арестантская*. Въ той половинѣ, гдѣ присутствіе, находятся двѣ комнаты чистыя, выбѣленныя: одна передняя, для просителей, въ другой столъ, украшенный чернильными пятнами; на столѣ зерцало; четыре стула дубовые, съ высокими спинками; возлѣ стѣнъ сундуки, кованные желѣзомъ, въ которыхъ сохранялись кипы повѣтовой ябеды. На одномъ изъ этихъ сундуковъ стоялъ тогда сапогъ, вычищенный ваксою.

Присутствіе началось еще съ утра. Судья, довольно полный человѣкъ, хотя нѣсколько тонѣе Ивана Никифоровича, съ доброю миною, въ замасленномъ халатѣ, съ трубкою и чашкою чая, разговаривалъ съ подсудкомъ. У судьи губы находились подъ самымъ носомъ, и оттого носъ его могъ нюхать верх-

---

*) Повѣтовый судъ—уѣздный судъ.

нюю губу, сколько душѣ угодно было. Эта губа служила ему вмѣсто табакерки, потому что табакъ, адресуемый въ носъ, почти всегда сѣялся на нее. Итакъ, судья разговаривалъ съ подсудкомъ. Босая дѣвка держала въ сторонѣ подносъ съ чашками. Въ концѣ стола секретарь читалъ рѣшеніе дѣла, но такимъ однообразнымъ и заунывнымъ тономъ, что самъ подсудимый заснулъ бы, слушая. Судья, безъ сомнѣнія, это бы сдѣлалъ прежде всѣхъ, если бы не вошелъ между тѣмъ въ занимательный разговоръ.

— „Я нарочно старался узнать“, говорилъ судья, прихлебывая чай уже изъ простывшей чашки: „какимъ образомъ это дѣлается, что они поютъ хорошо. У меня былъ славный дроздъ, года два тому назадъ. Что жъ? Вдругъ испортился совсѣмъ, началъ пѣть Богъ знаетъ что; чѣмъ далѣе, хуже, хуже; сталъ картавить, хрипѣть,—хоть выбрось! А вѣдь самый вздоръ! Это вотъ отчего дѣлается: подъ горлышкомъ дѣлается бобонъ, меньше горошинки. Этотъ бобончикъ нужно только проколоть иголкою. Меня научилъ этому Захаръ Прокофьевичъ, и именно, если хотите, я вамъ разскажу, какимъ это было образомъ: пріѣзжаю я къ нему...“

— „Прикажете, Демьянъ Демьяновичъ, читать другое?“ прервалъ секретарь, уже нѣсколько минутъ, какъ окончившій чтеніе.

— „А вы уже прочитали? Представьте, какъ скоро! Я и не услышалъ ничего! Да гдѣ жъ оно? Дайте его сюда, я подпишу. Что тамъ еще у васъ?“

— „Дѣло казака Бокитька о краденой коровѣ“.

— „Хорошо, читайте! Да, такъ пріѣзжаю я къ нему... Я могу даже разсказать вамъ подробно, какъ онъ угостилъ меня. Къ водкѣ былъ поданъ балыкъ, единственный! Да, не нашего балыка, которымъ“ (при этомъ судья сдѣлалъ языкомъ и улыбнулся, при чемъ носъ его понюхалъ свою всегдашнюю табакерку)... „которымъ угощаетъ наша бакалейная миргородская лавка. Селедки я не ѣлъ, потому что, какъ вы сами знаете, у меня отъ нея дѣлается изжога подъ ложечкою; но икры отвѣдалъ,—прекрасная икра! нечего сказать, отличная! Потомъ выпилъ я водки персиковой, настоянной на золототысячникѣ.

Была и шафранная; но шафранной, какъ вы сами знаете, я не употребляю. Оно, видите, очень хорошо: напередъ, какъ говорятъ, раззадорить аппетитъ, а потомъ уже завершить... А! слыхомъ слыхать, видомъ видать"... вскричалъ вдругъ судья, увидѣвъ входящаго Ивана Ивановича.

— „Богъ въ помощь! Желаю здравствовать!" произнесъ Иванъ Ивановичъ, поклонившись на всѣ стороны съ свойственною ему одному пріятностью. Боже мой, какъ онъ умѣлъ обворожить всѣхъ своимъ обращеніемъ! Тонкости такой я нигдѣ не видывалъ. Онъ зналъ очень хорошо самъ свое достоинство и потому на всеобщее почтеніе смотрѣлъ какъ на должное. Судья самъ подалъ стулъ Ивану Ивановичу, носъ его потянулъ съ верхней губы весь табакъ, что всегда было у него знакомъ большого удовольствія.

— „Чѣмъ прикажете потчевать васъ Иванъ Ивановичъ?" спросилъ онъ: „не прикажете ли чашку чаю?"

— „Нѣтъ, весьма благодарю", отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

— „Сдѣлайте милость, одну чашечку!" повторилъ судья.

— „Нѣтъ, благодарю. Весьма доволенъ гостепріимствомъ!" отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

— „Одну чашку!" повторилъ судья.

— „Нѣтъ, не безпокойтесь, Демьянъ Демьяновичъ!" При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— „Чашечку?"

— „Ужъ такъ и быть, развѣ чашечку!" произнесъ Иванъ Ивановичъ и протянулъ руку къ подносу.

Господи Боже! какая бездна тонкости бываетъ у человѣка! Нельзя разсказать, какое пріятное впечатлѣніе производятъ такіе поступки!

— „Не прикажете ли еще чашечку?"

— „Покорно благодарствую", отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, ставя на подносъ опрокинутую чашку и кланяясь.

— „Сдѣлайте одолженіе, Иванъ Ивановичъ!"

— „Не могу; весьма благодаренъ". При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— „Иванъ Ивановичъ! сдѣлайте дружбу, одну чашечку!"

— „Нѣтъ, весьма обязанъ за угощеніе“. Сказавши это, Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— „Только чашечку! Одну чашечку!“

Иванъ Ивановичъ протянулъ руку къ подносу и взялъ чашку.

Фу, ты пропасть! Какъ можетъ, какъ найдется человѣкъ поддержать свое достоинство!

— „Я, Демьянъ Демьяновичъ“, говорилъ Иванъ Ивановичъ, допивая послѣдній глотокъ: „я къ вамъ имѣю необходимое дѣло: я подаю позовъ“ *). При этомъ Иванъ Ивановичъ поставилъ чашку и вынулъ изъ кармана написанный гербовый листъ бумаги.—„Позовъ на врага моего, на заклятаго врага“.

— „На кого же это?“

— „На Ивана Никифоровича Довгочхуна“.

При этихъ словахъ судья чуть не упалъ со стула.—„Что вы говорите!“ произнесъ онъ, всплеснувъ руками: „Иванъ Ивановичъ! вы ли это?“

— „Видите сами, что я“.

— „Господь съ вами и всѣ святые! Какъ! Вы, Иванъ Ивановичъ, стали непріятелемъ Ивану Никифоровичу! Ваши ли это уста говорятъ? Повторите еще! Да не спрятался ли у васъ кто-нибудь сзади и говоритъ вмѣсто васъ?..“

— „Что жъ тутъ невѣроятнаго? Я не могу смотрѣть на него. онъ нанесъ мнѣ смертельную обиду, оскорбилъ честь мою“.

— „Пресвятая Троица! Какъ же мнѣ теперь увѣрить матушку? А она, старушка, каждый день, какъ только мы поссоримся съ сестрою, говоритъ: „Вы, дѣтки, живете между собою, какъ собаки. Хоть бы вы взяли примѣръ съ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: вотъ ужъ друзья, такъ друзья! то-то пріятели! то-то достойные люди!“ Вотъ тебѣ и пріятели! Разскажите, за что же это? какъ?

— „Это дѣло деликатное, Демьянъ Демьяновичъ! на словахъ его нельзя разсказать: прикажите лучше прочитать просьбу. Вотъ, возьмите съ этой стороны, здѣсь приличнѣе“.

---

*) Позовъ—жалоба, доносъ.

— „Прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ!“ сказалъ судья, оборотившись къ секретарю.

Тарасъ Тихоновичъ взялъ просьбу и, высморкавшись такимъ образомъ, какъ сморкаются всѣ секретари по повѣтовымъ судамъ, съ помощью двухъ пальцевъ, началъ читать:

„Отъ дворянина миргородскаго повѣта и помѣщика Ивана, Иванова сына, Перерепенка, прошеніе, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

„1) Извѣстный всему свѣту своими богопротивными, въ омерзѣніе приводящими и всякую мѣру превышающими законно-преступными поступками, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, 1810 года, іюля 7 дня, учинилъ мнѣ смертельную обиду, какъ персонально до чести моей относящуюся, такъ равномѣрно въ уничтоженіе и конфузію чина моего и фамиліи. Оный дворянинъ и самъ, притомъ, гнуснаго вида, характеръ имѣетъ бранчивый и преисполненъ разнаго рода богохуленіями и бранными словами...“

Тутъ чтецъ немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья съ благоговѣніемъ сложилъ руки и только говорилъ про себя: „Что за бойкое перо! Господи Боже! какъ пишетъ этотъ человѣкъ!“

Иванъ Ивановичъ просилъ читать далѣе, и Тарасъ Тихоновичъ продолжалъ:

„Оный дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, когда я пришелъ къ нему съ дружескими предложеніями, назвалъ меня публично обиднымъ и поноснымъ для чести моей именемъ, „гусакомъ“, тогда какъ извѣстно всему миргородскому повѣту, что симъ гнуснымъ животнымъ я никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намѣренъ. Доказательствомъ же дворянскаго моего происхожденія есть то, что въ метрической книгѣ, находящейся въ церкви Трехъ Святителей, записанъ какъ день моего рожденія, такъ равномѣрно и полученное мною крещеніе. „Гусакъ“ же, какъ извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь свѣдущъ въ наукахъ, не можетъ быть записанъ въ метрической книгѣ, ибо „гусакъ“ есть не человѣкъ, а птица, что уже всякому, даже не бывавшему въ семинаріи, достовѣрно извѣстно. Но оный злока-

чественный дворянинъ, будучи обо всемъ этомъ свѣдущъ, не для чего иного, какъ чтобы нанесть смертельную для моего чина и званія обиду, обругалъ меня онымъ гнуснымъ словомъ.

„2) Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянинъ посягнулъ, притомъ, на мою родовую, полученную мною послѣ родителя моего, состоявшаго въ духовномъ званіи, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка собственность, тѣмъ, что, въ противность всякимъ законамъ, перенесъ совершенно насупротивъ моего крыльца гусиный хлѣвъ, что дѣлалось не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобъ усугубить нанесенную мнѣ обиду, ибо оный хлѣвъ стоялъ до сего въ изрядномъ мѣстѣ и довольно еще былъ крѣпокъ. Но омерзительное намѣреніе вышеупомянутаго дворянина состояло единственно въ томъ, чтобы учинить меня свидѣтелемъ непристойныхъ пассажей: ибо извѣстно, что всякій человѣкъ не пойдетъ въ хлѣвъ, тѣмъ паче въ гусиный, для приличнаго дѣла. При такомъ противузаконномъ дѣйствіи, двѣ переднія сохи захватили собственную мою землю, доставшуюся мнѣ еще при жизни отъ родителя моего, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, начинавшуюся отъ амбара и прямою линіей до самаго того мѣста, гдѣ бабы моютъ горшки.

„3) Вышеизображенный дворянинъ, котораго уже самое имя и фамилія внушаетъ всякое омерзѣніе, питаетъ въ душѣ злостное намѣреніе поджечь меня въ собственномъ домѣ. Несомнѣнные чему признаки изъ нижеслѣдующаго явствуютъ: во-1-хъ, оный злокачественный дворянинъ началъ выходить часто изъ своихъ покоевъ, чего прежде никогда, по причинѣ своей лѣности и гнусной тучности тѣла, не предпринималъ; во-2-хъ, въ людской его, примыкающей о заборъ, самый ограждающій мою собственную, полученную мною отъ покойнаго родителя моего, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, землю, ежедневно и въ необычайной продожительности горитъ свѣтъ, что уже явное есть къ тому доказательство; ибо до сего, по скаредной его скупости, всегда не только сальная свѣча, но даже каганецъ былъ потушаемъ.

„И потому прошу онаго дворянина Ивана, Никифорова

сына, Довгочхуна, яко повиннаго въ зажигательствѣ, въ оскорбленіи моего чина, имени и фамиліи и въ хищническомъ присвоеніи собственности, а паче всего въ подломъ и предосудительномъ присовокупленіи къ фамиліи моей названія „гусака", ко взысканію штрафа, удовлетворенія проторей и убытковъ присудить, и самого, яко нарушителя, въ кандалы забить и, заковавши, въ городскую тюрьму препроводить, и по сему моему прошенію рѣшеніе немедленно и неукоснительно учинить. Писалъ и сочинялъ дворянинъ, миргородскій помѣщикъ, Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко".

По прочтеніи просьбы, судья приблизился къ Ивану Ивановичу, взялъ его за пуговицу и началъ говорить ему почти такимъ образомъ: „Что это вы дѣлаете, Иванъ Ивановичъ? Бога бойтесь! Бросьте просьбу, пусть она пропадаетъ! (Сатана приснись ей!) Возьмитесь лучше съ Иваномъ Никифоровичемъ за руки, да поцѣлуйтесь; да купите сантуринскаго, или никопольскаго, или хоть просто сдѣлайте пуншику, да позовите меня! Разопьемъ вмѣстѣ и позабудемъ все!"

— „Нѣтъ, Демьянъ Демьяновичъ! Не такое дѣло", сказалъ Иванъ Ивановичъ съ важностію, которая такъ всегда шла къ нему: „не такое дѣло, чтобы можно было рѣшить полюбовною сдѣлкою. Прощайте! Прощайте и вы, господа!" продолжалъ онъ съ тою же важностію, оборотившись ко всѣмъ: „надѣюсь, что моя просьба возымѣетъ надлежащее дѣйствіе". И ушелъ, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Судья сидѣлъ, не говоря ни слова; секретарь нюхалъ табакъ; канцелярскіе опрокинули разбитый черепокъ бутылки, употребляемый вмѣсто чернильницы, и самъ судья, въ разсѣянности, разводилъ пальцемъ по столу чернильную лужу.

— „Что вы скажете на это, Дороѳей Трофимовичъ?" сказалъ судья, послѣ нѣкотораго молчанія, обратившись къ подсудку.

— „Ничего не скажу", отвѣчалъ подсудокъ.

— „Экія дѣла дѣлаются!" продолжалъ судья. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ дверь затрещала и передняя половина Ивана Никифоровича высадилась въ присутствіе, остальная оставалась еще въ передней. Появленіе Ивана Никифоровича, и еще въ судъ, такъ показалось необыкновеннымъ, что

судья вскрикнулъ, секретарь прервалъ свое чтеніе, одинъ канцеляристъ, въ фризовомъ подобіи полуфрака, взялъ въ губы перо, другой проглотилъ муху. Даже отправлявшій должность фельдъегеря и сторожа инвалидъ, который до того стоялъ у дверей, почесывая въ своей грязной рубашкѣ, съ нашивкою на плечѣ, даже этотъ инвалидъ разинулъ ротъ и наступилъ кому-то на ногу.

— „Какими судьбами? Что и какъ? Какъ здоровье ваше, Иванъ Никифоровичъ?“

Но Иванъ Никифоровичъ былъ ни живъ, ни мертвъ, потому что завязнулъ въ дверяхъ и не могъ сдѣлать ни шагу впередъ или назадъ. Напрасно судья кричалъ въ переднюю, чтобы кто-нибудь изъ находившихся тамъ выперъ сзади Ивана Никифоровича въ присутственную залу. Въ передней находилась одна только старуха-просительница, которая, несмотря на всѣ усилія своихъ костлявыхъ рукъ, ничего не могла сдѣлать. Тогда одинъ изъ канцелярскихъ, съ толстыми губами, съ широкими плечами, съ толстымъ носомъ, глазами, глядѣвшими искоса и пьяно, съ разодранными локтями, приблизился къ передней половинѣ Ивана Никифоровича, сложилъ ему обѣ руки на-крестъ, какъ ребенку, и мигнулъ старому инвалиду, который уперся своимъ колѣномъ въ брюхо Ивана Никифоровича, и, несмотря на жалобные стоны, онъ былъ вытиснутъ въ переднюю. Тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей, при чемъ канцелярскій и его помощникъ, инвалидъ, отъ дружныхъ усилій, дыханіемъ устъ своихъ распространили такой сильный запахъ, что комната присутствія превратилась было на время въ питейный домъ.

— „Не зашибли ли васъ, Иванъ Никифоровичъ? Я скажу матушкѣ, она пришлетъ вамъ настойки, которою потрите только поясницу и спину, и все пройдетъ“.

Но Иванъ Никифоровичъ повалился на стулъ и, кромѣ продолжительныхъ *оховъ*, ничего не могъ сказать. Наконецъ, слабымъ, едва слышнымъ отъ усталости, голосомъ произнесъ онъ: „Не угодно ли?“ и, вынувши изъ кармана рожокъ, прибавилъ: „Возьмите, одолжайтесь!“

— „Весьма радъ, что васъ вижу“, отвѣчалъ судья: „но все не могу представить себѣ, что заставило васъ предпринять трудъ и одолжить насъ такою пріятною нечаянностію“.

— „Съ просьбою...“ могъ только произнесть Иванъ Никифоровичъ.

— „Съ просьбою? съ какою?“

— „Съ позвомъ...“ (тутъ одышка произвела долгую паузу) „охъ!... съ позвомъ на мошенника... Ивана Ивановича Перерепенка“.

— „Господи! И вы туда же! Такіе рѣдкіе друзья! Позовъ на такого добродѣтельнаго человѣка!...“

— „Онъ—самъ сатана!“ произнесъ отрывисто Иванъ Никифоровичъ.

Судья перекрестился.

— „Возьмите просьбу, прочитайте“.

— „Нечего дѣлать, прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ“, сказалъ судья, обращаясь къ секретарю, съ видомъ неудовольстія, при чемъ носъ его невольно понюхалъ верхнюю губу, что обыкновенно онъ дѣлалъ прежде только отъ большого удовольствія. Такое самоуправство носа причинило судьѣ еще болѣе досады: онъ вынулъ платокъ и смелъ съ верхней губы весь табакъ, чтобы наказать дерзость его.

Секретарь, сдѣлавши обыкновенный свой приступъ, который онъ всегда употреблялъ передъ начатіемъ чтенія, т.-е. безъ помощи носового платка, началъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ такимъ образомъ:

„Проситъ дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

„1) По ненавистной злобѣ свой и явному недоброжелательству, называющій себя дворяниномъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, всякія пакости, убытки и иные ехидненскіе и въ ужасъ приводящіе поступки мнѣ чинитъ, и вчерашняго дня пополудни, какъ разбойникъ и тать, съ топорами, пилами, долотами и иными слесарными орудіями, забрался ночью въ мой дворъ и въ находящійся въономъ мой же собственный хлѣвъ, собственноручно и поноснымъ образомъ его изрубилъ, на что съ моей стороны я не подавалъ ника-

кой причины къ столь противозаконному и разбойническому поступку.

„2) Оный же дворянинъ Перерепенко имѣетъ посягательство на самую жизнь мою, и до 7-го числа прошлаго мѣсяца, содержа въ тайнѣ сіе намѣреніе, пришелъ ко мнѣ и началъ дружескимъ и хитрымъ образомъ выпрашивать у меня ружье, находившееся въ моей комнатѣ, и предлагалъ мнѣ за него, съ свойственною ему скупостью, многія негодныя вещи, какъ-то: свинью бурую и двѣ мѣрки овса. Но, предугадывя тогда же преступное его намѣреніе, я всячески старался отъ онаго уклонить его; но оный мошенникъ и подлецъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко выбранилъ меня мужицкимъ образомъ и питаетъ ко мнѣ съ того времени вражду непримиримую. Притомъ же оный, часто поминаемый, неистовый дворянинъ и разбойникъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, и происхожденія весьма поноснаго: его сестра была извѣстная всему свѣту потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею, назадъ тому пять лѣтъ, въ Миргородѣ, а мужа своего записала въ крестьяне; отецъ и мать его тоже были пребеззаконные люди, и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый же дворянинъ и разбойникъ Перерепенко своими скотоподобными и порицанія достойными поступками превзошелъ всю свою родню и, подъ видомъ благочестія, дѣлаетъ самыя соблазнительныя дѣла: постовъ не содержитъ, ибо наканунѣ Филипповки сей богоотступникъ купилъ барана и на другой день велѣлъ зарѣзать своей беззаконной дѣвкѣ Гапкѣ, отговариваясь, аки бы ему нужно было подъ тотъ часъ сало на каганцы и свѣчи.

„Посему прошу онаго дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличеннаго уже въ воровствѣ и грабительствѣ, въ кандалы заковать и въ тюрьму или государственный острогъ препроводить и тамъ уже, по усмотрѣнію, лиша чиновъ и дворянства, добре барбарами шмаровать и въ Сибирь на каторгу по надобности заточить, проторы, убытки велѣть ему заплатить и по сему моему прошенію рѣшеніе учинить.

„Къ сему прошенію руку приложилъ дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ“.

Какъ только секретарь кончилъ чтеніе, Иванъ Никифоровичъ взялся за шапку и поклонился, съ намѣреніемъ уйти.

— „Куда же вы, Иванъ Никифоровичъ?“ говорилъ ему вслѣдъ судья.—„Посидите немного! Выпейте чаю! Орышко! что ты стоишь, глупая дѣвка. Ступай, принеси чаю!“

Но Иванъ Никифоровичъ, съ испугу, что такъ далеко зашелъ отъ дому и выдержалъ такой опасный карантинъ, успѣлъ уже пролѣзть въ дверь, проговоривъ: „Не безпокойтесь, я съ удовольствіемъ...“ и затворилъ ее за собою, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Дѣлать было нечего. Обѣ просьбы были приняты, и дѣло готовилось принять довольно важный интересъ, какъ одно непредвидѣнное обстоятельство сообщило ему еще большую занимательность. Когда судья вышелъ изъ присутствія, въ сопровожденіи подсудка и секретаря, а канцелярскіе укладывали въ мѣшокъ нанесенныхъ просителями куръ, яицъ, краюхъ хлѣба, пироговъ, книшей и прочаго дрязгу, въ это время бурая свинья вбѣжала въ комнату и схватила, къ удивленію присутствовавшихъ, не пирогъ или хлѣбную корку, но прошеніе Ивана Никифоровича, которое лежало на концѣ стола, перевѣсившись листами внизъ. Схвативши бумагу, бурая хавронья убѣжала такъ скоро, что ни одинъ изъ приказныхъ чиновниковъ не могъ догнать ее, несмотря на кидаемыя линейки и чернильницы.

Это чрезвычайное происшествіе произвело страшную суматоху, потому что даже копія не была еще списана съ прошенія. Судья, т.-е. его секретарь, и подсудокъ, долго трактовали объ такомъ неслыханномъ обстоятельствѣ; наконецъ, рѣшено было на томъ, чтобы написать объ этомъ отношеніе къ городничему, такъ какъ слѣдствіе по этому дѣлу болѣе относилось къ градской полиціи. Отношеніе, за № 389, послано было къ нему того же дня, и по этому самому произошло довольно любопытное объясненіе, о которомъ читатели могутъ узнать изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА V,

въ которой излагается совѣщаніе двухъ почетныхъ въ Миргородѣ особъ.

Какъ только Иванъ Ивановичъ управился въ своемъ хозяйствѣ и вышелъ, по обыкновенію, полежать подъ навѣсомъ, то, къ несказанному удивленію своему, увидѣлъ что-то краснѣвшееся въ калиткѣ. Это былъ красный обшлагъ городничаго, который, равномѣрно какъ и воротникъ его, получилъ политуру и по краямъ превращался въ лакированную кожу. Иванъ Ивановичъ подумалъ про себя: „Не дурно, что пришелъ Петръ Өедоровичъ поговорить“, но очень удивился, увидя, что городничій шелъ чрезвычайно скоро и размахивалъ руками, что случалось съ нимъ, по обыкновенію, весьма рѣдко. На мундирѣ у городничаго посажено было восемь пуговицъ; девятая, какъ оторвалась во время процессіи при освященіи храма, назадъ тому два года, такъ до сихъ поръ десятскіе не могутъ отыскать, хотя городничій при ежедневныхъ рапортахъ, которые отдаютъ ему квартальные надзиратели, всегда спрашиваетъ, нашлась ли пуговица. Эти восемь пуговицъ были насажены у него такимъ образомъ, какъ бабы садятъ бобы: одна направо, другая налѣво. Лѣвая нога была у него прострѣлена въ послѣдней кампаніи, и потому онъ, прихрамывая, закидывалъ ею такъ далеко въ сторону, что разрушалъ этимъ почти весь трудъ правой ноги. Чѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ городничій своею пѣхотою, тѣмъ менѣе она подвигалась впередъ, и потому, покамѣстъ дошелъ городничій къ навѣсу, Иванъ Ивановичъ имѣлъ довольно времени теряться въ догадкахъ, отчего городничій такъ скоро размахивалъ руками. Тѣмъ болѣе это его занимало, что дѣло казалось необыкновенной важности, ибо при городничемъ была даже новая шпага.

— „Здравствуйте, Петръ Өедоровичъ!“ вскричалъ Иванъ Ивановичъ, который, какъ уже сказано, былъ очень любопытенъ и никакъ не могъ удержать своего нетерпѣнія при видѣ, какъ городничій бралъ приступомъ крыльцо, но все еще не

поднималъ глазъ своихъ вверхъ и ссорился съ своею пѣхотою, которая никакимъ образомъ не могла съ одного размаху взойти на ступеньку.

— „Добраго дня желаю любезному другу и благодѣтелю Ивану Ивановичу!“ отвѣчалъ городничій.

— „Милости прошу садиться. Вы, какъ я вижу, устали, потому что ваша раненая нога мѣшаетъ...“

— „Моя нога!“ вскрикнулъ городничій. При этомъ онъ вытянулъ свою ногу и топнулъ ею объ полъ. Эта храбрость, однакожъ, ему дорого стоила, потому что весь корпусъ его покачнулся, и носъ клюнулъ перила; но мудрый блюститель порядка, чтобъ не подать никакого вида, тотчасъ оправился и полѣзъ въ карманъ, какъ-будто бы съ тѣмъ, чтобы достать табакерку.—„Я вамъ доложу о себѣ, любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что я дѣлывалъ на вѣку своемъ не такіе походы. Да, серьезно, дѣлывалъ. Напримѣръ, во время кампаніи 1807 года...

— „Гдѣ жъ вы бывали сегодня?“ спросилъ Иванъ Ивановичъ, желая прервать городничаго и скорѣе навести его на причину посѣщенія; ему бы очень хотѣлось спросить, что такое намѣренъ объявить городничій; но тонкое познаніе свѣта представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ скрѣпиться и ожидать разгадки, между тѣмъ какъ сердце его билось съ необыкновенною силою.

— „А позвольте, я вамъ разскажу, гдѣ былъ я“, отвѣчалъ городничій.—„Во-первыхъ, доложу вамъ, что сегодня отличное время...“

При послѣднихъ словахъ Иванъ Ивановичъ почти-что не умеръ.

— „Но позвольте“, продолжалъ городничій: „я пришелъ сегодня къ вамъ по одному важному дѣлу“.—Тутъ лицо городничаго и осанка приняли то же самое озабоченное положеніе, съ которымъ бралъ онъ приступомъ крыльцо. Иванъ Ивановичъ ожилъ и трепеталъ, какъ въ лихорадкѣ, не замедливши, по обыкновенію своему, сдѣлать вопросъ: — „Какое же оно важное? развѣ оно важное?“

— „Вотъ извольте видѣть: прежде всего осмѣлюсь доложить вамъ, любезный другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что вы... съ моей стороны я, извольте видѣть, я ничего, но виды правительства, виды правительства этого требуютъ: вы нарушили порядокъ благочинія!“

— „Что это вы говорите, Петръ Ѳедоровичъ? Я ничего не понимаю“.

— „Помилуйте, Иванъ Ивановичъ! какъ вы ничего не понимаете? Ваша собственная животина утащила очень важную казенную бумагу, и вы еще говорите послѣ этого, что ничего не понимаете!“

— „Какая животина?“

— „Съ позволенія сказать, ваша собственная бурая свинья“.

— „А я чѣмъ виноватъ? Зачѣмъ судейскій сторожъ отворяетъ двери?“

— „Но, Иванъ Ивановичъ, ваше собственное животное: стало-быть, вы виноваты“.

— „Покорно благодарю васъ за то, что съ свиньею меня равняете“.

— „Вотъ ужъ этого я не говорилъ, Иванъ Ивановичъ! Ей Богу, не говорилъ! Извольте разсудить по чистой совѣсти сами. Вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что, согласно съ видами начальства, запрещено въ городѣ, тѣмъ же паче въ главныхъ градскихъ улицахъ, прогуливаться нечистымъ животнымъ. Согласитесь сами, что это дѣло запрещенное“.

— „Богъ знаетъ, что это вы говорите. Большая важность, что свинья вышла на улицу!“

— „Позвольте вамъ доложить, позвольте, позвольте, Иванъ Ивановичъ, это совершенно невозможно. Что жъ дѣлать? Начальство хочетъ,—мы должны повиноваться. Не спорю, забѣгаютъ иногда на улицу и даже на площадь куры и гуси, замѣтьте себѣ: куры и гуси; но свиней и козловъ я еще въ прошломъ году далъ предписаніе не впускать на публичныя площади, которое предписаніе тогда же приказалъ прочитать изустно въ собраніи, предъ цѣлымъ народомъ“.

— „Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, я здѣсь ничего не вижу, какъ только то, что вы всячески стараетесь обижать меня“.

— „Вотъ этого-то не можете сказать, любезнѣйшій другъ и благодѣтель, чтобы я старался обижать. Вспомните сами: я не сказалъ вамъ ни одного слова прошлый годъ, когда вы выстроили крышу цѣлымъ аршиномъ выше установленной мѣры. Напротивъ, я показалъ видъ, какъ-будто совершенно этого не замѣтилъ. Вѣрьте, любезнѣйшій другъ, что и теперь я бы совершенно, такъ сказать... но мой долгъ, словомъ, обязанность, требуетъ смотрѣть за чистотою. Посудите сами, когда вдругъ на главной улицѣ"...

— „Ужъ хороши ваши главныя улицы! Туда всякая баба идетъ выбросить то, что ей не нужно".

— „Позвольте вамъ доложить, Иванъ Ивановичъ, что вы сами обижаете меня! Правда, это случается иногда, но по большей части только подъ заборомъ, сараями или коморами; но чтобъ на главной улицѣ, на площадь втесалась супоросная свинья, это такое дѣло"...

— „Что жъ такое, Петръ Ѳедоровичъ! Вѣдь свинья—твореніе Божіе!"

— „Согласенъ. Это всему свѣту извѣстно, что вы человѣкъ ученый, знаете науки и прочіе разные предметы. Конечно, я наукамъ не обучался никакимъ; скорописному письму я началъ учиться на тридцатомъ году своей жизни. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, изъ рядовыхъ".

— „Гм!" сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— „Да", продолжалъ городничій: „въ 1801 году я находился въ 42 егерскомъ полку въ 4 ротѣ поручикомъ. Ротный командиръ у насъ былъ, если изволите знать, капитанъ Еремѣевъ". При этомъ городничій запустилъ свои пальцы въ табакерку, которую Иванъ Ивановичъ держалъ открытою и переминалъ табакъ.

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ:—„Гм!".

— „Но мой долгъ", продолжалъ городничій: „есть повиноваться требованіямъ правительства. Знаете ли вы, Иванъ Ивановичъ, что похитившій въ судѣ казенную бумагу подвергается, наравнѣ со всякимъ другимъ преступленіемъ, уголовному суду?"

— „Такъ знаю, что, если хотите, и васъ научу. Такъ гово-

рится о людяхъ: напримѣръ, если бы вы украли бумагу; но свинья — животное, твореніе Божіе“.

— „Все такъ, но законъ говоритъ: Виновный въ похищеніи...“ Прошу васъ прислушаться внимательнѣе: *виновный!* Здѣсь не означается ни рода, ни пола, ни званія; стало-быть, и животное можетъ быть виновно. Воля ваша, а животное, прежде произнесенія приговора къ наказанію, должно быть представлено въ полицію, какъ нарушитель порядка“.

— „Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ“, возразилъ хладнокровно Иванъ Ивановичъ: „этого-то не будетъ!“

— „Какъ вы хотите, только я долженъ слѣдовать предписаніямъ начальства“.

— „Что жъ вы стращаете меня? Вѣрно, хотите прислать за нею безрукаго солдата? Я прикажу дворовой бабѣ его кочергой выпроводить; ему послѣднюю руку переломятъ“.

— „Я не смѣю съ вами спорить. Въ такомъ случаѣ, если вы не хотите представить ее въ полицію, то пользуйтесь ею, какъ вамъ угодно; заколите, когда желаете, ее къ Рождеству и надѣлайте изъ нея окороковъ, или такъ съѣшьте. Только я бы у васъ попросилъ, если будете дѣлать колбасы, пришлите мнѣ парочку тѣхъ, которыя у васъ такъ искусно дѣлаетъ Гапка изъ свиной крови и сала. Моя Аграфена Трофимовна очень ихъ любитъ“.

— „Колбасъ, извольте, пришлю парочку“.

— „Очень вамъ буду благодаренъ, любезный другъ и благодѣтель. Теперь позвольте вамъ сказать еще одно слово. Я имѣю порученіе какъ отъ судьи, такъ равно и отъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, такъ сказать, примирить васъ съ пріятелемъ вашимъ, Иваномъ Никифоровичемъ“.

— „Какъ! съ невѣжею! Чтобы я примирился съ этимъ грубіяномъ! Никогда! Не будетъ этого, не будетъ!“ Иванъ Ивановичъ былъ въ чрезвычайно рѣшительномъ состояніи.

— „Какъ вы себѣ хотите“, отвѣчалъ городничій, угощая обѣ ноздри табакомъ. — „Я вамъ не смѣю совѣтовать; однакожъ позвольте доложить: вотъ вы теперь въ ссорѣ, а какъ помиритесь...“

Но Иванъ Ивановичъ началъ говорить о ловлѣ перепеловъ, что обыкновенно случалось, когда онъ хотѣлъ замять рѣчь.

Итакъ, городничій, не получивъ никакого успѣха, долженъ былъ отправиться во-свояси.

ГЛАВА VI,

изъ которой читатель легко можетъ узнать все то, что въ ней содержится.

Сколько ни старались въ судѣ скрыть дѣло, но на другой же день весь Миргородъ узналъ, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Самъ городничій первый, позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали объ этомъ, онъ ничего не сказалъ; спросилъ только: „Не бурая ли?"

Но Агаѳія Ѳедосѣевна, которая была при этомъ, начала опять приступать къ Ивану Никифоровичу:—„Что ты, Иванъ Никифоровичъ? Надъ тобой будутъ смѣяться, какъ надъ дуракомъ, если ты попустишь! Какой ты послѣ этого будешь дворянинъ? Ты будешь хуже бабы, что продаетъ сластёны, которыя ты такъ любишь". И уговорила неугомонная! Нашла гдѣ-то человѣчка среднихъ лѣтъ, черномазаго, съ пятнами по всему лицу, въ темносинемъ съ заплатами на локтяхъ сюртукѣ, совершенную приказную чернильницу! Сапоги онъ смазывалъ дегтемъ, носилъ по три пера за ухомъ и привязанный къ пуговицѣ на шнурочкѣ стеклянный пузырекъ, вмѣсто чернильницы; съѣдалъ за однимъ разомъ девять пироговъ, а десятый клалъ въ карманъ, и въ одинъ гербовый листъ столько уписывалъ всякой ябеды, что никакой чтецъ не могъ за однимъ разомъ прочесть, не перемежая этого кашлемъ и чиханьемъ. Это небольшое подобіе человѣка копалось, корпѣло, писало и, наконецъ, состряпало такую бумагу:

„Въ миргородскій повѣтовый судъ отъ дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна".

„Вслѣдствіе онаго прошенія моего, что отъ меня, дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна, къ тому имѣло быть совокупно съ дворяниномъ Иваномъ, Ивановымъ сыномъ, Перерепенкомъ, чему и самъ повѣтовый миргородскій судъ потворство свое изъявилъ. И самое оное нахальное самоуправство бурой свиньи, будучи въ тайнѣ содержимо и уже отъ стороннихъ людей до слуха дошедшись. Понеже оное допущеніе и потворство, яко злоумышленное, суду неукоснительно подлежитъ; ибо оная свинья есть животное глупое, и тѣмъ паче способное къ хищенію бумаги. Изъ чего очевидно явствуетъ, что часто поминаемая свинья не иначе, какъ была допущена къ тому самимъ противникомъ, называющимъ себя дворяниномъ Иваномъ, Ивановымъ сыномъ, Перерепенкомъ, уже уличеннымъ въ разбоѣ, посягательствѣ на жизнь и святотатствѣ. Но оный миргородскій судъ, съ свойственнымъ ему лицепріятіемъ, тайное своей особы соглашеніе изъявилъ; безъ каковаго соглашенія оная свинья никоимъ бы образомъ не могла быть допущенною къ утащенію бумаги, ибо миргородскій повѣтовый судъ въ прислугѣ весьма снабженъ: для сего довольно уже назвать одного солдата, во всякое время въ пріемной пребывающаго, который, хотя имѣетъ одинъ кривой глазъ и нѣсколько поврежденную руку, но, чтобы выгнать свинью и ударить ее дубиною, имѣетъ весьма соразмѣрныя способности. Изъ чего достовѣрно видно потворство онаго миргородскаго суда и безспорно раздѣленіе жидовскаго отъ того барыша по взаимности совмѣщаясь. Оный же вышеупомянутый разбойникъ и дворянинъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко въ приточеніи ошельмовавшись состоялся. Почему и довожу оному повѣтовому суду я, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, въ надлежащее всевѣдѣніе, если съ оной бурой свиньи или согласившагося съ нею дворянина Перерепенка означенная просьба взыщена не будетъ и по ней рѣшеніе по справедливости и въ мою пользу не возымѣетъ: то я, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, о таковомъ онаго суда противозаконномъ потворствѣ подать жалобу въ палату имѣю, съ надлежащимъ по формѣ перенесеніемъ дѣла.

„Дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ“.

Эта просьба произвела свое дѣйствіе. Судья былъ человѣкъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ добрые люди, трусливаго десятка. Онъ обратился къ секретарю. Но секретарь пустилъ сквозь губы густой „гм“ и показалъ на лицѣ своемъ ту равнодушную и дьявольски-двусмысленную мину, которую принимаетъ одинъ только сатана, когда видитъ у ногъ своихъ прибѣгающую къ нему жертву. Одно средство оставалось: примирить двухъ пріятелей. Но какъ приступить къ этому, когда всѣ покушенія были до того неуспѣшны? Однакожъ еще рѣшились попытаться; но Иванъ Ивановичъ напрямикъ объявилъ, что не хочетъ, и даже весьма разсердился. Иванъ Никифоровичъ, вмѣсто отвѣта, оборотился спиною назадъ и хоть бы слово сказалъ. Тогда процессъ пошелъ съ необыкновенною быстротою, которою обыкновенно такъ славятся судилища. Бумагу помѣтили, записали, выставили нумеръ, вшили, расписались, все въ одинъ и тотъ же день, и положили дѣло въ шкапъ, гдѣ оно лежало, лежало годъ, другой, третій. Множество невѣстъ успѣло выйти замужъ; въ Миргородѣ пробили новую улицу; у судьи выпалъ одинъ коренной зубъ и два боковыхъ; у Ивана Ивановича бѣгало по двору больше ребятишекъ, нежели прежде; Иванъ Никифоровичъ, въ упрекъ Ивану Ивановичу, выстроилъ новый гусиный хлѣвъ, хотя немного подальше прежняго, и совершенно застроился отъ Ивана Ивановича, такъ что сіи достойные люди никогда почти не видали въ лицо другъ друга;—и дѣло все лежало, въ самомъ лучшемъ порядкѣ, въ шкапу, который сдѣлался мраморнымъ отъ чернильныхъ пятенъ.

Между тѣмъ произошелъ чрезвычайно важный случай для всего Миргорода. Городничій давалъ ассамблею! Гдѣ возьму я кистей и красокъ, чтобъ изобразить разнообразіе съѣзда и великолѣпное пиршество? Возьмите часы, откройте ихъ и посмотрите, что тамъ дѣлается! Не правда ли, чепуха страшная? Представьте же теперь себѣ, что почти столько же, если не больше, колесъ стояло среди двора городничаго. Какихъ бричекъ и повозокъ тамъ не было! Одна—задъ широкій, а передъ

узенькій; другая—задъ узенькій, а передъ широкій. Одна была и бричка, и повозка вмѣстѣ; другая ни бричка, ни повозка; иная была похожа на огромную копну сѣна или на толстую купчиху; другая—на растрепаннаго жида или на скелетъ, еще не совсѣмъ освободившійся отъ кожи; иная была въ профилѣ совершенная трубка съ чубукомъ, другая была ни на что не похожа, представляя какое-то странное существо, совершенно безобразное и чрезвычайно фантастическое. Изъ среды этого хаоса колесъ и козелъ возвышалось подобіе кареты съ комнатнымъ окномъ, перекрещеннымъ толстымъ переплетомъ. Кучера, въ сѣрыхъ чекменяхъ, свиткахъ и сѣрякахъ, въ бараньихъ шапкахъ и разнокалиберныхъ фуражкахъ, съ трубками въ рукахъ, проводили по двору распряженныхъ лошадей. Что за ассамблею далъ городничій! Позвольте, я перечту всѣхъ, которые были тамъ: Тарасъ Тарасовичъ, Евилъ Акинѳовичъ, Евтихій Евтихіевичъ, Иванъ Ивановичъ—не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, Савва Гавриловичъ, нашъ Иванъ Ивановичъ, Елевферій Елевферьевичъ, Макаръ Назарьевичъ, Ѳома Григорьевичъ... Не могу далѣе! не въ силахъ! Рука устаетъ писать! А сколько было дамъ! смуглыхъ и бѣлолицыхъ, и длинныхъ, и коротенькихъ, толстыхъ, какъ Иванъ Никифоровичъ, и такихъ тонкихъ, что, казалось, каждую можно было упрятать въ шпажныя ножны городничаго. Сколько чепцовъ! сколько платьевъ! красныхъ, желтыхъ, кофейныхъ, зеленыхъ, синихъ, новыхъ, перелицованныхъ, перекроенныхъ,—платковъ, лентъ, ридикюлей! Прощайте, бѣдные глаза! вы никуда не будете годиться послѣ этого спектакля. А какой длинный столъ былъ вытянутъ! А какъ разговорилось все, какой шумъ подняли! Куда противъ этого мельница со всѣми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами! Не могу вамъ сказать навѣрно, о чемъ они говорили, но должно думать, что о многихъ пріятныхъ и полезныхъ вещахъ, какъ-то: о погодѣ, о собакахъ, о пшеницѣ, о чепчикахъ, о жеребцахъ. Наконецъ, Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, у котораго одинъ глазъ кривъ, сказалъ: „Мнѣ очень странно, что правый глазъ мой („кривой Иванъ Ивановичъ всегда говорилъ

о себѣ иронически") не видитъ Ивана Никифоровича г-на Довгочхуна".

— „Не хотѣлъ придти!" сказалъ городничій.

— „Какъ такъ?"

— „Вотъ уже, слава Богу, есть два года, какъ поссорились они между собою, т.-е. Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, и гдѣ одинъ, туда другой ни за что не пойдетъ!"

— „Что вы говорите!" При этомъ кривой Иванъ Ивановичъ поднялъ глаза вверхъ и сложилъ руки вмѣстѣ. „Что жъ теперь, если уже люди съ добрыми глазами не живутъ въ мирѣ, гдѣ же жить мнѣ въ ладу съ кривымъ моимъ окомъ!" На эти слова всѣ засмѣялись во весь ротъ. Всѣ очень любили кривого Ивана Ивановича за то, что онъ отпускалъ шутки совершенно во вкусѣ нынѣшнемъ. Самъ высокій, худощавый человѣкъ, въ байковомъ сюртукѣ, съ пластыремъ на носу, который до того сидѣлъ въ углу и ни разу не перемѣнилъ движенія на своемъ лицѣ, даже когда залетѣла къ нему въ носъ муха,—этотъ самый господинъ всталъ со своего мѣста и подвинулся ближе къ толпѣ, обступившей кривого Ивана Ивановича.—„Послушайте!" сказалъ кривой Иванъ Ивановичъ, когда увидѣлъ, что его окружило порядочное общество: „послушайте: вмѣсто того, что вы теперь заглядываетесь на мое кривое око, давайте, вмѣсто этого, помиримъ двухъ нашихъ пріятелей! Теперь Иванъ Ивановичъ разговариваетъ съ бабами и дѣвчатами, — пошлемъ потихоньку за Иваномъ Никифоровичемъ, да и столкнемъ ихъ вмѣстѣ".

Всѣ единодушно приняли предложеніе Ивана Ивановича и положили немедленно послать къ Ивану Никифоровичу на домъ просить его, во что бы ни стало, пріѣхать къ городничему на обѣдъ. Но важный вопросъ: на кого возложить это важное порученіе? повергнулъ всѣхъ въ недоумѣніе. Долго спорили, кто способнѣе и искуснѣе въ дипломатической части; наконецъ, единодушно рѣшили возложить все это на Антона Прокофьевича Голопузя.

Но прежде нужно нѣсколько познакомить читателя съ этимъ замѣчательнымъ лицомъ. Антонъ Прокофьевичъ былъ совер-

шенно добродѣтельный человѣкъ во всемъ значеніи этого слова: дастъ ли ему кто изъ почетныхъ людей въ Миргородѣ платокъ на шею или исподнее,—онъ благодаритъ; щелкнетъ ли его кто слегка въ носъ,—онъ и тогда благодаритъ. Если у него спрашивали:—„Отчего это у васъ, Антонъ Прокофьевичъ, сюртукъ коричневый, а рукава голубые?“ то онъ обыкновенно всегда отвѣчалъ:—„А у васъ и такого нѣтъ! Подождите, обносится, весь будетъ одинаковый!“ И точно, голубое сукно отъ дѣйствія солнца, начало обращаться въ коричневое, и теперь совершенно подходитъ подъ цвѣтъ сюртука. Но вотъ что странно, что Антонъ Прокофьевичъ имѣетъ обыкновеніе суконное платье носить лѣтомъ, а нанковое—зимою. Антонъ Прокофьевичъ не имѣетъ своего дома. У него былъ прежде на концѣ города, но онъ его продалъ и на вырученныя деньги купилъ тройку гнѣдыхъ лошадей и небольшую бричку, въ которой разъѣзжалъ гостить по помѣщикамъ. Но такъ какъ съ лошадьми было много хлопотъ и притомъ нужны были деньги на овесъ, то Антонъ Прокофьевичъ ихъ промѣнялъ на скрипку и дворовую дѣвку, взявши придачи двадцатипятирублевую бумажку. Потомъ скрипку Антонъ Прокофьевичъ продалъ, а дѣвку промѣнялъ на сафьянный съ золотомъ кисетъ, и теперь у него кисетъ такой, какого ни у кого нѣтъ. За это наслажденіе онъ уже не можетъ разъѣзжать по деревнямъ, а долженъ оставаться въ городѣ и ночевать въ разныхъ домахъ, особенно тѣхъ дворянъ, которые находили удовольствіе щелкать его по носу. Антонъ Прокофьевичъ любитъ хорошо поѣсть, играетъ изрядно въ дураки и мельники. Повиноваться всегда было его стихіею, а потому онъ, взявши шапку и палку, немедленно отправился въ путь.

Но, идучи, сталъ разсуждать, какимъ образомъ ему подвигнуть Ивана Никифоровича придти на асамблею. Нѣсколько крутой нравъ сего, впрочемъ, достойнаго человѣка дѣлалъ его предпріятіе почти невозможнымъ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ему рѣшиться придти, когда встать съ постели уже ему стоило великаго труда? Но положимъ, что онъ встанетъ, какъ ему придти туда, гдѣ находится,—что, безъ сомнѣнія, онъ знаетъ,—непримиримый врагъ его? Чѣмъ болѣе Антонъ Про-

кофьевичъ обдумывалъ, тѣмъ болѣе находилъ препятствій. День былъ душенъ; солнце жгло; потъ лился съ него градомъ. Антонъ Прокофьевичъ, несмотря на то, что его щелкали по носу, былъ довольно хитрый человѣкъ на многія дѣла. Въ мѣнѣ только былъ онъ не такъ счастливъ. Онъ очень зналъ, когда нужно прикинуться дуракомъ, и иногда умѣлъ найтиться въ такихъ обстоятельствахъ и случаяхъ, гдѣ рѣдко умный бываетъ въ состояніи извернуться.

Въ то время, какъ изобрѣтательный умъ его выдумывалъ средство, какъ убѣдить Ивана Никифоровича, и уже онъ храбро шелъ навстрѣчу всего, одно неожиданное обстоятельство нѣсколько смутило его. Не мѣшаетъ при этомъ сообщить читателю, что у Антона Прокофьича были, между прочимъ, одни панталоны такого страннаго свойства, что когда онъ надѣвалъ ихъ, то всегда собаки кусали его за икры. Какъ на бѣду, въ тотъ день онъ надѣлъ именно эти панталоны, и потому, едва только онъ предался размышленіямъ, какъ страшный лай со всѣхъ сторонъ поразилъ слухъ его; Антонъ Прокофьевичъ поднялъ такой крикъ (громче его никто не умѣлъ кричать), что не только знакомая баба и обитатель неизмѣримаго сюртука выбѣжали къ нему навстрѣчу, но даже мальчишки со двора Ивана Ивановича посыпались къ нему, и хотя собаки только за одну ногу успѣли его укусить, однакожъ это очень уменьшило его бодрость, и онъ съ нѣкотораго рода робостью подступалъ къ крыльцу.

ГЛАВА VIII

и

послѣдняя.

— „А, здравствуйте! На что вы собакъ дразните? сказалъ Иванъ Никифоровичъ, увидѣвши Антона Прокофьевича, потому что съ Антономъ Прокофьевичемъ никто иначе не говорилъ, какъ шутя.

— „Чтобъ онѣ передохли всѣ! Кто ихъ дразнитъ?“ отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ.

— „Вы врете“.

— „Ей Богу, нѣтъ! Просилъ васъ Петръ Ѳедоровичъ на обѣдъ“.

— „Гм!“

— „Ей Богу! такъ убѣдительно просилъ, что выразить не можно.—„Что это, говоритъ, Иванъ Никифоровичъ чуждается меня, какъ непріятеля; никогда не зайдетъ поговорить, либо посидѣть“.

Иванъ Никифоровичъ погладилъ свой подбородокъ.

— „Если, говоритъ, Иванъ Никифоровичъ и теперь не придетъ, то я не знаю, что подумать: вѣрно, онъ имѣетъ на меня какой умыселъ! Сдѣлайте милость, Антонъ Прокофьевичъ, уговорите Ивана Никифоровича!“ Что жъ, Иванъ Никифоровичъ, пойдемъ! Тамъ собралась отличная компанія!“

Иванъ Никифоровичъ началъ разсматривать пѣтуха, который, стоя на крыльцѣ, изо всей мочи升 дралъ горло.

— „Если бы вы знали, Иванъ Никифоровичъ“, продолжалъ усердный депутатъ: „какой осетрины, какой свѣжей икры прислали Петру Ѳедоровичу!“

При этомъ Иванъ Никифоровичъ поворотилъ свою голову и началъ внимательно прислушиваться.

Это ободрило депутата.—„Пойдемте скорѣе! тамъ и Ѳома Григорьевичъ! Что жъ вы?“ прибавилъ онъ, видя, что Иванъ Никифоровичъ лежалъ все въ одинаковомъ положеніи:: „что жъ? идемъ, или нейдемъ?“

— „Не хочу“.

Это „не хочу“ поразило Антона Прокофьевича: онъ уже думалъ, что убѣдительное представленіе его совершенно склонило этого, впрочемъ, достойнаго человѣка; но вмѣсто того услышалъ рѣшительное: „не хочу“.

— „Отчего же не хотите вы?“ спросилъ онъ съ досадою, которая показывалась у него чрезвычайно рѣдко, даже тогда, когда клали ему на голову зажженную бумагу, чѣмъ особенно любили себя тѣшить судья и городничій.

Иванъ Никифоровичъ понюхалъ табаку.

— „Воля ваша, Иванъ Никифоровичъ, я не знаю, что васъ удерживаетъ“.

— „Чего я пойду?“ проговорилъ наконецъ Иванъ Никифоровичъ: „тамъ будетъ разбойникъ!“ Такъ онъ называлъ обыкновенно Ивана Ивановича. Боже праведный! А давно ли...

— „Ей Богу, не будетъ! Вотъ какъ Богъ святъ, что не будетъ! Чтобъ меня на самомъ этомъ мѣстѣ громомъ убило!“ отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ, который готовъ былъ божиться десять разъ на одинъ часъ.—„Пойдемте же, Иванъ Никифоровичъ!“

— „Да вы врете, Антонъ Прокофьевичъ, онъ тамъ?“

— „Ей Богу, ей Богу, нѣтъ! Чтобы я не сошелъ съ этого мѣста, если онъ тамъ! Да и сами посудите, съ какой стати мнѣ лгать. Чтобъ мнѣ руки и ноги отсохли!... Что, и теперь не вѣрите? Чтобъ я околѣлъ тутъ же передъ вами! чтобъ ни отцу, ни матери моей, ни мнѣ не видать царствія небеснаго! Еще не вѣрите?“

Иванъ Никифоровичъ этими увѣреніями совершенно успокоился и велѣлъ своему камердинеру, въ безграничномъ сюртукѣ, принесть шаровары и нанковый казакинъ.

Я полагаю, что описывать, какимъ образомъ Иванъ Никифоровичъ надѣвалъ шаровары, какъ ему намотали галстукъ и наконецъ надѣли казакинъ, который подъ лѣвымъ рукавомъ лопнулъ, совершенно излишне. Довольно, что онъ все это время сохранялъ приличное спокойствіе и не отвѣчалъ ни слова на предложенія Антона Прокофьевича—что-нибудь промѣнять на его турецкій кисетъ.

Между тѣмъ собраніе съ нетерпѣніемъ ожидало рѣшительной минуты, когда явится Иванъ Никифоровичъ, и исполнится наконецъ всеобщее желаніе, чтобы сіи достойные люди примирились между собою. Многіе были почти увѣрены, что не придетъ Иванъ Никифоровичъ. Городничій даже бился объ закладъ съ кривымъ Иваномъ Ивановичемъ, что не придетъ; но разошелся только потому, что кривой Иванъ Ивановичъ требовалъ, чтобы тотъ поставилъ въ закладъ подстрѣленную свою ногу, а онъ—кривое око,—чѣмъ городничій очень обидѣлся, а компанія потихоньку смѣялась. Никто еще не са-

дился за столъ, хотя давно уже былъ второй часъ,—время, въ которое въ Миргородѣ, даже въ парадныхъ случаяхъ, давно уже обѣдаютъ.

Едва только Антонъ Прокофьевичъ появился въ дверяхъ, какъ въ то же мгновеніе былъ обступленъ всѣми. Антонъ Прокофьевичъ на всѣ вопросы закричалъ однимъ рѣшительнымъ словомъ: „Не будетъ!“ Едва только онъ это произнесъ, и уже градъ выговоровъ, браней, а можетъ быть, и щелчковъ готовился посыпаться на его голову за неудачу посольства, какъ вдругъ дверь отворилась, и—вошелъ Иванъ Никифоровичъ.

Если бы показался самъ сатана или мертвецъ, то они бы не произвели такого изумленія во всемъ обществѣ, въ какое повергнулъ его неожиданный приходъ Ивана Никифоровича. А Антонъ Прокофьевичъ только заливался, ухватившись за бока, отъ радости, что такъ подшутилъ надъ всею компаніей.

Какъ бы то ни было, только это было почти невѣроятно для всѣхъ, чтобы Иванъ Никифоровичъ въ такое короткое время могъ одѣться, какъ прилично дворянину. Ивана Ивановича въ это время не было: онъ зачѣмъ то вышелъ. Очнувшись отъ изумленія, вся публика приняла участіе въ здоровьѣ Ивана Никифоровича и изъявила удовольствіе, что онъ раздался въ толщину. Иванъ Никифоровичъ цѣловался со всякимъ и говорилъ:—„Очень одолженъ“.

Между тѣмъ запахъ борща понесся чрезъ комнату и пощекоталъ пріятно ноздри проголодавшимся гостямъ. Всѣ повалили въ столовую. Вереница дамъ, говорливыхъ и молчаливыхъ, тощихъ и толстыхъ, потянулась впередъ, и длинный столъ зарябѣлъ всѣми цвѣтами. Не стану описывать кушаньевъ, какія были за столомъ! Ничего не упомяну ни о мнишкахъ въ сметанѣ, ни объ утрибкѣ, которую подавали къ борщу, ни объ индѣйкѣ со сливами и изюмомъ, ни о томъ кушаньѣ, которое очень походило видомъ на сапоги, намоченные въ квасѣ, ни о томъ соусѣ, который есть лебединая пѣснь стариннаго повара, о томъ соусѣ, который подавался обхваченный весь виннымъ пламенемъ, что очень забавляло и вмѣстѣ пугало

дамъ. Не стану говорить объ этихъ кушаньяхъ, потому что мнѣ гораздо болѣе нравится ѣсть ихъ, нежели распространяться объ нихъ въ разговорахъ.

Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, приготовленная съ хрѣномъ. Онъ особенно занялся этимъ полезнымъ и питательнымъ упражненіемъ. Выбирая самыя тонкія рыбьи косточки, онъ клалъ ихъ на тарелку и какъ-то нечаянно взглянулъ насупротивъ: Творецъ небесный! какъ это было странно! Противъ него сидѣлъ Иванъ Никифоровичъ.

Въ одно и то же время взглянулъ и Иванъ Никифовичъ!.. Нѣтъ!.. не могу. Дайте мнѣ другое перо! Перо мое вяло, мертво, съ тонкимъ расщепомъ для этой картины! Лица ихъ съ отразившимся изумленіемъ сдѣлались какъ бы окаменѣлыми. Каждый изъ нихъ увидѣлъ лицо давно знакомое, къ которому, казалось бы, невольно готовъ подойти, какъ къ пріятелю неожиданному, и поднесть рожокъ, съ словомъ: „одолжайтесь", или: „смѣю ли просить объ одолженіи"; но вмѣстѣ съ этимъ то же самое лицо было страшно, какъ нехорошее предзнаменованіе! Потъ катился градомъ у Ивана Ивановича и у Ивана Никифоровича.

Присутствующіе, всѣ, сколько ихъ ни было за столомъ, онѣмѣли отъ вниманія и не отрывали глазъ отъ нѣкогда бывшихъ друзей. Дамы, которыя до того времени были заняты интереснымъ разговоромъ о томъ, какимъ образомъ дѣлаются каплуны, вдругъ прервали разговоръ. Все стихло! Это была картина, достойная кисти художника!

Наконецъ, Иванъ Ивановичъ вынулъ носовой платокъ и началъ сморкаться, а Иванъ Никифоровичъ осмотрѣлся вокругъ и остановилъ глаза на растворенной двери. Городничій тотчасъ замѣтилъ это движеніе и велѣлъ затворить дверь покрѣпче. Тогда каждый изъ друзей началъ кушать, и уже ни разу не взглянули они другъ на друга.

Какъ только кончился обѣдъ, оба прежніе пріятели схватились съ мѣстъ и начали искать шапокъ, чтобы улизнуть. Тогда городничій мигнулъ, и Иванъ Ивановичъ—не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, что съ кривымъ глазомъ,— сталъ за спиною Ивана Никифоровича, а городничій зашелъ

за спину Ивана Ивановича, и оба начали подталкивать ихъ сзади, чтобы спихнуть ихъ вмѣстѣ и не выпускать до тѣхъ поръ, пока не подадутъ рукъ. Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, натолкнулъ Ивана Никифоровича, хотя и несколько косо, однакожъ довольно еще удачно, въ то мѣсто, гдѣ стоялъ Иванъ Ивановичъ; но городничій сдѣлалъ дирекцію слишкомъ въ сторону, потому что онъ никакъ не могъ управиться съ своевольною пѣхотою, не слушавшею на этотъ разъ никакой команды и какъ на зло закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно въ противную сторону (что, можетъ, происходило оттого, что за столомъ было чрезвычайно много разныхъ наливокъ), такъ что Иванъ Ивановичъ упалъ на даму въ красномъ платьѣ, которая, изъ любопытства, просунулась въ самую середину. Такое предзнаменованіе не предвѣщало ничего добраго. Однакожъ судья, чтобъ поправить это дѣло, занялъ мѣсто городничаго, и потянувши носомъ съ верхней губы весь табакъ, отпихнулъ Ивана Ивановича въ другую сторону. Въ Миргородѣ это обыкновенный способъ примиренія; онъ нѣсколько похожъ на игру въ мячикъ. Какъ только судья пихнулъ Ивана Ивановича, Иванъ Ивановичъ, съ кривымъ глазомъ, уперся всею силою и пихнулъ Ивана Никифоровича, съ котораго потъ валился, какъ дождевая вода съ крыши. Несмотря на то, что оба пріятеля весьма упирались, они все-таки были столкнуты, потому что обѣ дѣйствовавшія стороны получили значительное подкрѣпленіе со стороны другихъ гостей.

Тогда обступили ихъ со всѣхъ сторонъ тѣсно и не выпускали до тѣхъ поръ, пока они не рѣшились подать другъ други руки. „Богъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ и Иванъ Ивановичъ! Скажите по совѣсти: за что вы поссорились? Не по пустякамъ ли? Не совѣстно ли вамъ передъ людьми и передъ Богомъ!“

— „Я не знаю“, сказалъ Иванъ Никифоровичъ, пыхтя отъ усталости (замѣтно было, что онъ былъ весьма не прочь отъ примиренія): „я не знаю, что я такое сдѣлалъ Ивану Ивановичу; за что же онъ порубилъ мой хлѣвъ и замышлялъ погубить меня?“

— „Не повиненъ ни въ какомъ зломъ умыслѣ“, говорилъ Иванъ Ивановичъ, не обращая глазъ на Ивана Никифоровича.—„Клянусь и передъ Богомъ и передъ вами, почтенное дворянство, я ничего не сдѣлалъ моему врагу. За что же онъ меня поноситъ и наноситъ вредъ моему чину и званію?“

— „Какой же я вамъ, Иванъ Ивановичъ, нанесъ вредъ?“ сказалъ Иванъ Никифоровичъ. Еще одна минута объясненія,— и давнишняя вражда готова была погаснуть. Уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать: „одолжайтесь“.

— „Развѣ это не вредъ“, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, не подымая глазъ: „когда вы, милостивый государь, оскорбили мой чинъ и фамилію такимъ словомъ, которое неприлично здѣсь сказать?“

— „Позвольте вамъ сказать по-дружески, Иванъ Ивановичъ!“ (при этомъ Иванъ Никифоровичъ дотронулся пальцемъ до пуговицы Ивана Ивановича, что означало совершенное его расположеніе):—„вы обидѣлись чортъ знаетъ за что такое: за то, что я васъ назвалъ *гусакомъ*...“

Иванъ Никифоровичъ спохватился, что сдѣлалъ неосторожность, произнести это слово; но уже было поздно: слово было произнесено. Все пошло къ чорту! Когда, при произнесеніи этого слова безъ свидѣтелей, Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ себя и пришелъ въ такой гнѣвъ, въ какомъ не дай Богъ видѣть человѣка,—что жъ теперь, посудите, любезные читатели, что теперь, когда это убійственное слово произнесено было въ собраніи, въ которомъ находилось множество дамъ, передъ которыми Иванъ Ивановичъ любилъ быть особенно приличнымъ? Поступи Иванъ Никифоровичъ не такимъ образомъ, скажи онъ *птица*, а не *гусакъ*, еще бы можно было поправить. Но—все кончено!

Онъ бросилъ на Ивана Никифоровича взглядъ—и какой взглядъ! Если бы этому взгляду придана была власть исполнительная, то онъ обратилъ бы въ прахъ Ивана Никифоровича. Гости поняли этотъ взглядъ и поспѣшили сами разлучить ихъ. И этотъ человѣкъ, образецъ кротости, который ни одну нищую не пропускалъ, чтобъ не разспросить ее, выбѣ-

жалъ въ ужасномъ бѣшенствѣ. Такія сильныя бури производятъ страсти!

Цѣлый мѣсяцъ ничего не было слышно объ Иванѣ Ивановичѣ. Онъ заперся въ своемъ домѣ. Завѣтный сундукъ былъ отпертъ, изъ сундука были вынуты—что же? карбованцы! старые, дѣдовскіе карбованцы! И эти карбованцы перешли въ запачканныя руки чернильныхъ дѣльцовъ. Дѣло было перенесено въ палату. И когда получилъ Иванъ Ивановичъ радостное извѣстіе, что завтра рѣшится оно, тогда только выглянулъ на свѣтъ и рѣшился выйти изъ дому. Увы! съ того времени палата извѣщала ежедневно, что дѣло кончится завтра, въ продолженіе десяти лѣтъ.

Назадъ тому лѣтъ пять я проѣзжалъ чрезъ городъ Миргородъ. Я ѣхалъ въ дурное время. Тогда стояла осень съ своею грустно-сырою погодою, грязью и туманомъ. Какая-то ненатуральная зелень, — твореніе скучныхъ, безпрерывныхъ дождей,—покрывала жидкою сѣтью поля и нивы, къ которымъ она такъ пристала, какъ шалости старику, розы — старухѣ. На меня тогда сильное вліяніе производила погода: я скучалъ, когда она была скучна. Но, несмотря на то, когда я сталъ подъѣзжать къ Миргороду, то почувствовалъ, что у меня сердце бьется сильно. Боже, сколько воспоминаній! Я двѣнадцать лѣтъ не видалъ Миргорода. Здѣсь жили тогда въ трогательной дружбѣ два единственные человѣка, два единственные друга. А сколько вымерло знаменитыхъ людей! Судья Демьянъ Демьяновичъ уже тогда былъ покойникомъ; Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, тоже приказалъ долго жить. Я въѣхалъ въ главную улицу: вездѣ стояли шесты съ привязаннымъ вверху пукомъ соломы: производилась какая-то новая планировка! Нѣсколько избъ было снесено. Остатки заборовъ и плетней торчали уныло.

День былъ тогда праздничный; я приказалъ рогоженную кибитку свою остановить передъ церковью и вошелъ такъ тихо, что никто не обратился. Правда, и некому было: церковь была пуста; народу почти никого; видно было, что и самые

богомольные побоялись грязи. Свѣчи, при пасмурномъ, лучше сказать, больномъ днѣ, какъ-то были странно непріятны; темные притворы были печальны; продолговатыя окна, съ круглыми стеклами, обливались дождливыми слезами. Я отошелъ въ притворъ и обратился къ почтенному старику съ посѣдѣвшими волосами: — „Позвольте узнать, живъ ли Иванъ Никифоровичъ?" Въ это время лампада вспыхнула живѣе передъ иконою, и свѣтъ прямо ударился въ лицо моего сосѣда. Какъ же я удивился, когда, разсматривая, увидѣлъ черты знакомыя! Это былъ самъ Иванъ Никифоровичъ! Но какъ измѣнился!

— „Здоровы ли вы, Иванъ Никифоровичъ? Какъ же вы постарѣли!"

— „Да, постарѣлъ. Я сегодня изъ Полтавы", отвѣчалъ Иванъ Никифоропичъ.

— „Что вы говорите! Вы ѣздили въ Полтаву въ такую дурную погоду?"

— „Что-жъ дѣлать! Тяжба..."

При этомъ я невольно вздохнулъ.

Иванъ Никифоровичъ замѣтилъ этотъ вздохъ и сказалъ:

— „Не безпокойтесь: я имѣю вѣрное извѣстіе, что дѣло рѣшится на слѣдующей недѣлѣ, и въ мою пользу".

Я пожалъ плечами и пошелъ узнать что-нибудь объ Иванѣ Ивановичѣ.

„Иванъ Ивановичъ здѣсь!" сказалъ мнѣ кто-то: „онъ на клиросѣ".

Я увидѣлъ тогда тощую фигуру. Это ли Иванъ Ивановичъ? Лицо было покрыто морщинами, волосы были совершенно бѣлые; но бекеша была все та же. Послѣ первыхъ привѣтствій, Иванъ Ивановичъ, обратившись ко мнѣ съ веселою улыбкою, которая такъ всегда шла къ его воронкообразному лицу, сказалъ: — „Увѣдомить ли васъ о пріятной новости?"

— „О какой новости?" спросилъ я.

— „Завтра непремѣнно рѣшится мое дѣло; палата сказала навѣрное".

Я вздохнулъ еще глубже и поскорѣе поспѣшилъ простить-

ся,—потому что я ѣхалъ по весьма важному дѣлу,—и сѣлъ въ кибитку.

Тощія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливмя на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкою. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо. Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

Шинель.

Въ департаментѣ... но лучше не называть, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе всякаго рода департаментовъ, полковъ, канцелярій и, словомъ, всякаго рода должностныхъ сословій. Теперь уже всякій частный человѣкъ считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество. Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитанъ-исправника, не помню, какого-то города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнутъ государственныя постановленія, и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого-то романтическаго сочиненія, гдѣ, чрезъ каждыя десять страницъ, является капитанъ-исправникъ, мѣстами даже совершено въ пьяномъ видѣ.

Итакъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ, о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ *однимъ департаментомъ*. Итакъ, *въ одномъ департаментѣ* служилъ *одинъ чиновникъ*,—чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный: низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется, геморроидальнымъ... Что жъ дѣлать! виноватъ петербургскій климатъ. Что касается до чина (ибо у насъ прежде всего нужно объявить чинъ), то онъ былъ то, что называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ, какъ извѣстно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имѣющіе похвальное обыкновеніе налегать на тѣхъ,

которые не могутъ кусаться. Фамилія чиновника была Башмачкинъ. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла отъ башмака; но когда, въ какое время и какимъ образомъ произошла она отъ башмака,—ничего этого неизвѣстно. И отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, и всѣ совершенно Башмачкины ходили въ сапогахъ, перемѣняя только раза три въ годъ подметки. Имя его было Акакій Акакіевичъ. Можетъ быть, читателю оно покажется нѣсколько страннымъ и выисканнымъ, но можно увѣрить, что его никакъ не искали, а что сами собою случились такія обстоятельства, что никакъ нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вотъ какъ.

Родился Акакій Акакіевичъ противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23 марта. Покойница-матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ въ сенатѣ, и кума, жена квартальнаго офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей, Арина Семеновна Бѣлобрюшкова. Родильницѣ предоставили на выборъ любое изъ трехъ, какое она хочетъ выбрать: Мокія, Соссія или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. „Нѣтъ", подумала покойница, „имена-то все такія". Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ—вышли опять три имени: Трифилій, Дула и Варахасій. „Вотъ это наказаніе!" проговорила старуха: „Какія все имена! Я, право, никогда, не слыхивала такихъ. Пусть бы еще Варадатъ или Варухъ, а то Трифилій и Варахасій". Еще поворотили страницу — вышли: Павсикахій и Вахтисій. „Ну, ужъ я вижу", сказала старуха: „что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій". Такимъ образомъ и произошелъ Акакій Акакіевичъ.

Ребенка окрестили, при чемъ онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ-будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ. Итакъ, вотъ какимъ образомъ произошло

все это. Мы привели потому это, чтобы читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никакъ невозможно.

Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ, и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ-будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: „Перепишите“, или: „Вотъ интересное, хорошенькое дѣльце“, или что-нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитанныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ и имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, разсказывали тутъ же предъ нимъ разныя составленныя про него исторіи; про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ-будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ,

недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ-будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ-будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой“. И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ...

Врядъ ли гдѣ можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы, соразмѣрно его рвенію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу да нажилъ геморрой въ поясницу. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы не было къ нему никакого вниманія. Одинъ директоръ, будучи добрый человѣкъ и желая вознаградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписыванье: именно изъ готоваго уже дѣла велѣно было ему сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить заглавный титулъ да перемѣнить кое-гдѣ глаголы изъ перваго

лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и наконецъ сказалъ: „Нѣтъ, лучше, дайте, я перепишу что-нибудь". Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать.

Внѣ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платьѣ: вицмундиръ у него былъ не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ вниманія на то, что дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на что, какъ извѣстно, всегда посмотритъ его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоролась внизу панталонъ стремешка,—что вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его. Но Акакій Акакіевичъ если и глядѣлъ на что, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ наскоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. Если же такихъ не

случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо и весь чиновный народъ наѣлся и отобѣдалъ, кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью, когда все уже отдохнуло послѣ департаментскаго скрипѣнья перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что задаетъ себѣ добровольно, больше даже, чѣмъ нужно, неугомонный человѣкъ, когда чиновники спѣшатъ предать наслажденію оставшееся время: кто побойчѣе, несется въ театръ; кто на улицу, опредѣляя его на разсматриванье кое-какихъ шляпенокъ; кто на вечеръ—истратить его въ комплиментахъ какой-нибудь смазливой дѣвушкѣ, звѣздѣ небольшого чиновнаго круга; кто,—и это случается чаще всего,—идетъ просто къ своему брату въ четвертый или третій этажъ, въ двѣ небольшія комнаты съ передней или кухней и кое-какими модными претензіями, лампой или иной вещицей, стоившей многихъ пожертвованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній,—словомъ, даже въ то время, когда всѣ чиновники разсѣиваются по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріятелей поиграть въ штурмовой вистъ, прихлебывая чай изъ стакановъ съ копеечными сухарями, затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, разсказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся изъ высшаго общества, отъ котораго никогда и ни въ какомъ состояніи не можетъ отказаться русскій человѣкъ, или даже, когда не о чемъ говорить, пересказывая вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента;—словомъ, даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ. Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра?

Такъ протекала мирная жизнь человѣка, который, съ че-

тырьмя стами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы, можетъ быть, до глубокой старости, если бы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титулярнымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ и всякимъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ, получающихъ 400 рублей въ годъ жалованья или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что онъ очень здоровъ. Въ девятомъ часу утра, именно въ тотъ часъ, когда улицы покрываются идущими въ департаментъ, начинаетъ онъ давать такіе сильные и колючіе щелчки безъ разбору по всѣмъ носамъ, что бѣдные чиновники рѣшительно не знаютъ, куда дѣвать ихъ. Въ это время, когда даже у занимающихъ высшія должности болитъ отъ морозу лобъ, и слезы выступаютъ въ глазахъ, бѣдные титулярные совѣтники иногда бываютъ беззащитны. Все спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ тощенькой шинелишкѣ перебѣжать, какъ можно скорѣе, пять-шесть улицъ и потомъ натопаться хорошенько ногами въ швейцарской, пока не оттаютъ такимъ образомъ всѣ замерзнувшія на дорогѣ способности и дарованья къ должностнымъ отправленіямъ.

Акакій Акакіевичъ съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ-то особенно сильно стало пропекать въ спину и плечо, несмотря на то, что онъ старался перебѣжать, какъ можно скорѣе, законное пространство. Онъ подумалъ, наконецъ, что не заключается ли какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, именно, на спинѣ и на плечахъ, она сдѣлалась точная серпянка: сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась.

Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича служила тоже предметомъ насмѣшекъ чиновникамъ; отъ нея отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она имѣла какое-то странное устройство: воротникъ ея уменьшался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, ибо служилъ

на подтачиванье другихъ частей ея. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мѣшковато и некрасиво. Увидѣвши, въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ, который, несмотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ, разумѣется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи и не питалъ въ головѣ какого-нибудь другого предпріятія.

Объ этомъ портномъ, конечно, не слѣдовало бы много говорить, но такъ какъ уже заведено, чтобы въ повѣсти характеръ всякаго лица былъ совершенно означенъ, то, нечего дѣлать, подавайте намъ и Петровича сюда. Сначала онъ назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ у какого-то барина; Петровичемъ онъ началъ называться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отпускную и сталъ попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ, сначала по большимъ, а потомъ, безъ разбору, по всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарѣ крестикъ. Съ этой стороны онъ былъ вѣренъ дѣдовскимъ обычаямъ и, споря съ женой, называлъ ее мірскою женщиной и нѣмкой. Такъ какъ мы уже заикнулись про жену, то нужно будетъ и о ней сказать слова два; но, къ сожалѣнію, о ней не много было извѣстно, развѣ только то, что у Петровича есть жена, носитъ даже чепчикъ, а не платокъ; но красотою, какъ кажется, она не могла похвастаться; по крайней мѣрѣ, при встрѣчѣ съ нею, одни только гвардейскіе солдаты заглядывали къ ней подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой-то особый голосъ.

Взбираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, которая,— надобно отдать справедливость, — была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который ѣстъ глаза и, какъ извѣстно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ черныхъ лѣстницахъ петербургскихъ домовъ,—взбираясь по лѣстницѣ, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запроситъ Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была отворена, потому

что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму въ кухнѣ, что нельзя было видѣть даже и самыхъ таракановъ. Акакій Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню, незамѣченный даже самою хозяйкою, и вступилъ, наконецъ, въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашенномъ столѣ и подвернувшаго подъ себя ноги свои, какъ турецкій паша. Ноги, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были нагишомъ; и прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, очень извѣстный Акакію Акакіевичу, съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ. На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты три продѣвалъ нитку въ иглиное ухо, не попадалъ и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: „Не лѣзетъ, варварка! Уѣла ты меня, шельма этакая!“

Акакію Акакіевичу было непріятно, что онъ пришелъ именно въ ту минуту, когда Петровичъ сердился: онъ любилъ что-либо заказывать Петровичу тогда, когда послѣдній былъ уже нѣсколько подъ куражемъ, или, какъ выражалась жена его: „осадился сивухой, одноглазый чортъ“. Въ такомъ состояніи Петровичъ, обыкновенно, очень охотно уступалъ и соглашался, всякій разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена, плачась, что мужъ де былъ пьянъ и потому дешево взялся; но гривенникъ, бывало, одинъ прибавишь,—и дѣло въ шляпѣ. Теперь же Петровичъ былъ, казалось, въ трезвомъ состояніи, а потому крутъ, несговорчивъ и охотникъ заламывать чортъ знаетъ какія цѣны. Акакій Акакіевичъ смекнулъ это и хотѣлъ было уже, какъ говорится, на попятный дворъ, но ужъ дѣло было начато. Петровичъ прищурилъ на него очень пристально свой единственный глазъ, и Акакій Акакіевичъ невольно выговорилъ: „Здравствуй, Петровичъ!“— „Здравствовать желаю, сударь!“ сказалъ Петровичъ и покосилъ свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тотъ несъ.

— „А я вотъ къ тебѣ, Петровичъ, того...“ Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся большею частью предлогами,

нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: „Это, право, совершенно того…“ а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ.

— „Что жъ такое?“ сказалъ Петровичъ и обсмотрѣлъ въ то же время своимъ единственнымъ глазомъ весь вицмундиръ его, начиная съ воротника до рукавовъ, спинки, фалдъ и петлей, что все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таковъ ужъ обычай у портныхъ: это первое, что онъ сдѣлаетъ при встрѣчѣ.

— „А я вотъ того, Петровичъ… шинель-то, сукно… вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое… оно немножко запылилось и кажется, какъ-будто старое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того… на спинѣ, да еще вотъ на плечѣ одномъ немного попротерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко… видишь? вотъ и все. И работы немного…“

Петровичъ взялъ капотъ, разложилъ его сначала на столъ, разсматривалъ долго, покачалъ головою и полѣзъ рукою на окно за круглой табакеркой съ портретомъ какого-то генерала,—какого именно, неизвѣстно, потому что мѣсто, гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ и потомъ заклеено четвероугольнымъ лоскуточкомъ бумажки. Понюхавъ табаку, Петровичъ растопырилъ капотъ на рукахъ и разсмотрѣлъ его противъ свѣта, и опять покачалъ головою; потомъ обратилъ его подкладкой вверхъ и вновь покачалъ; вновь снялъ крышку съ генераломъ, заклееннымъ бумажкой, и, натащивши въ носъ табаку, закрылъ, спряталъ табакерку и, наконецъ, сказалъ:—„Нѣтъ, нельзя поправить: худой гардеробъ!“

У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ екнуло сердце.

— „Отчего же нельзя, Петровичъ?“ сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка: „вѣдь только всего, что на плечахъ поистерлось; вѣдь у тебя есть же какіе-нибудь кусочки…“

— „Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся“, сказалъ

Петровичъ: „да нашить-то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иглой,—а вотъ ужъ оно и ползетъ“.

— „Пусть ползетъ, а ты тотчасъ заплаточку“.

— „Да заплаточки не на чемъ положить, укрѣпиться ей не за что: поддержка больно велика. Только слава, что сукно, а подуй вѣтеръ, такъ разлетится“.

— „Ну, да ужъ прикрѣпи. Какъ же этакъ, право, того!..“

— „Нѣтъ“, сказалъ Петровичъ рѣшительно: „ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придетъ зимнее холодное время, надѣлайте изъ нея себѣ онучекъ, потому что чулокъ не грѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы побольше себѣ денегъ забирать (Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ); а шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать“.

При словѣ „новую“ у Акакія Акакіевича затуманило въ глазахъ, и все, что ни было въ комнатѣ, такъ и пошло предъ нимъ путаться. Онъ видѣлъ ясно только генерала съ заклееннымъ бумажкой лицомъ, находившагося на крышкѣ Петровичевой табакерки.—„Какъ же новую?“ сказалъ онъ, все еще какъ-будто находясь во снѣ: „вѣдь у меня и денегъ на это нѣтъ“.

— „Да, новую“, сказалъ съ варварскимъ спокойствіемъ Петровичъ.

— „Ну, а если бы пришлось новую, какъ бы она того...?“

— „То-есть, что будетъ стоить?“

— „Да“.

— „Да три полсотни слишкомъ надо будетъ приложить“, сказалъ Петровичъ и сжалъ при этомъ значительно губы. Онъ очень любилъ сильные эффекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно и потомъ поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ.

— „Полтораста рублей за шинель!“ вскрикнулъ бѣдный Акакій Акакіевичъ,—вскрикнулъ, можетъ быть, въ первый разъ отъ роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

— „Да-съ“, сказалъ Петровичъ: „да еще какова шинель. Если положить на воротникъ куницу, да пустить капюшонъ на шелковой подкладкѣ, такъ въ двѣсти войдетъ“.

— „Петровичъ, пожалуйста“, говорилъ Акакій Акакіевичъ умоляющимъ голосомъ, не слыша и не стараясь слышать сказанныхъ Петровичемъ словъ и всѣхъ его эффектовъ: „какъ-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила“.

— „Да нѣтъ, это выйдетъ—и работу убивать, и деньги попусту тратить“, сказалъ Петровичъ, и Акакій Акакіевичъ послѣ такихъ словъ вышелъ, совершенно уничтоженный. А Петровичъ, по уходѣ его, долго еще стоялъ, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ.

Вышедъ на улицу, Акакій Акакіевичъ былъ какъ во снѣ. „Этакое-то дѣло этакое“, говорилъ онъ самъ себѣ: „я, право, и не думалъ, чтобы оно вышло того…“, а потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ: „такъ вотъ какъ! наконецъ, вотъ что вышло! а я, право, совсѣмъ и предполагать не могъ, чтобы оно было этакъ“. За симъ послѣдовало опять долгое молчаніе, послѣ котораго онъ произнесъ: „Такъ этакъ-то! вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное того… этого бы никакъ… этакое-то обстоятельство!“

Сказавши это, онъ, вмѣсто того, чтобы идти домой, пошелъ совершенно въ противную сторону, самъ того не подозрѣвая. Дорогою задѣлъ его всѣмъ нечистымъ своимъ бокомъ трубочистъ и вычернилъ все плечо ему; цѣлая шапка извести высыпалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ, и потомъ уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочникъ сказалъ: „Чего лѣзешь въ самое рыло? развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара?“ Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здѣсь только онъ началъ собирать мысли, увидѣлъ въ ясномъ и настоящемъ видѣ свое положеніе, сталъ разговаривать съ собою уже не отрывисто, но разсудительно и откровенно, какъ съ благоразумнымъ пріятелемъ, съ которымъ можно поговорить о дѣлѣ самомъ сердечномъ и близкомъ. „Ну, нѣтъ“, сказалъ Акакій Акакіевичъ: „теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того… жена, видно, какъ-нибудь поколотила его. А

вотъ я лучше приду къ нему въ воскресный день утромъ: онъ послѣ канунешной субботы будетъ косить глазомъ и заспавшись, такъ ему нужно будетъ опохмелиться, а жена денегъ не дастъ, а въ это время я ему гривенничекъ и того, въ руку, — онъ и будетъ сговорчивѣе, и шинель тогда и того...“

Такъ разсудилъ самъ съ собою Акакій Акакіевичъ, ободрилъ себя и дождался перваго воскресенья, и, увидѣвъ издали, что жена Петровича куда-то выходила изъ дому, онъ—прямо къ нему. Петровичъ, точно, послѣ субботы сильно косилъ глазомъ, голову держалъ къ полу и былъ совсѣмъ заспавшись; но при всемъ томъ, какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, точно какъ-будто его чортъ толкнулъ. „Нельзя“, сказалъ: „извольте заказать новую“. Акакій Акакіевичъ тутъ-то и всунулъ ему гривенничекъ. „Благодарствую, сударь, подкрѣплюсь маленечко за ваше здоровье“, сказалъ Петровичъ: „а ужъ объ шинели не извольте безпокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ постоимъ“.

Акакій Акакіевичъ еще было насчетъ починки, но Петровичъ не дослышалъ и сказалъ: „Ужъ новую я вамъ сошью безпремѣнно, въ этомъ извольте положиться, старанье приложимъ. Можно будетъ даже такъ, какъ пошла мода, воротникъ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ аплике“.

Тутъ-то увидѣлъ Акакій Акакіевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись, и поникъ совершенно духомъ. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, на что, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденіе къ празднику, но эти деньги давно уже размѣщены и распредѣлены впередъ. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ, да слѣдовало заказать швеѣ три рубахи да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ; словомъ, всѣ деньги совершенно должны были разойтись, и если бы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей наградныхъ опредѣлилъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ

будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ, чортъ знаетъ, какую непомѣрную цѣну, такъ что ужъ, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: „Что ты съ ума сходишь, дуракъ такой! Въ другой разъ ни за что возьметъ работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цѣну, какой и самъ не стоитъ". Хотя, конечно, онъ зналъ, что Петровичъ и за восемьдесятъ рублей возьмется сдѣлать; однако, все же, откуда взять эти восемьдесятъ рублей? еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; можетъ-быть, даже немножко и больше; но гдѣ взять другую половину?..

Но прежде читателю должно узнать, гдѣ взялась первая половина. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе со всякаго истрачиваемаго рубля откладывать по грошу въ небольшой ящичекъ, запертой на ключъ, съ прорѣзанною въ крышкѣ дырочкой для бросанія туда денегъ. По истеченіи всякаго полугода онъ ревизовалъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣнялъ ее мелкимъ серебромъ. Такъ продолжалъ онъ съ давнихъ поръ, и такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, оказалось накопившейся суммы болѣе чѣмъ на сорокъ рублей.

Итакъ, половина была въ рукахъ; но гдѣ же взять другую половину? гдѣ взять другіе сорокъ рублей? Акакій Акакіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя по крайней мѣрѣ въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, идти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занашивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самимъ временемъ.

Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько

трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыклось и пошло на ладъ,—даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ-будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то другое, полнѣе, какъ-будто бы онъ женился, какъ-будто какой-то человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ-будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу,—и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ,—всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить-ли, точно, куницу на воротникъ? Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, перепесывая бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: „ухъ!“ и перекрестился.

Въ продолженіе каждаго мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели: гдѣ лучше купить сукна, и какого цвѣта, и въ какую цѣну,—и хотя нѣсколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что, наконецъ, придетъ же время, когда все это купится, и когда шинель будетъ сдѣлана.

Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Противу всякаго чаянія, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ пять, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей. Ужъ предчувствовалъ ли онъ, что Акакію Акакіевичу нужна шинель, или само собой такъ случилось, но только у него чрезъ это очутилось лишнихъ двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла. Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца небольшого голоданья,—и у Акакія Акакіевича набралось, точно, около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться.

Въ первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго—и не мудрено, потому что объ этомъ думали еще за полгода прежде и рѣдкій мѣсяцъ не заходили въ лавки примѣняться къ цѣнамъ; зато самъ Петровичъ сказалъ, что лучше сукна и не бываетъ. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше и даже на видъ казистѣй и глянцовитѣй. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога, а вмѣсто ея выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ,—кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петровичъ взялъ двѣнадцать рублей—меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытисняя ими разныя фигуры.

Это было... трудно сказать, въ который именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественнѣйшій въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ, наконецъ, шинель. Онъ принесъ ее поутру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было идти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлась такъ кстати шинель, потому что начинались уже довольно крѣпкіе морозы и, казалось, грозили еще болѣе усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и перепрaвляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ заново. Онъ вынулъ шинель изъ носового платка, въ которомъ ее принесъ (платокъ былъ только что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ его и положилъ въ карманъ для употребленія). Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ, и держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плечи Акакію Акакіевичу, потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой

книзу; потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько на-распашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ попробовать въ рукава; Петровичъ помогъ надѣть и въ рукава,—вышло, что и въ рукава была хороша. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ впору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, потому взялъ такъ дешево, а на Невскомъ проспектѣ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ запускать пыль. Онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, остановясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотрѣть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то-есть, прямо въ лицо.

Между тѣмъ Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякій мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару.

Неизвѣстно, какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель, и что уже капота болѣе не существуетъ. Всѣ въ ту же минуту выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель Акакія Акакіевича. Начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Когда же всѣ, приступивъ къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель, и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ задать имъ всѣмъ вечеръ; Акакій Акакіевичъ

потерялся совершенно, не зналъ, какъ ему быть, что такое отвѣчать и какъ отговориться. Онъ уже минутъ черезъ нѣсколько, весь закраснѣвшись, началъ было увѣрять довольно простодушно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старинная шинель.

Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ, какой-то даже помощникъ столоначальника, вѣроятно, для того, чтобы показать, что онъ ничуть не гордецъ и знается даже съ низшими себя, сказалъ: „Такъ и быть, я вмѣсто Акакія Акакіевича даю вечеръ, и прошу ко мнѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ". Чиновники, натурально, тутъ же поздравили помощника столоначальника и приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началъ было отговариваться, но всѣ стали говорить, что неучтиво, что, просто, стыдъ и срамъ, и онъ уже никакъ не могъ отказаться. Впрочемъ, ему потомъ сдѣлалось пріятно, когда вопомнилъ, что онъ будетъ имѣть чрезъ то случай пройтись даже и ввечеру въ новой шинели.

Этотъ весь день былъ для Акакія Акакіевича точно самый большой торжественный праздникъ. Онъ возвратился домой въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, скинулъ шинель и повѣсилъ ее бережно на стѣнѣ, налюбовавшись еще разъ сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, для сравненія, прежній капотъ свой, совершенно расползшійся. Онъ взглянулъ на него, и самъ даже засмѣялся: такая была далекая разница! И долго еще потомъ за обѣдомъ онъ все усмѣхался, какъ только приходило ему на умъ положеніе, въ которомъ находился капотъ. Пообѣдалъ онъ весело и послѣ обѣда ужъ ничего не писалъ, никакихъ бумагъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не потемнѣло. Потомъ, не затягивая дѣла, одѣлся, надѣлъ на плечи шинель и вышелъ на улицу.

Гдѣ именно жилъ пригласившій чиновникъ, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: память начинаетъ намъ сильно измѣнять, и все, что ни есть въ Петербургѣ, всѣ улицы и дома слились и смѣшались такъ въ головѣ, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь въ порядочномъ видѣ. Какъ бы то ни было,

но вѣрно по крайней мѣрѣ то, что чиновникъ жилъ въ лучшей части города, стало-быть, очень не близко отъ Акакія Акакіевича. Сначало надо было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустынныя улицы съ тощимъ освѣщеніемъ, но, по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника, улицы становились живѣе, населеннѣй и сильнѣе освѣщены; пѣшеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одѣтыя; на мужчинахъ попадались бобровые воротники; рѣже встрѣчались ваньки съ деревянными рѣшетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздичками; напротивъ, все попадались лихачи въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ лакированными санками, съ медвѣжьими одѣялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снѣгу, кареты съ убранными козлами. Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость: онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Наконецъ, достигнулъ онъ дома, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника.

Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу: на лѣстницѣ свѣтилъ фонарь, квартира была во второмъ этажѣ. Вошедши въ переднюю, Акакій Акакіевичъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ. Между ними, посреди комнаты, стоялъ самоваръ, шумя и испуская клубами паръ. На стѣнахъ висѣли все шинели да плащи, между которыми нѣкоторые были даже съ бобровыми воротниками или съ бархатными отворотами. За стѣной былъ слышенъ шумъ и говоръ, которые вдругъ сдѣлались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ опорожненными стаканами, сливочникомъ и корзиною сухарей. Видно, что ужъ чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю.

Акакій Акакіевичъ, повѣсивши самъ шинель свою, вошелъ въ комнату, и передъ нимъ мелькнули въ одно время свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ, и смутно поразили слухъ его бѣглый, со всѣхъ сторонъ подымавшійся разговоръ и шумъ передвигаемыхъ стульевъ. Онъ остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сдѣлать. Но его уже замѣтили, приняли съ крикомъ и всѣ пошли тотъ же часъ въ переднюю и вновь осмотрѣли его шинель. Акакій

Акакіевичъ хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человѣкомъ чистосердечнымъ, не могъ не порадоваться, видя, какъ всѣ похвалили шинель. Потомъ, разумѣется, всѣ бросили и его, и шинель, и обратились, какъ водится, къ столамъ, назначеннымъ для картъ.

Все это: шумъ, говоръ и толпа людей,—все это было какъ-то чудно Акакію Акакіевичу. Онъ просто не зналъ, какъ ему быть, куда дѣть руки, ноги и всю фигуру свою; наконецъ, подсѣлъ онъ къ игравшимъ, смотрѣлъ въ карты, засматривалъ тому и другому въ лица и чрезъ нѣсколько времени началъ зѣвать, чувствовать, что скучно,—тѣмъ болѣе, что ужъ давно наступило то время, въ которое онъ, по обыкновенію, ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что непремѣнно надо выпить, въ честь обновки, по бокалу шампанскаго. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала, послѣ которыхъ онъ почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось веселѣе, однакожъ никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и что давно пора домой.

Чтобы какъ-нибудь не вздумалъ удерживать хозяинъ, онъ вышелъ потихоньку изъ комнаты, отыскалъ въ передней шинель, которую не безъ сожалѣнія увидѣлъ лежавшею на полу, стряхнулъ ее, снялъ съ нея всякую пушинку, надѣлъ на плечи и опустился по лѣстницѣ на улицу. На улицѣ все еще было свѣтло. Кое-какія мелочныя лавчонки, эти безсмѣнные клубы дворовыхъ и всякихъ людей, были отперты; другія же, которыя были заперты, показывали, однакожъ, длинную струю свѣта во всю дверную щель, означавшую, что онѣ не лишены общества и, вѣроятно, дворовыя служанки или слуги еще доканчиваютъ свои толки и разговоры, повергая своихъ господъ въ совершенное недоумѣніе насчетъ своего мѣстопребыванія. Акакій Акакіевичъ шелъ въ веселомъ расположеніи духа. Скоро потянулись передъ нимъ тѣ пустынныя улицы, которыя даже и днемъ не такъ веселы, а тѣмъ болѣе вечеромъ. Теперь онѣ сдѣлались еще глуше и уединеннѣе: фо-

нари стали мелькать рѣже,—масла, какъ видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигдѣ ни души; сверкалъ только одинъ снѣгъ по улицамъ, да печально чернѣли съ закрытыми ставнями заснувшія низенькія лачужки. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерѣзывалась улица безконечною площадью съ едва видными на другой сторонѣ ея домами, которая глядѣла страшною пустынею.

Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ, которая казалась стоявшею на краю свѣта. Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь значительно уменьшилась. Онъ вступилъ на площадь не безъ какой-то невольной боязни, точно какъ-будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Онъ взглянулъ назадъ и по сторонамъ—точное море вокругъ него. „Нѣтъ, лучше и не глядѣть", подумалъ и шелъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко-ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ самымъ носомъ, какіе-то люди съ усами,—какіе именно, ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилось въ груди. „А вѣдь шинель-то моя!" сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать: „караулъ", какъ другой приставилъ къ самому рту кулакъ, величиною въ чиновничью голову, примолвивъ: „А вотъ только крикни!" Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ, и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился и поднялся на ноги, но ужъ никого не было. Онъ чувствовалъ, что въ полѣ холодно, и шинели нѣтъ, сталъ кричать; но голосъ, казалось, и не думалъ долетать до концовъ площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ будкѣ, подлѣ которой стоялъ будочникъ и, опершись на свою алебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжитъ къ нему издали и кричитъ человѣкъ. Акакій Акакіевичъ, прибѣжавъ къ нему, началъ задыхающимся голосомъ кричать, что онъ спитъ и ни за чѣмъ не

смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ человѣка. Будочникъ отвѣчалъ, что онъ не видалъ ничего, что видѣлъ, какъ остановили его среди площади какіе-то два человѣка, да думалъ, что то были его пріятели; а что пусть онъ вмѣсто того, чтобы понапрасну браниться, сходитъ завтра къ надзирателю, такъ надзиратель отыщетъ, кто взялъ шинель.

Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые еще водились у него въ небольшомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепались; бокъ, и грудь, и всѣ панталоны были въ снѣгу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стукъ въ дверь, поспѣшно вскочила съ постели и, съ башмакомъ на одной только ногѣ, побѣжала отворять дверь, но, отворивъ, отступила назадъ, увидя въ такомъ видѣ Акакія Акакіевича. Когда же разсказалъ онъ, въ чемъ дѣло, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщается и станетъ водить; а лучше всего идти прямо къ частному, что онъ даже ей знакомъ, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нея въ кухаркахъ, опредѣлилась теперь къ частному въ няньки, что она часто видитъ его самого, какъ онъ проѣзжаетъ мимо ихъ дома, и что онъ бываетъ также всякое воскресенье въ церкви, молится, а въ то же время весело смотритъ на всѣхъ, и что, стало быть, по всему видно, долженъ быть добрый человѣкъ.

Выслушавъ такое рѣшеніе, Акакій Акакіевичъ печальный побрелъ въ свою комнату, и какъ онъ провелъ тамъ ночь— предоставляется судить тому, кто можетъ сколько-нибудь представить себѣ положеніе другого. Поутру рано отправился онъ къ частному; но сказали, что спитъ; онъ пришелъ въ десять,— сказали опять: „спитъ“; онъ пришелъ въ одиннадцать часовъ,— сказали: „да нѣтъ частнаго дома“; онъ—въ обѣденное время,— но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли пустить его и хотѣли непремѣнно узнать, за какимъ дѣломъ и какая надобность привела, и что такое случилось; такъ что, наконецъ, Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни захотѣлъ показать характеръ и сказалъ наотрѣзъ, что ему нужно лично видѣть самого частнаго, что они не смѣютъ его не допустить, что онъ

пришелъ изъ департамента за казеннымъ дѣломъ, а что вотъ, какъ онъ на нихъ-пожалуется, такъ вотъ тогда они увидятъ. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать частнаго.

Частный принялъ какъ-то чрезвычайно странно разсказъ о грабительствѣ шинели. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался? да не заходилъ ли онъ и не былъ ли въ какомъ непорядочномъ домѣ? такъ что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возымѣетъ ли надлежащій ходъ дѣло о шинели, или нѣтъ.

Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи (единственный случай въ его жизни). На другой день онъ явился весь блѣдный и въ старомъ капотѣ своемъ, который сдѣлался еще плачевнѣе. Повѣствованіе о грабежѣ шинели, — несмотря на то, что нашлись такіе чиновники, которые не пропустили даже и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, — однакоже многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому что чиновники и безъ того уже много истратились, подписавшись на директорскій портретъ. Одинъ кто-то, движимый состраданіемъ, рѣшился, по крайней мѣрѣ, помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ, сказавши, чтобъ онъ пошелъ не къ квартальному, а лучше всего, чтобы онъ обратился къ одному *значительному лицу*; что *значительное лицо*, спишась и снесясь, съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣшнѣе идти дѣло. Нечего дѣлать, Акакій Акакіевичъ рѣшился идти къ значительному лицу. Пріемы и обычаи *значительнаго лица* были солидны и величественны, но немногосложны. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость. „Строгость, строгость и — строгость“, говаривалъ онъ обыкновенно, и при послѣднемъ словѣ обыкновенно смотрѣлъ очень значительно въ лицо тому, которому говорилъ, хотя, впрочемъ, этому и не было никакой причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того былъ въ надлежащемъ страхѣ: завидя его издали, оставлялъ уже дѣло

и ожидалъ, стоя въ вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ низшими отзывался строгостью и состоялъ почти изъ трехъ фразъ: „Какъ вы смѣете? знаете ли вы, съ кѣмъ говорите? понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?“ Впрочемъ, онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ. Къ *значительному лицу* явился нашъ Акакій Акакіевичъ, и явился во время самое неблагопріятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочемъ, кстати для значительнаго лица. Значительное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговорился очень-очень весело съ однимъ недавно пріѣхавшимъ стариннымъ знакомымъ и товарищемъ дѣтства, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видался. Въ это время доложили ему, что пришелъ какой-то Башмачкинъ. Онъ спросилъ отрывисто: „Кто такой?“ ему отвѣчали: „Какой-то чиновникъ“.—„А! можетъ подождать, теперь не время“, сказалъ значительный человѣкъ. Наконецъ, наговорившись, а еще болѣе намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку, въ весьма покойныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ, наконецъ, какъ-будто вдругъ вспомнилъ и сказалъ секретарю, остановившемуся у дверей съ бумагами для доклада: „Да, вѣдь тамъ стоитъ, кажется, чиновникъ; скажите ему, что онъ можетъ войти“. Увидѣвши смиренный видъ Акакія Акакіевича и его старенькій вицмундиръ, онъ оборотился къ нему вдругъ и сказалъ: „Что вамъ угодно?“ Акакій Акакіевичъ уже заблаговременно почувствовалъ надлежащую робость, нѣсколько смутился и, какъ могъ, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснилъ, съ прибавленіемъ даже чаще, чѣмъ въ другое время, частицъ „того“, что была де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ безчеловѣчнымъ образомъ, и что онъ обращается къ нему, чтобъ онъ ходатайствомъ своимъ какъ-нибудь, того, списался бы съ г. оберъ-полицеймейстеромъ или другимъ кѣмъ и отыскалъ шинель.

Генералу, неизвѣстно почему, показалось такое обхожденіе фамильярнымъ. „Что вы, милостивый государь“, продолжалъ онъ отрывисто: „не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были

прежде подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія, потомъ передана была бы секретарю, а секретарь доставилъ бы ее уже мнѣ...“

„Но, ваше превосходительство“, сказалъ Акакій Акакіевичъ, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣлъ ужаснымъ образомъ: „ваше превосходительство, осмѣлился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народъ...“

„Что, что, что?“ сказалъ значительное лицо: „откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей такихъ набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ!“ Значительное лицо, кажется, не замѣтилъ, что Акакію Акакіевичу забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ. „Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете-ли вы, кто стоитъ передъ вами? Понимаете ли вы это? Понимаете ли это? я васъ спрашиваю“. Тутъ онъ топнулъ ногою, возведя голосъ до такой сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось бы страшно. Акакій Акакіевичъ такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и никакъ не могъ стоять: если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу, — ничего ужъ этого не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Онъ не слышалъ ни рукъ, ни ногъ: въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного слова; весь распухъ и слегъ въ постель. Такъ сильно иногда бываетъ надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, и когда явился

докторъ, то онъ, пощупавши пульсъ, ничего не нашелся сдѣлать, какъ только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался безъ благодѣтельной помощи медицины; а впрочемъ тутъ же объявилъ ему чрезъ полтора сутокъ непремѣнный капутъ, послѣ чего обратился къ хозяйкѣ и сказалъ: „А вы, матушка, и времени даромъ не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гробъ, потому что дубовый будетъ для него дорогъ“.

Слышалъ ли Акакій Акакіевичъ эти произнесенныя роковыя для него слова, а если и слышалъ, произвели ли они на него потрясающее дѣйствіе, пожалѣлъ ли онъ о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвѣстно, потому что онъ находился все время въ бреду и жару. Явленія, одно другого страннѣе, представлялись ему безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ какими-то западнями для воровъ, которые чудились ему безпрестанно подъ кроватью, и онъ поминутно призывалъ хозяйку вытащить у него одного вора даже изъ-подъ одѣяла; то спрашивая, зачѣмъ виситъ передъ нимъ старый капотъ его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что онъ стоитъ передъ генераломъ, выслушивая надлежащее распеканье, и приговариваетъ: „Виноватъ, ваше превосходительство!“ то, наконецъ, онъ произносилъ самыя страшныя слова, такъ что старушка-хозяйка даже крестилась, отъ роду не слыхавъ отъ него ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что слова эти слѣдовали непосредственно за словомъ „ваше превосходительство“. Далѣе онъ говорилъ совершенную безсмыслицу, такъ что ничего нельзя было понять; можно было только видѣть, что безпорядочныя слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконецъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ испустилъ духъ.

Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первыхъ, не было наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, оставалось очень немного наслѣдства, именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ, и уже извѣстный читателю капотъ. Кому все это досталось, Богъ

знаетъ: объ этомъ, признаюсь, даже не интересовался разсказывающій сію повѣсть. Акакія Акакіевича свезли и похоронили.

И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъбудто бы въ немъ его никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманіе и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,— существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!...

Нѣсколько дней послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ, съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ де требуетъ; но сторожъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, давши отчетъ, что не можетъ больше придти, и на запросъ: „почему?“ выразился словами: „Да такъ: ужъ онъ умеръ; четвертаго дня похоронили“. Такимъ образомъ узнали въ департаментѣ о смерти Акакія Акакіевича, и на другой день уже на его мѣстѣ сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше ростомъ и выставлявшій буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклоннѣе и косѣе.

Но кто бы могъ вообразить, что здѣсь еще не все объ Акакіи Акакіевичѣ, что суждено ему на нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти, какъ бы въ награду за непримѣченную никѣмъ жизнь? Но такъ случилось, и бѣдная исторія наша неожиданно принимаетъ фантастическое окончаніе.

По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ, въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенной шинели, и, подъ видомъ стащенной шинели, сди-

рающій со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели: на кошкахъ, на бобрахъ, на ватѣ, енотовыя, лисьи, медвѣжьи шубы,—словомъ, всякаго рода мѣха и кожи, какія только придумали люди для прикрытія собственной. Одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналъ въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича; но это внушило ему, однакоже, такой страхъ, что онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ и оттого не могъ хорошенько разсмотрѣть, а видѣлъ только, какъ тотъ издали погрозилъ ему пальцемъ. Со всѣхъ сторонъ поступали безпрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярныхъ, но даже и надворныхъ совѣтниковъ, подвержены совершенной простудѣ, по причинѣ частаго сдергиванія шинелей. Въ полиціи сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертваго, и наказать его, въ примѣръ другимъ, жесточайшимъ образомъ, и въ томъ едва было даже не успѣли. Именно, будочникъ какого-то квартала, въ Кирюшкиномъ переулкѣ, схватилъ было уже совершенно мертвеца за воротомъ на самомъ мѣстѣ злодѣянія, на покушеніи сдернуть фризовую шинель съ какого-то отставного музыканта, свиставшаго въ свое время на флейтѣ. Схвативши его за воротъ, онъ вызвалъ своимъ крикомъ двухъ другихъ товарищей, которымъ поручилъ держать его, а самъ полѣзъ только на одну минуту за сапогъ, чтобы вытащить оттуда тавлинку съ табакомъ, освѣжить на время шесть разъ на вѣку примороженный носъ свой; но табакъ, вѣрно, былъ такого рода, котораго не могъ вынести даже и мертвецъ. Не успѣлъ будочникъ, закрывши пальцемъ свою правую ноздрю, потянуть лѣвою полгорсти, какъ мертвецъ чихнулъ такъ сильно, что совершенно забрызгалъ имъ всѣмъ троимъ глаза. Покамѣстъ они поднесли кулаки протереть ихъ, мертвеца и слѣдъ пропалъ, такъ что они не знали даже, былъ ли онъ, точно, въ ихъ рукахъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже опасались хватать и живыхъ, и только издали покрикивали: „Эй, ты, ступай своею дорогою!“ и мертвецъ-чиновникъ сталъ показываться даже за Калинки-

нымъ мостомъ, наводя не малый страхъ на всѣхъ робкихъ людей.

Но мы, однакоже, совершенно оставили *одно значительное лицо*, которое по настоящему, едва ли не былъ причиною фантастическаго направленія, впрочемъ, совершенно истинной исторіи. Прежде всего долгъ справедливости требуетъ сказать, что *одно значительное лицо*, скоро по уходѣ бѣднаго, распеченнаго въ пухъ Акакія Акакіевича, почувствовалъ что-то въ родѣ сожалѣнія. Состраданіе было ему не чуждо; его сердцу были доступны многія добрыя движенія, несмотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаруживаться. Какъ только вышелъ изъ его кабинета пріѣзжій пріятель, онъ даже задумался о бѣдномъ Акакіи Акакіевичѣ. И съ тѣхъ поръ почти всякій день представлялся ему блѣдный Акакій Акакіевичъ, не выдержавшій должностного распеканья. Мысль о немъ до такой степени тревожила его, что, недѣлю спустя, онъ рѣшился даже послать къ нему чиновника узнать, что онъ, и какъ, и нельзя-ли въ самомъ дѣлѣ чѣмъ помочь ему: и когда донесли ему, что Акакій Акакіевичъ умеръ скоропостижно въ горячкѣ, онъ остался даже пораженнымъ, слышалъ упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть нопріятное впечатлѣніе, онъ отправился на вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго нашелъ порядочное общество, а что всего лучше, всѣ тамъ были почти одного и того же чина. Это имѣло удивительное дѣйствіе на душевное его расположеніе, Онъ развернулся, сдѣлался пріятенъ въ разговорѣ, любезенъ,— словомъ, провелъ вечеръ очень пріятно. За ужиномъ выпилъ онъ стакана два шампанскаго,—средство, какъ извѣстно, не дурно дѣйствующее въ разсужденіи веселости. И онъ рѣшилъ не ѣхать еще домой, а заѣхать къ одной знакомой дамѣ, Каролинѣ Ивановнѣ,—дамѣ, кажется, нѣмецкаго происхожденія, къ которой онъ чувствовалъ совершенно пріятельскія отношенія. Итакъ, значительное лицо сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ въ сани и, закутавшись весьма роскошно, въ теплую шинель, оставался въ томъ пріятномъ положеніи,

лучше котораго и не выдумаешь для русскаго человѣка, то-есть, когда самъ ни о чемъ не думаешь, а между тѣмъ мысли сами лѣзутъ въ голову, одна другой пріятнѣе, не давая даже труда гоняться за ними и искать ихъ. Полный удовольствія, онъ слегка припоминалъ всѣ веселыя мѣста проведеннаго вечера, всѣ слова, заставившія хохотать небольшой кругъ; многія изъ нихъ онъ даже повторялъ вполголоса и нашелъ, что они все такъ же смѣшны, какъ и прежде, а потому не мудрено, что и самъ посмѣивался отъ души. Изрѣдка мѣшалъ ему, однакоже, порывистый вѣтеръ, который, выхватившись вдругъ, Богъ знаетъ откуда и нивѣсть отъ какой причины, такъ и рѣзалъ въ лицо, подбрасывая ему туда клочки снѣга, хлобуча, какъ парусъ, шинельный воротникъ, или вдругъ, съ неестественною силою набрасывая ему на голову и доставляя такимъ образомъ вѣчныя хлопоты изъ него выкарабкиваться. Вдругъ почувствовалъ значительное лицо, что его ухватилъ кто-то весьма крѣпко за воротникъ. Обернувшись, онъ замѣтилъ человѣка небольшого роста, въ старомъ, поношенномъ вицмундирѣ, и не безъ ужаса узналъ въ немъ Акакія Акакіевича. Лицо чиновника было блѣдно, какъ снѣгъ, и глядѣло совершеннымъ мертвецомъ. Но ужасъ значительнаго лица превзошелъ всѣ границы, когда онъ увидѣлъ, что ротъ мертвеца покривился и, пахнувши на него страшною могилою, произнесъ такія рѣчи: „А, такъ вотъ ты, наконецъ! Наконецъ, я тебя того, поймалъ за воротникъ! Твоей-то шинели мнѣ и нужно! Не похлопоталъ объ моей, да еще и распекъ,—отдавай же теперь и свою!“ Бѣдное *значительное лицо* чуть не умеръ. Какъ ни былъ онъ характеренъ въ канцеляріи и вообще передъ низшими, почувствовалъ такой страхъ, что не безъ причины даже сталъ опасаться насчетъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ поскорѣе съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру не своимъ голосомъ: „Пошелъ во весь духъ домой“.

Кучеръ, услышавши голосъ, который произносится обыкновенно въ рѣшительныя минуты и даже сопровождается кое-чѣмъ гораздо дѣйствительнѣйшимъ, упряталъ на всякій

случай голову свою въ плечи, замахнулся кнутомъ и помчался, какъ стрѣла. Минутъ въ шесть съ небольшимъ, значительное лицо уже былъ передъ подъѣздомъ своего дома. Блѣдный, перепуганный и безъ шинели, онъ доплелся кое-какъ до своей комнаты и провелъ ночь весьма въ большомъ безпорядкѣ, такъ что на другой день поутру, за чаемъ, дочь ему сказала прямо: „Ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папа". Но папа молчалъ и никому ни слова о томъ, что съ нимъ случилось. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе. Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: „какъ вы смѣете? понимаете ли, кто передъ вами?" если же и произносилъ, то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва, въ чемъ дѣло.

Но еще болѣе замѣчательно то, что съ этихъ поръ совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечамъ; по крайней мѣрѣ, уже не было нигдѣ слышно такихъ случаевъ, чтобы сдергивали съ кого шинели.

Впрочемъ, многіе дѣятельные и заботливые люди никакъ не хотѣли успокоиться и поговаривали, что въ дальнихъ частяхъ города все еще показывался чиновникъ-мертвецъ. И точно, одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но, будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ,—такъ что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извозчиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ,—итакъ, будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шелъ за нимъ въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, привидѣніе вдругъ оглянулось и, остановясь, спросило: „Тебѣ чего хочется?" и показало такой кулакъ, какого и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ: „Ничего", да и поворотилъ тотъ же часъ назадъ. Привидѣніе, однакоже, было уже гораздо выше ростомъ, носило преогромные усы и, направивъ шаги, какъ казалось, къ Обухову мосту, скрылось совершенно въ ночной темнотѣ.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA-LOS ANGELES
L 007 914 258 4